

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

В.А. МАТВЕЕВ

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 г.: ретроспективное измерение

Ростов-на-Дону
ООО «Омега-Принт»
2015

ББК 66.3 (4Укр)
УДК 32 (с 2)
МЗЗ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **А.И. Агафонов**
(Россия);

доктор экономических наук **А.И. Радзиевский** (Украина)

Матвеев В.А.

МЗЗ Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение *(особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху)* / В.А. Матвеев. Ростов н/Д: ООО «Омега-Принт», 2015. 320 с.

ISBN 978-5-91575-048-6

В монографии разностороннему анализу подвергаются исторические обстоятельства и теории, способствовавшие разъединению восточнославянского сообщества и установлению границ «украинского государства», условность которых и проявилась в условиях современного кризиса. На основе сопоставления общих и субэтнических кодов излагается не встречавшаяся ранее версия о причинах разрушения общерусского единства. Рассматриваются также признаки его проявления в восточнославянской среде в новейшую эпоху. Исследование проведено с применением этнонациологического подхода.

Рассчитано на широкий круг специалистов, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

ББК 66.3 (4Укр)

ISBN 978-5-91575-048-6

© Матвеев В.А., 2015

© Южный федеральный университет, 2015

© Институт истории и международных отношений, 2015

*Издание монографии стало возможным
при материальной поддержке руководства
Группы строительных компаний «ДОН».
Автор выражает глубокую благодарность всем,
кто способствовал реализации данного проекта.*

Введение

Постановка проблемы. Как неоднократно проясняли трагические события, значение объективных исторических познаний нельзя недооценивать. Они не просто воссоздают панораму минувшего, но несут в себе очертания настоящего и будущего. Даже на самых ранних стадиях развития этнических сообществ, идеология которых отражалась в легендах и мифологических преданиях, устойчивость этих сообществ во многом зависела от качества передачи знаний о прошлом из поколения в поколение. Такая зависимость в этнонациогенезе сохранялась и на последующих этапах. Контакт поколений и у восточных славян в немалой степени способствовал воспроизводству этничности. Осуществление его обеспечивалось одним и тем же способом, лишь с долей неизбежных местных отличий. Об этом сохранились заимствованные из традиционных практик различные описания передачи познаний о прошлом.

В одном из них отображение, в частности, получило то, какого содержания информация передавалась подрастающим поколениям в восточнославянской среде. Им сообщалось в том числе следующее: «Злая судьба в течение долгих веков глумилась над... народом. Тяжелые удары подорвали... благосостояние, нищета сломила... свободный, сильный характер, и теперь только смутные воспоминания о прошлом воскрешают перед правнуками более счастливую жизнь предков. И когда порою, старая бабка... начнет рассказывать... внукам о седой

старине, о набегах... дети слушают с волнением»¹. Передача же информации подобным образом мобилизовывала потенциал отдельных субэтнических групп либо даже сообщества в целом, сообщая устойчивость (пассионарность) к неблагоприятным воздействиям. На это неоднократно обращалось внимание и представителями отечественной исторической науки.

В.О. Ключевский (1841–1911) описанный способ передачи познаний о прошлом в восточнославянской среде с элементами всеобщности передал следующим образом: «Без общих понятий и целей... интересов и стремлений люди не могут составить прочного общества», ибо «чем больше возникает таких связей и чем больше получают они власти над волей соединяемых ими людей, тем общество становится прочнее»². Скрепляя сообщества, эти связи, «устанавливаясь и твердея от времени», превращались в нравы и обычаи. Исторические предания, «действуя из поколение в поколение», закрепляют «наследие новой нравственной связью», превращая его в «наклонности потомков»³.

По мере усиления государственного сплочения, как показывает не только отечественный, но и зарубежный опыт, такие интегрирующие функции в значительной мере обеспечиваются через систему образования. Между тем и она неспособна полностью заменить традиционный способ передачи информации о прошлом, осуществляющийся в контакте поколений. Ретроспективные восприятия всегда оказывали решающее влияние на формирование «народного самосознания»⁴. Еще просветители XVIII в. отмечали, что знания о прошлом непосредственно влияют на «активность духа» и обуславливают те или иные перемены⁵. Нередко связанные с ними процессы обретают

¹ См. подробнее: Франко И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке // В кн.: Франко И. Избранные сочинения. Пер. с укр. Т. IV. Рассказы и повести. Драммы. М., 1950. С. 488.

² Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. Курс русской истории. Часть 1. М., 1956. С. 22.

³ Цит. по: Там же.

⁴ Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 156.

⁵ Иваньо И.В., Шинкарук В.И. Философское наследие Григория Сковороды // В кн.: Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 50.

трансформационный характер, порождая новые качественные состояния. Применяется данный опыт и в преломлении к современности.

Соответственно и в наши дни безопасность любого государства и самого его населения напрямую зависит в немалой степени от состояния дел в исторической науке. Содержание концепций предопределяет фазы подъема или упадка энергии наций, в том числе и согражданств как их разновидности. В систематизациях должен учитываться эпохальный контекст с наличием различных составляющих. Неразработанность тех или иных проблем и появляющиеся вследствие этого их фальсифицированные трактовки, под какими бы оболочками они ни скрывались, нередко открывают возможность сползания к катастрофам. Данная закономерность находит себе и специальное применение.

Появились связанные с ней новые разновидности разрушительных технологий, среди которых особое место занимает организация исторических знаний с соответствующей направленностью. Это влечет за собой изменение общностей, конституированных на основе выбранных в качестве объекта воздействия типов самосознания⁶, и соответственно кода этнонационального развития. Возможность таких преобразований подтверждается свершениями прошлого, эпохами смены религий и иных объединительных идеологий. Направленность на разрушение сложившейся исторической кодификации имеет происходившее как на предшествующих этапах, так и не прекратившееся в преломлении к современности концептуальное противоборство с российской историей⁷. На нем основывалось и насаждение националистических настроений на Украине в постсоветскую эпоху.

Помимо ретроспективных фальсификаций, ставка при осуществлении соответствующей политики делается в том числе на искоренение русского языка и культуры⁸. Используются широко

⁶ См. подробнее: Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006.

⁷ Поликарпов В.С. Новые виды оружия и технологии войн // Научная мысль Кавказа. 1997. № 2. С. 17, 20–21.

⁸ Козлов Ю.К. Предисловие // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008. С. 9.

и различного рода оторванные от существовавшей когда-то реальности искажения⁹. Все они сводятся к утверждению, что «предки... украинцев и белорусов никогда не имели ничего общего с русскими»¹⁰. Под воздействием различных неблагоприятных обстоятельств в XX в. восточнославянское сообщество неоднократно подвергалось разобщению, что нуждается в объективном разностороннем изучении. Оторванные же от действительности представления не могут играть конструктивной роли ни для одного из государственных образований.

После разъединения восточного славянства в 1991 г. учеными неоднократно в обращениях к соотечественникам по обе стороны границы высказывалось тревожное предостережение, остающееся до сих пор не услышанным: «Необходимо уважать исторический выбор наших предков!»¹¹, сделанный, необходимо заметить, в непростой обстановке на Московском Земском соборе (1653) и на Переяславской Раде (1654), отразивший настрой в восточнославянском сообществе на восстановление былого единства пространств Руси. Представителями науки обращалось внимание и на опасность растаскивания великого объединенного в евразийскую империю наследия, не исключая и геополитического (пространственного), по национальным уделам.

В постсоветскую эпоху тем не менее произошла актуализация дифференцирующих сообщество отличий. Поднимался и территориальный вопрос. Через средства массовой информации и публикации в прессе излагались так называемые «исторические права» на немалую часть юго-восточных сопредельных российских регионов, исходя из принципа «преобладающей колонизации». В подтверждение же необходимости реализации в полном объеме соответствующей теории, составленной еще М.С. Грушевским (1864–1934) на основе замены сложившихся в контексте эпох понятий¹², отображавших кодифицированные срезы реальных процессов, приводились, в частности, впе-

⁹ См. подробнее: Калашников М., Бунтовский С. Независимая Украина. Крах проекта. М., 2009. С. 7–9.

¹⁰ См. подробнее: Широкоград А.Б. Утерянные земли России. М., 2007. С. 3.

¹¹ Заявление участников международной научной конференции «340 лет Переяславской Рады»// 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. 2. Донецк, 1994. С. 52.

¹² См. подробнее: Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. К., 1990.

чатления от поездок на Юг России. И они, как утверждалось, позволили якобы наблюдать, что «везде там слышна украинская речь, и поэтому не нужно жалеть никаких средств, несмотря на трудности, чтобы у местного населения возродить соответствующий национальный менталитет»¹³.

Со ссылками на это делались неоднократные заявления «о душевной боли за Кубань и Таганрожье», допускались и более категоричные утверждения: «Кубань – это Украина!»¹⁴. Требование «возврата... ее этнических земель» отражено в качестве программного и в современном «бандеровском проекте»¹⁵. Можно было бы, конечно, посоветовать тем, кто вынашивает подобные притязания, попытаться для осознания реальности возродить, скажем, у французов менталитет галлов или германцев, у американцев – англичан или каких-нибудь еще европейцев. Над перспективами таких превращений они, видимо, не задумывались. Но прояснение истины требует научной аргументированности, так как перегруппировка или даже разрушение самосознания при помощи концептуальной организации ложных знаний, как уже было отмечено, возможны и в последние годы принимают все большие масштабы.

С аналогичных изложенным позиций, например, стала рассматриваться после распада страны в 1991 г. в школьных и вузовских учебных курсах история Украины, в отрыве от русской и с преувеличением роли украинской колонизации в освоении различных пространств, включавшихся в разные периоды в пределы формировавшегося на протяжении многих веков при солидарном взаимодействии восточных славян в историческом процессе государства. Инакомыслие же по этой проблеме, как впрочем, и по другим, подвергается гонению¹⁶. Следует заметить, что современный проект «Украина от Карпат

¹³ См. подробнее: Коваленко В. Крымский вопрос и московская пропаганда // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 3–4. С. 160–161.

¹⁴ Там же. С. 161.

¹⁵ Зазулин Н.В. Вооруженное подавление бандеровского бандитизма // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008. С. 306.

¹⁶ Радзиевский А.И. Сохранение духовно-культурного единства и выход из экономического кризиса Украины и России // Диалог украинской и русской культур в Украине. Материалы IV Международной научно-практической конференции (9–10 декабря 1999 г., г. Киев). Киев, 2000. С. 236–279.

до Кавказских гор!» является как раз своего рода отражением уже существовавшего ранее, лишь приспособленного к новым условиям.

После преобразований в советскую эпоху вне его контекста осталась лишь часть, сохранившаяся в качестве ареала Юга России. Дискредитация прежней объединительной идеологии способствовала вместе с тем возобновлению притязаний на реализацию в полном объеме теории М.С. Грушевского. Несмотря на надуманность и отсутствие опоры на источники, ее положения восприняли представители научных и политических кругов на Украине. Недостаток же знаний о прошлом вновь породил и другую опасность. Связана она с предпринимаемыми усилиями, направленными на разрушение унаследованного исторического кода восточнославянской этничности.

Вина за разъединение со сродными западными и южными общностями в XIX в. возлагалась на европейцев. Вытеснение православия и насаждение католицизма создало в их среде условия для «усобиц»¹⁷. Такие же усилия предпринимались и по перегруппировке самосознания восточных славян со ставкой на разрушение исторического кода их единства. Для этого задействовались различные технологии, часть из которых используется и в современных условиях. В этой связи особую значимость обретает необходимость изучения обстоятельств и теорий, способствовавших дезинтеграции восточнославянского сообщества. Украинский кризис 2014 г. показал, что проявившиеся угрозы имеют ретроспективную предопределенность.

Состояние знаний. Повышенная заинтересованность в насаждении отрицательного образа России в целях ее разрушения как государственного образования наиболее последовательно стала проявляться еще с середины XIX в. В ряде европейских стран через прессу и публицистику проводилась и соответствующая пропаганда. Такое изображение России было необходимо на Западе для достижения неблагоприятных целей передела мира. Формирование колониальных империй в тот промежуток времени уже завершилось. Россия являлась государственным образованием иного рода и под такую типо-

¹⁷ Шевченко Т. Кобзарь. Пер. с укр. ОГИЗ. Гослитиздат. М., 1947. С. 215.

логию не подпадала. Окраины ее имели равноправный статус и сырьевыми придатками не являлись. Интеграционные процессы, происходившие в Российской континентальной империи, способствовали становлению в ее границах согражданства на полиэтнической основе.

Однако в Европе руководствовались в восприятии ее собственным опытом и неоднократно предпринимали попытки по дезинтеграции. Со временем они становились все более изощренными. Но создание отрицательного образа России оставалось неизменным во всех идеологических приемах, значение которых в XIX в. уже осознавалось. О том, какое содержание имели негативные сведения о ней, свидетельствуют путевые заметки А. Дюма, сделанные во время путешествий вскоре после окончания Крымской войны. Из Европы французский писатель приехал, в частности, с такими представлениями: «Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожить. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар»¹⁸.

С середины XIX в. у европейских политиков, судя по всему, проявился интерес именно к тем сведениям, которые позволяли возлагать надежду на возможность развала России. Существовало даже мнение, что ее можно расчленить «на четыре территории»¹⁹. При этом предполагалось, что на «западе сформируется Польша со столицей в Варшаве»²⁰. Независимость предусматривалась в прежних границах, включавших и восточнославянские земли. При отделении, как считали сторонники данного варианта сегментации евразийского континентального пространства, южная часть «включит в себя» весь Кавказ, а восточная – Сибирь. Как утверждалось в описаниях этого сценария, «подлинной российской государственностью» останется только «северная империя»²¹.

Изложенное отнюдь не являлось частным мнением А. Дюма, получившем отражение в путевых заметках о путешествии по России. С сепаратистскими настроениями в ее пределах он

¹⁸ См. подробнее: Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988. С. 149.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

нигде не сталкивался и соответствующие представления на уровне фантазий привез из Европы, где проекты по расчленению евразийской империи в действительности и в его время обсуждались. На влияние связанных с ними вариантов на размышления писателя указывает хотя бы то, что он во главе Польши видел того, «кого будет поддерживать Франция»²². При распаде же России А. Дюма, с опорой на бытовавшие взгляды в Европе, не исключал образование федеративной республики «от Курска до Тобольска»²³. Территория Малороссии оставалась Польше.

В любом случае, как считал А. Дюма, «Россия вынуждена будет отдать то, чем она сейчас владеет». Если же этому ее руководство попытается препятствовать, «начнется война»²⁴. В качестве мягкого варианта предусматривалось навязывание модели европейского национализма, который в условиях формировавшегося российского согражданства способен был сыграть лишь разрушительные функции. Распространялись в Европе и соответствующие теории. Обвинение же в «захвате чужого»²⁵ А. Дюма следовало бы отнести на счет европейских метрополий, создавших к середине XIX в. обширные колониальные империи, как раз и подвергавшие эксплуатации иноэтническую периферию.

В России все окраины были убыточными и перекачка средств в пользу центра из них не производилась. Впоследствии даже те, кто этого не хотел, вынуждены были признавать: «От внешних завоеваний русский народ не богател, как западные народы от их колониальных грабежей»²⁶. В основе формирования Российской империи лежала справедливость, завоевания же не играли сколько-нибудь значительной роли²⁷. Это подтверждалось также реальностью восстановления единства восточных славян и существования их государственной общности на последующих этапах. Отражение ее прослеживается в

²² Цит. по: Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 199.

²⁷ Основы политологии. Курс лекций. (Под ред. В.П. Пугачева). М., 1992. С. 17.

различных вариантах творческого наследия, создававшегося в контексте эпох, в том числе представителями малороссийской интеллигенции. Воплощение тематика единства восточных славян получала и в литературных произведениях Н.В. Гоголя (1809–1852), Т.Г. Шевченко (1814–1861) и И.Я. Франко (1856–1916), анализ которых требует отдельного рассмотрения по ходу исследования.

Оппозиционные же группировки, создававшиеся в Российской империи нередко и при поддержке из-за рубежа, замечали лишь информацию, способствовавшую дискредитации отечественного исторического процесса. Со второй половины XIX в. они вознамерились во чтобы то ни стало «ослабить, расшатать... дезорганизовать силу государства»²⁸. Для достижения этой цели использовались вместе с тем нерешенные проблемы, предполагавшие проведение преобразований в различных сферах. Но эти затруднения в развитии государства, как показывал отечественный и зарубежный опыт, были вполне преодолимы. Между тем радикалистские вождедения оказывали на определенные слои разлагающее воздействие.

Ограниченность его возможностей сохранялась лишь до поры до времени. Должного противодействия этим попыткам с опорой на объективные знания организовано не было. Отсутствовала и соответствующая контрпропаганда, обретающая особое значение при таких обстоятельствах. Дискредитация России оппозиционными группировками происходила преимущественно через публицистику. В этом как раз и заключалась опасность. Публицистика относится именно к той разновидности творчества, которое не предполагает проверки представляемых версий на объективность. Защита правды о прошлом не была организована должным образом. Тем не менее она производилась. Русским историческим обществом для этого издавался, например, сборник, в котором размещались материалы и подборки документов, отображавших позитивные стороны отечественных реалий имперского периода.

Но издание, осуществлявшееся на частные пожертвования,

²⁸ Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX вв. Ростов н/Д, 1992. С. 11.

испытывало затруднения. Государственной поддержки оно не получало. При обосновании же обозначившейся необходимости «восстановления исторической правды» А.А. Половцев, являвшийся одним из организаторов сборника, в публичном выступлении как-то заметил: «Желающему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприглядная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбы его; возвышенные, существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем дорогую Россию, в литературе... за редким исключением, силою обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру в себя и в правившие им силы»²⁹.

Несправедливость в оценках прошлого оставалась неустраненной и негативная информация о России продолжала распространяться, обретая разрушительные свойства. И в то время существовало понимание, что при определенных обстоятельствах слово обретает способность конструировать самосознание масс в том или ином направлении или даже составляет «опускаться чашу народных весов»³⁰. Решающую роль при этом играла оппозиционная публицистика. Именно через нее насаждался и отрицательный образ России. В критике существовавших проблем выделялись лишь неприглядные срезы действительности. На достижения же внимание не обращалось.

Выставляя «на свет темную сторону русской жизни», А.И. Герцен, к слову, призывал соотечественников освободиться «от прошлого», ибо оно, по его утверждению, «пусто, бедно и ограничено»³¹. Даже «прибалтийских немцев и замиренных черкесов на Кавказе», становившихся под воздействием проводившейся государственной политики на иноэтнических окраинах русскими патриотами, он называл «любителями рабства»³². Не понимая реальности, А.И. Герцен обвинение основывал на том, что они якобы «принимают абсолютизм за единственную

²⁹ Грицков В.В. Из истории Сборника Русского исторического общества // Сборник Русского исторического общества. № 1 (149). М., 1999. С. 11.

³⁰ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1975. С. 461.

³¹ Там же. С. 460, 464.

³² Там же. С. 457.

цивилизованную форму правления»³³.

В переписке с писателем Т.Н. Грановский заметил, что его публицистика в России «оскорбила многих»³⁴. Как историк он обратил внимание А.И. Герцена на то, что в ней «часто проскакивают» неверные факты. Объяснение этому Т.Н. Грановский видел в оторванности вследствие длительного проживания за границей от России³⁵. А.И. Герцену принадлежит и изречение, в котором он образно называет ее «тюрьмой народов». Н.Г. Чернышевский в освещении прошлого России вообще предпочтение отдавал иноземным источникам³⁶. В его разъяснениях указывается на преобладание в них критических описаний отечественного быта. Н.Г. Чернышевский считал это огромным преимуществом, несмотря даже на обилие неточностей и ошибок³⁷.

«Коренной славянский смысл» в русском народе, по его мнению, из-за византийского и восточного влияний «совершенно закрывается чисто азиатскою формою»³⁸. Резкой критике Н.Г. Чернышевский подверг и выходившую во Львове газету «Слово», публиковавшую материалы с отображением позитивного образа России и поддерживавшую тем самым существовавший в Галиции настрой на объединение всего восточного славянства в ее границах. По поводу «москвофильства» издания Н.Г. Чернышевский написал специальную статью «Национальная бестактность», в которой осудил в том числе развивавшееся с середины XIX в. весьма влиятельное «политическое течение»³⁹. Вместе с тем Н.Г. Чернышевский высоко оценил труд Н.И. Костомарова о Богдане Хмельницком, отметив, что история «возвращения Малороссии к русскому царству» пред-

³³ Там же.

³⁴ Из писем Т.Н. Грановского // В кн.: Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1975. С. 503.

³⁵ Там же.

³⁶ Чернышевский Н.Г. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Уложения Сокольничья Пути и проч.», издал Петр Бартеков. Москва. 1856 // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. М., 1948. С. 248.

³⁷ Там же. С. 250.

³⁸ Там же. С. 251, 260.

³⁹ Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 707.

ставляет «великий интерес по важности предмета»⁴⁰.

В нем признавалась и правомерность избранного гетманом курса на восстановление единства восточных славян. Это позволяет сделать вывод о противоречивости взглядов Н.Г. Чернышевского, идеализация которых допускалась, как известно, в советский период. Преобладающим в них выступало все же негативное восприятие России. На примере М.А. Бакунина М.П. Драгоманов как представитель отечественной исторической науки второй половины XIX в. отметил общий недостаток в настроениях оппозиционных группировок. По его замечанию, они видели не то, «что было, а то, что хотелось и притом в рисунке схематическом, а вовсе не реальном»⁴¹. Поэтому при восприятии российской действительности они запутались «в иллюзиях и мистицизме»⁴². Специализация же на критике России, по оценке М.П. Драгоманова, «не сопровождалась... сколько-нибудь глубоким изучением истории и политики»⁴³.

Нередко представители оппозиционных группировок переходили «к крайнему отрицанию действительности» и начинали видеть ее в революционных «абстракциях»⁴⁴. В этом заключалась немалая опасность. Такие настроения воспринимались и творческой интеллигенцией, оказывавшей, так или иначе, влияние на массы. Следует заметить, что если Н.В. Гоголь к политике «был равнодушен» и считал, что Россия должна оставаться «с царем и... православной церковью»⁴⁵, то Т.Г. Шевченко и И.Я. Франко находились под влиянием оппозиционных взглядов А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Поэтому в их описаниях встречаются критические мотивы. Но Т.Г. Шевченко и И.Я. Франко не ставили под сомнение единство восточных славян. Российская действительность освещалась ими преимущественно с такой направленностью.

⁴⁰ Чернышевский Н.Г. Из № 2 «Современника». Январь 1857. «Богдан Хмельницкий» Костомарова // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. М., 1948. С. 702.

⁴¹ Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. Дозволено цензурою. Г. Казань, 18 ноября 1905 года. Казань, 1906. С. 5.

⁴² Цит. по: Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 5, 11.

⁴⁵ Гусев Ю.П. Йозеф Этвеш и Николай Гоголь // Славяноведение. 2014. № 6. С. 17.

Многие представители Малороссии наряду с ними видели в восстановлении государственного единства восточных славян predeterminedность и позитивный исторический смысл. Профессор П.И. Ковалевский, например, указывал в своих исследованиях на то, что «Малороссия и Белоруссия – та же Россия, только они жили отдельно от своего общего тела и их страдальческая история так же важна для всякого русского, как и история Великороссии»⁴⁶. Разрывать исторический процесс их развития он считал недопустимым. К «русской державной нации» П.И. Ковалевский относил на равных великороссов, белорусов и малороссов⁴⁷. П.И. Ковалевский, как видно, признавал реальность складывания восточнославянского сообщества в этнонацию.

Замечание же его о несправедливости сведения консолидационного процесса к «истории Великороссии»⁴⁸ имело обоснованность. В научных кругах на это своевременно внимания не обратили. Попытки преодоления сложившейся в отечественной исторической науке ситуации между тем предпринимались. В энциклопедическом словаре «Россия», отражавшем ее уровень в конце XIX в., прошлое восточнославянского сообщества рассмотрено в общей связи становления государства⁴⁹. В качестве совместного истока обозначен и приднепровский период (IX–XII в.)⁵⁰. Описание территории произведено в общерусском контексте без каких-либо разделений. С таким же обозрением представлены и теории происхождения казачества. Описание событий воссоединения с Малороссией дано в сочетании с оценками роли гетманов в этом процессе, в том числе и тех, кто становился на путь измены⁵¹.

Соответственно дана характеристика правления Хмельницкого, Мазепы и Скоропадского. В качестве позитивных перемен отражено в отдельном фрагменте введение в крае

⁴⁶ Ковалевский П.И. История Малороссии. С.-Петербург, 1912. С. 5.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). Л., 1991. С. 446–450.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 494–495, 496–498, 499–502, 503–506.

«общерусских порядков» с конца XVIII в.⁵² Обоснованность замечания П.И. Ковалевского, тем не менее, заметна и по этому изданию. Раздельность с историей Великороссии в нем не была преодолена. Исследования на стыке истории и этнологии в конце XIX – начале XX в. не проводились. Именно такой подход позволил бы восстановить целостность взаимодействия, итоги которого предопределялись, прежде всего, народными массами. Показателем общерусского единства восточнославянского сообщества считалась принадлежность к православию. В изучении кода единства поэтому особо выделялись различные аспекты церковной истории⁵³.

Образ России как «тюрьмы народов» наиболее активно стал внедряться с возникновением кризисных обстоятельств в начале XX в. Усилия же к этому прилагали отнюдь не только внутренние оппозиционные группировки. Насажение негативного восприятия отечественных реалий осуществлялось в том числе через публикации в зарубежной прессе, особенно американской⁵⁴. Пропаганду против России с использованием формулировки «тюрьма народов» проводили и перебравшиеся за границу депутаты Государственной думы⁵⁵, лишившиеся не в последнюю очередь из-за таких высказываний внутри страны значительной части мандатов. Во всяком случае, настроения избирателей окраин сыграли в этом определенную роль. Ограничительные меры против оппозиционно настроенной «национальной интеллигенции»⁵⁶ явились, на мой взгляд, не единственным фактором, повлиявшим на прохождение в российский парламент третьего созыва.

В отличие от зарубежных стран дискредитирующая отечественные реалии риторика внутри страны не находила широкой поддержки. Распространению представлений о России как «тюрьме народов» способствовал и В.И. Ленин. При формировании программы возглавляемой им партии внимание ее членов он обращал на следующее: «Нам, представителям

⁵² Там же. С. 508–509.

⁵³ Там же. С. 807–808.

⁵⁴ Ванюков Д.А. Курильские острова. М., 2011. С. 18.

⁵⁵ Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 60.

⁵⁶ Там же.

великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса, — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»⁵⁷. После возвращения из эмиграции в 1917 г. В.И. Ленин подвергался критике даже со стороны соратников. Им бросалось в глаза, что он не знает российской действительности и навязывает в ряде случаев не соответствующие ей решения.

В размещенной в газете «Правда» 20 (7) июня 1917 г. статье В.И. Ленин при обозначившейся дестабилизации сложившейся системы государственных отношений Украину и прочие «не-русские земли» объявил «захватом русских царей и капиталистов» и заверил, что с приходом к власти РКП(б), наряду с Польшей, Финляндией, Туркестаном, она насильственно как «колония» удерживаться не будет⁵⁸. Необходимость свободы отделения объяснялась наличием якобы «в соседних нациях... озлобления и недоверия к великорусам»⁵⁹. Под идеологическим воздействием после утверждения леворадикальной диктатуры большевистского режима с октября 1917 г. версия, что «до революции Россия была тюрьмой народов», обрела монопольность в отображении прошлого.

Разделение восточнославянского сообщества на национальные сегменты получило официальную поддержку. Малороссы (украинцы) и белорусы впервые были отнесены к категории ««недержавных» народов»⁶⁰. «Серьезность» так называемого национального вопроса стала объясняться тем, что «великороссы не составляют абсолютного большинства населения» страны⁶¹. Политике «царского правительства» стало приписываться и проведение «насильственной русификации окраинных народов»⁶². Данное обвинение дополнялось

⁵⁷ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т.26. С. 106–110.

⁵⁸ Ленин В.И. Есть ли путь к справедливому миру? // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 304–305.

⁵⁹ Ленин В.И. К пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 379.

⁶⁰ Сталин И.В. Выступления на III Всероссийском съезде Советов Р.,С. и К.Д. 10–18 января 1918 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 30.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

утверждением о существовавшем якобы «запрещении родного языка», также не имевшим ничего общего с реальностью. Но оно объявлялось «методом... действий» в проводившейся политике в имперский период, к которому были отнесены вместе с тем «погромы и другие гонения»⁶³.

Экспедиции же, организовывавшиеся Академией наук в начале XX в., сталкивались с отсутствием знания русского языка на иноэтнической периферии⁶⁴. Что же касается восточнославянского сообщества, восприятие в его среде общих лингвистических норм обуславливалось процессами происходившей этнической консолидации. Обобщение языкового контента затрагивало и великорусские говоры. Обоснованной критике предпринимавшееся отрицание достижений в предшествующий период развития государства подвергалось лишь представителями имперских управленческих структур и отечественными учеными, оказавшимися в эмиграции.

Примечательны в этой связи воспоминания В.Н. Коковцова, возглавлявшего правительство и министерство финансов в 1911–1914 гг., то есть в период, когда в стране происходил промышленный подъем. Его осведомленность о состоянии дел в государстве была разносторонней и заслуживает доверия. По словам В.Н. Коковцова, оказавшись у власти, большевики наибольшую заинтересованность проявляли в том, чтобы «замолчать и опорочить все, что было до них», приложив усилия для достижения «цели дискредитирования прежнего управления»⁶⁵. Философ И.А. Ильин в свою очередь заметил, что новая элита проходила и впоследствии насаждала «школу чужемыслия», веря «в силу лжи», доктрину, направленную «против справедливости»⁶⁶.

Воссоединению восточных славян в одном из изданий «Всеобщего общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев» в 1934 г. давалась, например, такая оценка: «Пробивая войнами

⁶³ Там же.

⁶⁴ См. например: Марр Н.Я. Непочатый источник истории Кавказского мира. (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан, 24 дек. – 12 янв.). // Известия Академии наук. (Бюллетень Академии наук). 1917. Петроград, 1917.

⁶⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 314, 426.

⁶⁶ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М., 2008. С. 18–20.

дорогу русскому торговому капиталу к Черному морю, царизм действовал и по линии торговых интересов украинских помещиков, казачьей старшины, чем и объясняется та легкость, с которой царская Россия приобрела Украину»⁶⁷. Проявления этнической солидарности сводились также к оторванной от реальности формулировке, в которой отображалось все так, как и было предусмотрено теоретической схемой. В соответствии с ней утверждалось, что к началу XIX в. «сыновья и внуки гордых гетманов и вольных казачьих старшин превратились в верно-подданных российских и малороссийских дворян»⁶⁸. На последующих этапах формулировки претерпели лишь редакционные изменения, теоретические контуры их оставались прежними.

Определяющей стала тем не менее версия о том, что Украина в составе России находилась якобы «под невыносимым гнетом царя и помещиков»⁶⁹. «Притесняемой колонией» она являлась, как отмечалось нередко в дополнениях к описаниям, «чуть не три столетия»⁷⁰. Приводились и «свидетельства» о том, что «малороссийское» подвергалось критике, распространению соответствующих идей оказывалось противодействие»⁷¹. Содержание таких утверждений не менялось, как можно заметить из сопоставлений, с 20–30-х гг. XX в., формулировки, дискредитировавшие политику Российской империи, оставались одни и те же, конкретными фактами они не подкреплялись. Для иллюстраций задействовались, как правило, сходные сюжеты, возведенные в соответствии с идеологическими установками в ранг «общепринятых». Задействовались они и в пропагандистских целях.

Использовавшиеся в борьбе за власть дискредитирующие прежнюю практику управления государством формулировки в

⁶⁷ Цит. по: Заславский Д. М. П. Драгоманов. (К истории украинского национализма). Издательство политкаторжан. Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. Историко-революционная библиотека. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. № 8 (XCVII). М., 1934. С. 7.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Дейч А. Л. Тарас Шевченко (Биографический очерк) // Шевченко Т. Кобзарь. Пер. с укр. ОГИЗ. Гослитиздат. М., 1947. С. 4.

⁷⁰ См. подробнее: Смолич Ю. Рассказ о непокое. Страницы воспоминаний об украинской литературной жизни минувших лет. М., 1971. С. 101.

⁷¹ Там же. С. 342.

1938 г. были закреплены в кратком курсе истории ВКП(б). В нем насаждалось, в частности, такое представление: «Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально “инородцами”, воспитывало презрение и ненависть к ним»⁷². В советской историографии наследие прошлого, как видно, рассматривалось с позиций односторонности.

Между тем с 1953 г. возникала ситуация, при которой возможным становился постепенный отход от прежних представлений. В связи с намечавшимся 300-летним юбилеем воссоединения с Украиной, произошедшего по решениям Переяславской Рады в 1654 г., исследователи получили доступ к архивным материалам по данной проблеме. Выявленные факты показывали, что при объединении с Украиной «свокорыстных расчетов» у России не существовало, напротив, она несла огромные экономические издержки. Соответственно, данная часть государственного пространства, равно как и другие окраины империи, не могла выступать в качестве колонии. Причины воссоединения просматривались по источникам, прежде всего, в этническом родстве и единстве веры, что противоречило официальной концепции.

Тогда же при ЦК КПСС создавалась специальная идеологическая комиссия (отдел) во главе с академиком А.В. Лихолатом, призванная следить, чтобы выявленные в архивах факты не просочились на страницы печати⁷³. В поступавших для публикации по случаю юбилея материалах представители цензуры обнаруживали немало сведений, опровергавших так или иначе

⁷² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. ОГИЗ. Госполитиздат. М., 1945. С. 6.

⁷³ Матвеев В.А. Международная научная конференция «340 лет Переяславской Раде» (Украина, г. Донецк, март 1994). (Сообщение) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 1–2; Он же. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев. 1995. № 1. С. 94–100.

официальную концепцию восстановления государственного единства восточных славян в XVII в. О значительном объеме выявленной информации такого рода свидетельствует то, что на складывавшуюся ситуацию обратили внимание на самом высоком уровне и приняли соответствующие меры по ее сокрытию. Созданная для идеологического надзора структура поставила ей надежный заслон.

Академик А.В. Лихолат являлся в то время признанным специалистом в области межнациональных отношений, его труды издавались большими тиражами. Поручение он исполнял со знанием дела, так как хорошо знал параметры дозволенного при оформлении публикаций. Все описания и в этом случае подгонялись под «общепринятое» классовое измерение исторического процесса и каноны марксистско-ленинской теории. Взгляды А.В. Лихолата как специалиста характеризует, в частности, то, что при обращении в одном из сюжетов к началу Первой мировой войны идею «защиты отечества» он соотнес с «шовинистической»⁷⁴. По систематизациям можно видеть и умение академика подгонять факты под заранее определенные выводы. Это и было осуществлено возглавляемой им группой в отношении готовившихся для публикации материалов по случаю 300-летнего юбилея воссоединения восточнославянского сообщества, или, по терминологии того периода, «Украины с Россией».

От неудобных для официальной концепции сведений издаваемые форматы были освобождены. Обозначившийся в историографии поворот оказался сорванным. Вследствие этого получившее ранее распространение представление сохранилось и в последующий период. Допускалась лишь оговорка об отсутствии «религиозного и национального» притеснения, принимавшего в Польше весьма жесткие формы. Сложившиеся в отечественной и зарубежной исторической науке стереотипы о причинах восстановления государственного единства восточных славян в XVII в., как видно, под сомнение могли быть поставлены еще в начале 50-х гг. XX в. Непредвзятое

⁷⁴ Лихолат А.В. Национализм – враг трудящихся: Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986. С. 59–60.

изучение источников так или иначе подводило ученых к этому переосмыслению.

Между тем в специализированных изданиях и в дальнейшем использовались утверждения о «реакционной политике царского самодержавия... национально-колониальном угнетении» и развивавшемся вследствие этого в имперский период «освободительном движении на Украине»⁷⁵. Подтверждения же приводились, как правило, сомнительного свойства. В них включались незначительные по численности «организации культурно-просветительного характера», кружки, критически настроенные к власти, но отстаивавшие необходимость сохранения единства восточнославянского сообщества и целостности России. Для доказательства наличия «освободительного движения на Украине» ссылки делались даже на журналы, публиковавшие материалы с такой же направленностью⁷⁶. Обозначавшая контуры восприятия отечественного исторического процесса теоретическая схема получала между тем поддержку и за рубежом. Положения ее всецело разделяла и состоявшая из приверженцев антироссийского сепаратизма националистическая диаспора⁷⁷.

Ее представители также придерживались взглядов об обреченности «последней в мире империи», созданной «завоевательными войнами» и превратившейся в «тюрьму народов»⁷⁸. Однако зарубежные ученые при изучении источников выявляли факты, вступавшие в противоречие с такими констатациями. Не отрицая возможность соотносить расширение территории Российской империи с «аннексией великороссов», английский историк Э. Карп, например, склонялся тем не менее к выводу, что при объединении в различные периоды между тремя «славянскими группами» существовала «подспудно... естественная сплоченность»⁷⁹, которая его и обуславливала. В отличие от оте-

⁷⁵ Сокурено В.Г. Демократические учения о государстве и праве на Украине во второй половине XIX века. (М. Драгоманов, С. Подолинский, С. Терлецкий). Издательство Львовского университета. Львов, 1966. С. 11, 23.

⁷⁶ Там же. С. 23.

⁷⁷ См. например: Авторханов А. Империя Кремля.

⁷⁸ Там же. С. 10, 82.

⁷⁹ Карп Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. Пер. с англ. М., 1990. С. 210, 217.

чественной и зарубежной историографии русской эмиграцией разделялась точка зрения о единстве восточного славянства. Его имперское объединение рассматривалось как достижение национальной «полноты русского мира»⁸⁰.

Версии о национальном единстве восточных славян придерживался, например, П.А. Сорокин, профессор Петербургского университета, высланный из страны в 1922 г. и получивший в Америке признание как основатель «научной социологии», подтверждением чему служит предоставленная ему возможность возглавить первую ассоциацию, объединившую ученых данного направления. Многолетние изыскания позволили ему в 1967 г. вновь высказать суждение о том, что «русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов», и даже дать ее более расширенное толкование. По мнению П.А. Сорокина, в нее необходимо включать заимствовавшие русскую культуру или «ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю»⁸¹. Эта реальность являлась не следствием русификации, которая носила естественный характер и принудительно никогда не проводилась, а отражением исторической памяти, сохранявшейся у восточнославянского населения.

Единство его как этнического сообщества обосновывалось и в теории евразийства, зародившейся в среде белой эмиграции еще в 20-е гг. XX в. Формирование ее происходило в трудах П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Э. Хара-Давана и др. В соответствии с их взглядами, Евразия (Россия) – срединный континент, окруженный азиатской и европейской периферией. Она предстает как «возглавляемый Россией особый культурный мир», единый и в то же время многообразный, складывавшийся в границах имперского пространства. Государственное его оформление есть не что иное, как «европейско-азиатский», главным образом «русско-мусульманский», синтез⁸².

⁸⁰ Волконский А.М. Историческая правда и украинофильская пропаганда // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 79.

⁸¹ Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994. С. 24.

⁸² Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Трубецкой Н.С.

В евразийской доктрине прослеживается также соотношение государственного и цивилизационного начал, причем первое выделяется как приоритетное. В объединении народов в российском универсалистском (имперском) проекте показывается вместе с тем роль геополитического фактора⁸³.

Совпадавшее с существовавшей действительностью освещение проблема единства восточнославянского сообщества получила, на мой взгляд, в описаниях Н.С. Трубецкого. В них отмечено, что формировавшаяся еще в имперский период общерусская культура для всех его частей была своей, а не чужой⁸⁴. Объединение западной и московской Руси произошло, по его мнению, благодаря единству веры. Православие должно служить, как считал Н.С. Трубецкой, скрепляющим фактором для восточнославянского сообщества и в дальнейшем⁸⁵. Заимствованной для теоретических философских обобщений автора оказалась лишь классификация «украинская», получившая распространение вследствие произошедших трансформаций в советскую эпоху. Данное определение между тем Н.С. Трубецкой переносит на воспроизведение реалий в более ранние периоды, когда оно не употреблялось.

В его систематизациях, в отличие от представлений, закладывавшихся в советскую модель национальной политики, верно обращено внимание на то, что попытки «оптировать» культуру восточнославянского населения Украины в отрыве от общерусской можно только вследствие предубеждений или стеснения свободы⁸⁶. Все усилия в этом отношении, по утверждению Н.С. Трубецкого, будут неизбежно обретать «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной

История, культура, язык. М., 1995; Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. 2-е изд. Элиста, 1991, и др.

⁸³ Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 1. М., 1994; Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 3. М., 1996. С. 10–14, 16.

⁸⁴ Трубецкой Н. К украинской проблеме // В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 509.

⁸⁵ Там же. С. 519–520.

⁸⁶ Там же. С. 513.

подозрительности, вечного страха перед конкуренцией»⁸⁷.

Для того чтобы достигнуть разъединения восточных славян, по прогнозу Н.С. Трубецкого, «придется... внушить населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь»⁸⁸. В заключительных сюжетах высказано предупреждение, что созданная таким способом «украинская культура... будет из рук вон плоха» и окажется «не самоцелью, а лишь орудием... злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики»⁸⁹. Во избежание этого «украинская культура», по мнению Н.С. Трубецкого, должна оставаться частью «культуры общерусской»⁹⁰. Изложенные предостережения со всей очевидностью нашли подтвержденность и в современных событиях.

В исторических исследованиях между тем продолжают использоваться обоснования тождественности «Киевской Руси» и Украины, применявшиеся еще в фальсификациях совместного прошлого восточных славян М.С. Грушевским⁹¹. Соответственно в исторических публикациях широкое отображение получила версия об исключительной принадлежности именно ей статуса «правопреемника». Отличия же «малороссов от великороссов» в языке и культуре рассматриваются в качестве чуждых друг другу, не имеющих этнической совместимости⁹². Цивилизационный показатель, православие, как правило, ставится в зависимость от надуманных геополитических расчетов. Между тем фактор веры играл в свое время решающее значение. В сложившемся же на Украине за последние 20 лет историографическом наследии производится, по мнению специалистов,

⁸⁷ Цит. по: Там же.

⁸⁸ Там же. С. 513.

⁸⁹ Цит. по: Там же. С. 513–514.

⁹⁰ Там же. С. 515.

⁹¹ См. подробнее: Чернявский В.В. Генезис концепции украинского пограничья и ее влияние на становлении идеологии «европейского выбора» // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 587.

⁹² Там же. С. 587.

так же как и в трудах М.С. Грушевского, «демаркация... от Российской империи»⁹³.

Пропаганда, опирающаяся на государственную поддержку, превратила эти оторванные от реальности представления в «идеологический феномен». При помощи его и порождены немыслимые ранее относительно массовые настроения на воссоединение Украины с ее «естественным» европейским континентом⁹⁴. Доводы ученых (Ю.В. Павленко, В.В. Чернявского и др.) о том, что этот вектор развития не имел в ретроспективном измерении сколько-нибудь существенного значения, не встречаются понимания⁹⁵. Объективность анализа в современной украинской историографии подменяется использованием публицистических штампов. Прослеживается это и по дискурсу, отрицающему существование когда-то в эпоху государственного объединения восточных славян «древнерусской народности»⁹⁶. Для проведения исследования обратимся к значению важнейших смысловых категорий, что так или иначе дополнит историографический обзор необходимыми теоретическими сведениями.

Анализ концепт. К ним относятся понятия (термины) и емкие определения. Концепции (теории) основываются на развернутых систематизациях, содержание которых представляет те или иные объяснительные версии (технологии понимания). Исследование в ретроспективном измерении проблемы восточнославянского единства предполагает так или иначе использование данных этнологии. Различные аспекты соответствующей теории получили отражение в специальных исследованиях Ю.В. Бромлей⁹⁷, В.И. Козлова⁹⁸, Н.М. Лебедевой⁹⁹, В.А. Тишкова¹⁰⁰ и др. Ее разработкой в конце советской эпохи занимался и

⁹³ Там же. С. 580–581, 586.

⁹⁴ Там же. С. 580.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Юсова Н. Проблема генезиса концепции древнерусской народности в современной украинской историографии // Южнороссийское обозрение. Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д, 2007. С. 180.

⁹⁷ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Он же. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987, и др.

⁹⁸ Козлов В. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1990. № 5.

⁹⁹ Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

¹⁰⁰ Тишков В. Новые подходы в теории и практике межэтнических отношений //

Л.Н. Гумилев¹⁰¹. Наследие его, не лишенное спорных моментов, в последнее время все чаще подвергается критике¹⁰². Но вклад Л.Н. Гумилева в развитие этнологических знаний несомненен, и вряд ли правомерно умаление его воздействия на последующее их формирование. Полезность предложенной им теории «этноса» для дальнейшего развития научных представлений по различным проблемам отмечается и зарубежными учеными¹⁰³.

Применяется она весьма широко вместе с тем в специальных исторических исследованиях. В творчестве Л.Н. Гумилева перспективное продолжение получило и евразийство. Его идеи основаны на совмещении данных этнологии с естествознанием. Это натолкнуло ученого на вывод о том, что исторические ритмы Евразии определяли пассионарные толчки (особый вид биосоциальной энергии)¹⁰⁴. Ограниченность понятийных обозначений Л.Н. Гумилева объясняется, на мой взгляд, опорой на жесткие марксистско-ленинские схемы, вне которых в его время оказывалось невозможным любое научное творчество. Нельзя не видеть и того, что предлагавшиеся им концепты выбивались за рамки обычных представлений, обеспечивая выход на ряд перспективных решений. И отрицательный результат позволяет устанавливать другие пути в поиске истины, а без него любое подтверждающее ее построение обрекается на односторонность. От ошибок не застрахован ни один исследователь.

С неудобными же идеями, как известно, не удалось справиться даже при помощи инквизиции. Исчерпывающих и не вызывающих возражений понятий в науке не существует. Это, прежде всего, условности, в которых предлагаются емкие характеристики изучаемых явлений и процессов. Каждый ученый вправе иметь свое видение их сути. На ограниченность некоторых терминологических формулировок в трудах Л.Н. Гумилева, с признанием оригинальности предложенных им концепту-

Советская этнография. 1989. № 5.

¹⁰¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992, и др.

¹⁰² Коренько В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35; Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Там же. С. 8–21.

¹⁰³ Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 43.

¹⁰⁴ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 10.

альных построений, перспективных для дальнейших научных поисков, уже обращалось внимание в моих публикациях¹⁰⁵. Сомнению подвергнута в них и правомерность классификации российского сплочения народов как «суперэтнического»¹⁰⁶. В подтверждение приводилось отсутствие в нем этнической взаимоувязанности и системы, включенных Л.Н. Гумилевым в разряд важнейших типологических признаков¹⁰⁷.

Отмечалась и необходимость уточнения предложенных им этнологических определений. Указывалось на их содержательную узость для описания всего спектра эволюционных преобразований в развитии народов. «Устойчивость и консолидированность», выделенные Л.Н. Гумилевым среди прочих характерных признаков этноса, следует учитывать в отборе адекватных анализу конкретизирующих символов, не игнорируя наработок иных категориальных версий. Наиболее употребляемое в современной науке понятие «этничность» также указывает на устойчивые самобытные особенности того или иного сообщества. По В.А. Тишкову, она служит формой «организации культурных различий»¹⁰⁸. Изложенные интерпретации не противоречат друг другу и в равной степени могут выполнять функции несущих классификационных конструкций. Однако для проведения исследования они нуждаются в дополнении другими теоретическими сведениями, позволяющими произвести необходимые разъяснения.

При всей неоднозначности трактовки обобщающей условности «этнос» реалиям Российской империи в наибольшей мере, на мой взгляд, соответствует определение С.М. Широкого, сформулированное еще в 1921–1922 гг. в лекционном курсе по этнографии, прочитанном в Дальневосточном университете. В монографиях автора, изданных уже в эмиграции, это определение было дополнено. В понимании С.М. Широкого под соответствующую классификацию подпадают объединения

¹⁰⁵ Матвеев В.А. Отечество не только русских... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 37.

¹⁰⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 498.

¹⁰⁷ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 37–38.

¹⁰⁸ Тишков В.А. Указ. соч. С. 230; Он же. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

людей, «говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых... от таковых других групп». При этом этнос характеризовался как «целостное явление», с установившимся «равновесием... компонентов»¹⁰⁹.

Его «динамический эффект», как считал С.М. Широкогоров, выражается и в межэтническом контексте, приспосабливаемость к которому происходит через разные формы сознания. В такой системе отношений этнос выступает первичной целостностью. В нем ученый выделял и такой немаловажный признак, как «принадлежность к определенной культуре», обеспечивающей сохранность родовых свойств. Становлению этносов присуща противоречивость, в которой сталкиваются разные векторы и аспекты выражения, «совокупность процессуальных состояний». В систематизации С.М. Широкогорова перспектива существования этноса ставится в зависимость от роста численности населения, уровня развития культуры и территории¹¹⁰, также способствующей консолидации общностей. Предпринятый анализ важнейших теоретических разработок позволяет сделать вывод о том, что этничность является показателем формирующегося сообщества или производной величиной от уже сложившегося. Сопутствует ей и особое поле.

По теории Л.Н. Гумилева, оно также состоит из «силовых линий», обладающих притягивающим и отталкивающим эффектом¹¹¹. Этническое поле формируется не только за счет внутренних факторов, но и подвержено различным внешним воздействиям. Вследствие этого оно ослабевает или обретает силу. В зависимости от обстоятельств в развитии этническое поле меняется. Измерение его воплощается в исторической кодификации. Отражением ее являются язык и самосознание. В них как раз и фиксировались процессуальные состояния этногенеза, существовавшие в прошлом. Реальность при этом отражает каждое слово, самосознание имеет обобщающий

¹⁰⁹ Цит. по: Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 59, 61–64, 66.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. 5-е изд. М., 2012. С. 179.

идеологический фон, основывающийся в значительной мере на ретроспективном восприятии. Энергия же этнического поля проявляется в пассионарности¹¹².

Проводя исследования преимущественно только с привлечением этнологических данных, Л.Н. Гумилев смог выйти, несомненно, на ряд перспективных концептуальных решений. Однако, подвергая анализу национальные процессы, он с опорой на жесткие марксистско-ленинские схемы, основывавшиеся на европейском опыте, не принимал в расчет переходные состояния. Эти пробелы могут быть восполнены только при помощи этнонационалогического подхода, который как научное направление остается пока не освоенным. Такой подход должен объединить данные этнологии и националогии, что позволит различать специфику этнических и национальных фаз в развитии народов, соответствующие им уровни государственных оформлений, выделить при этом разнообразие переходных состояний, определявших во многом картину не только Евразии, но и всего мира. С ними связан и показатель идентичности, также подверженный в зависимости от исторических ситуаций изменениям.

Состояние ее определяется осознанной принадлежностью к тому или иному сообществу. Но наряду с устойчивыми («жесткими») вариантами идентичности встречаются неустойчивые состояния, имевшие в этнической эволюции не завершившийся переходный характер. В теории же европейского национализма фиксировались лишь определившиеся итоги. Отто Бауэр, как один из ее основоположников, суть предполагавшихся перемен выразил в следующей формулировке: «Каждая нация должна образовать одно государство! Каждое государство должно состоять только из одной нации!»¹¹³.

Между тем особой разновидностью общностей выступают территориальные объединения, которые оказывают воздействие на формирование осознания региональной принадлежности и локальных типов тяготения. Идентичность основывается

¹¹² Там же. С. 180.

¹¹³ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. Пер. с англ. М., 2002. С. 105.

в том числе на приверженности культуре и религии, языковым нормам, традициям и иным разновидностям образа жизни. Обобщающую роль при этом играют и сложившиеся представления о «едином происхождении» в прошлом. Как установлено современными исследованиями, «важность каждого из признаков идентичности в их системе подвижна, изменчива как от одной группы к другой, так и от одной исторической ситуации к следующей»¹¹⁴. К специфическим состояниям культурной организации относится между тем субэтничность как часть общего звена национальной консолидированности. Отражается она и в особых вариациях исторической кодификации.

В формировании этничности на каком-то этапе произошло соединение восточнославянского начала с русским. На это указывает сохраняющаяся двойственность, проявляющаяся в том числе в идентичности. До сегментации определение ее нередко сводилось к констатации «мы русские – мы восточные славяне». Такие начала прослеживались и при наметившейся после воссоединения национальной консолидации. Восточнославянское этническое поле оставалось единым, несмотря на появление в период разъединения великорусского, малорусского и белорусского ответвлений. Соответственно исходное понятие не должно исключаться из реконструкций, к какому бы периоду они не относились. В противном случае воспроизводимая реальность лишится полноты. Великорусская, малорусская и белорусская восточнославянские субэтничности имели не только отличия, укрепившиеся вследствие разъединения, но и общие аспекты. Преобладание последних воспроизводило самосознание.

Одним из важнейших критериев этничности признается и язык. Каждое употребляемое в нем слово отражает какой-либо процесс или явление, существовавшее в прошлом. Поэтому в обобщенном виде лингвистический контент выступает в качестве первичного уровня исторической кодификации. Он также служит источником информации и требует во избежание искажений точности ее передачи. Исследованиями «связующие

¹¹⁴ См. подробнее: Баранов А.В. Методы исследования пограничных сообществ в исторической географии (на материалах Юга России) // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 71–72.

узы» выявляются и в лингвистическом контенте всех славянских общностей. Но при этом не прослеживается устойчивой этнической солидарности («взаимности»)¹¹⁵, что свидетельствует о произошедшей сегментации. За счет этого и установились, несмотря на отдаленную обобщенность культуры, национальные различия. Историческая кодификация былой этнической общности вследствие этого для славянства обрела аморфные формы и проявляется в зависимости от ситуаций, чаще всего под давлением экстремальных угроз.

Такое осознание наступало, например, в противопоставлении «германскому миру»¹¹⁶. Но существовавшая когда-то этническая общность вследствие ряда разъединяющих воздействий и в этом случае не избавляется от противоречий. В польской идентичности совместились, к слову, приверженности «католицизму, славянскости и европейскости»¹¹⁷. В зависимости от обстоятельств эти составляющие обретают то или иное проявление. Родственные же начала существуют во всех славянских языках и культурах¹¹⁸. Однако за счет их, как показывает опыт, не достигается единство. Различия на первичном уровне исторической кодификации создают для этого и определенные препятствия. Установление солидарной взаимности между тем происходит на уровне другого показателя исторической кодификации, в качестве которого выступает самосознание.

Формированию его способствуют представления о предшествующих этапах развития. На ранних стадиях этнической консолидации они складываются при помощи преданий. Особую роль при их передаче, как уже отмечалось, играл контакт поколений. В дальнейшем такие функции стали выполнять исторические познания. Сегментация славянства была произведена как раз за счет их искажения и формирования представлений о раздельности. Этническое сходство обрело признаки отдаленности. Организации культурных различий за счет экспансии католицизма придаются иные цивилизационные свойства. Со

¹¹⁵ Лескинен М.В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации // Славяноведение. 2013. № 6. С. 54–55.

¹¹⁶ Там же. С. 56.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 57.

временем различия в славянской среде обрели национальные формы.

Показателями же сохранения субэтнической кодификации являются диалекты (местные говоры, наречия). Они также отражают незавершенность переходных состояний этнической консолидации, для которых характерна видимость «множественной идентичности», отражающейся в особых, имеющих отличия от общего, разновидностях самосознания¹¹⁹. Связанные с ним представления подвержены изменениям. Контроль за их состоянием¹²⁰ осуществляется организацией передачи информации о прошлом, оформлением соответствующих исторических технологий.

Идеи же как формируют, так и разрушают государства. При этом созидательные выявляются из хода развития в прошлом, деструктивные – вырываются из его контекста. Именно на таких подходах и конструировались теоретические обоснования необходимости разъединения восточнославянского сообщества. Историческая кодификация в ареалах смешанной колонизации на Юге Российской империи между тем имела свои особенности. В значительной мере они остаются до сих пор не осмысленными. Предпринимаемое исследование имеет нацеленность на устранение данного пробела.

¹¹⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 115.

¹²⁰ Там же. С. 116, 123.

Глава I

Единая Русь

«разметнулась на полсвета»

§ 1. Века разобщения

Различные тенденции в этнонациогенезе восточных славян, как и у других народов, обретали определенность иногда в течение длительного времени. Единство формировалось не без противоречий. В.О. Ключевский заметил, что «к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом вырабатывается русская народность»¹. Ее становление продолжалось и впоследствии. Даже в удельные века территория расселения восточных славян именовалась не иначе как «русская земля»². Такое определение распространялось на пространство от Полоцка и Новгорода на севере до Половецких степей на юге, от Владимира и Суздаля, верховьев Оки на востоке до Галицкого княжества и Карпатских гор на западе³. В данных пределах, как подтверждается и современными исследованиями, существовал народ «с единым языком, письменностью, религией и системой власти»⁴. Общность «славяно-русского этноса» академик Б.А. Рыбаков выделял даже в языческих верованиях⁵.

Предпосылки к восстановлению восточнославянского единства не исчезли и в период раздробленности. Неслучайно в «Слове о полку Игореве» главной являлась именно эта идея⁶. Ослабление же этнополитической связанности территорий свойственно было на определенных этапах и для других государств Европы⁷. Утверждения, что «чуть не с IX в. существовал особый украинский народ с особым нерусским языком», А.И. Солженицын назвал надуманными и фальшивыми. По его

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. I. (Ч. 1). М., 1987. С. 174.

² Слово о полку Игореве. Переводы С. Шервинского и Г. Шторма. М.-Л., 1934. С. 92, 94.

³ См. подробнее: Слово о полку Игореве. Пер. Н. Заболоцкого // В кн.: Древнерусская литература / Сост., предисл. и коммент. М.П. Одесского. М., 2001. С. 242–261.

⁴ Широкопад А.Б. Указ. соч. С. 10–11.

⁵ См. подробнее: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд. М., 2014.

⁶ См. подробнее: Слово о полку Игореве. Пер. Н. Заболоцкого. С. 242–261.

⁷ Широкопад А.Б. Указ. соч. С. 10.

уточнению «народ наш разделился на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации»⁸. Отличия в культуре различных восточнославянских обособлений и после этого не обретали свойства иной этничности, оставаясь на уровне переходных состояний, трансформации которых не завершились в период государственного сплочения. Однако поражение князей при первом столкновении с монголами «на восточных рубежах Руси, в придонских степях... у реки Калки» (1223) воспринималось как общая беда вплоть до Карпатских гор и Сана⁹.

После разъединения восточнославянского сообщества в XIII в. при монгольском нашествии, с которого берет отсчет превращение «Киевщины в Украину»¹⁰, и установления контроля над западными русскими землями со стороны Литвы, а затем и Польши, историческая память о существовавшем когда-то единстве восточных славян под влиянием внешних воздействий ослабевала, претерпевала изменения, но, несмотря ни на что, не исчезла. Не прерывалась и духовная связь, общей была церковная жизнь. В этом отношении полного разрыва «севера и юга» не произошло и в последующие века¹¹. Конкретизация «украина», как показывают этимологические сопоставления, является производной от «окраина» и вбирает «чисто географические свойства, не имеющие ничего общего ни с этнографией, ни с культурой»¹².

Такое обозначение впервые было применено в отношении пограничного Переяславского княжества в 1187 г. и зафиксировано Ипатьевской летописью¹³. В других сводах домонгольского периода термин «украина» изредка встречается в значении «окраины земли», части Руси¹⁴. Это указывает на то, что он не

⁸ Солженицын А. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990. С. 10–11.

⁹ Франко И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке. С. 525, 533.

¹⁰ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 570.

¹¹ Волконский А.М. Указ. соч. С. 115.

¹² Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах // Свободное слово Карпатской Руси. 1971. № 7–8 (151–152). С. 2.

¹³ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 79.

¹⁴ Толочко П. Указ. соч. С. 6.

имел тогда распространения. Название «украина» упоминается в летописях XII–XIII вв. относительно Киевского и Черниговского княжеств¹⁵. С XVI в. так стали называть «часть территории к востоку от Днепра» и в Польше¹⁶. Однако вплоть до того времени слово «украина» в источниках фиксируется редко. М.С. Грушевский переносит его в описания из более поздних периодов¹⁷. Такое привнесение наименования «украина» не соответствует существовавшей действительности и является следствием фальсифицированности доказательств.

С помощью совпадавших по смыслу уточнений «окраина, Украина», как считает И. Бутенко, обозначали в тот период именно «край, землю». Указания на это содержатся не только в русских летописях, но и в польских хрониках. В актах сформировавшейся позже Московской Руси, например, упоминаются «Слободская... Псковская, Смоленская, Татарская, Мордовская» и иные «украины» государства, составлявшие с ним единое целое и не имевшие обособленности¹⁸. Между тем разъединенность восточных славян границами различных государственных образований способствовала сохранению не преодоленных в период единства Руси состояний обособленности в этнической среде. Ослабленными оказались и процессы культурной консолидации.

После Люблинской унии 1569 г., по заключению И.Я. Франко, этим воспользовалось руководство Речи Посполитой для того, чтобы «южную Русь... полностью слить с Польшей, сделать из этих двух стран единое целое»¹⁹. Условия для сохранения этничности в Литве, в которую входили до этого западные восточнославянские уделы, были более терпимые²⁰. В них допускалось и состояние компромисса. Изменение исторической кодификации для достижения этой цели первоначально затра-

¹⁵ Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! // Славянская нива. 2002. № 1–2. С. 46. (Пер. цитаты с укр. автора).

¹⁶ Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 297.

¹⁷ Волконский А.М. Указ. соч. С. 82.

¹⁸ Бутенко И. Указ. соч. С. 2.

¹⁹ Франко И. Две унии. (Картинка из истории Руси конца XVI столетия) // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 270.

²⁰ Там же.

гивало преимущественно сферу языка, в которой происходили наложения на отдельные совпадения смыслов, имевших праславянские основы. Самосознание же, опиравшееся в то время на православие, оказывалось наиболее устойчивым.

По Люблинской унии три сословия, «меньших князей, дворян и земских людей», сложившиеся на Руси, получили равные права с польской шляхтой, а восточнославянское земледельческое население (крестьянство) ставилось в крепостную зависимость²¹. Попытки взлома исторической кодификации при помощи экономических и социальных мер оказались наиболее результативными. Православная шляхта под влиянием привилегий, предоставлявшихся Люблинской унией, воспринимала, в отличие от простого народа, польскую культуру, школы, книги и т.д. Лишь отдельные ее представители продолжали стоять за Русь²². Производившие обращение в «латинскую веру» иезуиты добились при поддержке королей, Стефана Батория и Сигизмунда III, принятия законов, запрещавших «иноверцам» получать назначения на высокие государственные должности. Для них исключалась даже возможность занимать места воевод²³.

Наряду с православными к переходу в католицизм склоняли также лютеран и кальвинистов. Но в проводившейся политике воздействие, прежде всего, оказывалось на православное русское население. «Польские порядки», насаждавшиеся с 1569 г.²⁴, способствовали разрушению прежней этничности. Линия на разъединение восточных славян выдерживалась весьма последовательно. Прилагались усилия и к целенаправленной замене названия Русь. На то, что это предусматривалось «польским проектом», указывает многое. Запорожские казаки, в частности, обозначение «Украина» использовали в контактах только с представителями Речи Посполитой, политикой которой и осуществлялось его утверждение. В общении же с православным духовенством и представителями Московского государства они по-прежнему употребляли привычное название «Русь»²⁵.

²¹ Там же. С. 271.

²² Там же.

²³ Там же. С. 272.

²⁴ Там же. С. 270.

²⁵ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 81.

Т.Г. Шевченко в поэтических описаниях, передавая особенности «малороссийского» народного говора, использовал вариации «Украина» и «Украйна»²⁶, отражавшие происходившие в реальности трансформации. Причем первая разновидность названия являлась заимствованием из польского этимологического обихода, вторая – общерусского. Двойственность наименования пространства как раз и отображала происходившие в прошлом влияния при формировании этнической специфики. Примечательно, что в Галиции, где польское влияние было выше, в обиходе встречалось только наименование «Украина»²⁷. Указание же «Украйна» не имело каких-либо отличий от распространенной практики в восточнославянской среде в других частях расселения. Кроме того, во всех случаях Т.Г. Шевченко применял формулировки в таком сочетании: «на Украине» и «на Украйне»²⁸. А это было характерно именно для конкретизаций, обозначающих периферийность положения.

В великорусском говоре В.И. Даль выделил именно этот смысл в обозначении «Украйна». По выявленной им информации так «ныне зовут Малую Русь»²⁹. В сопроводительных разъяснениях толкового словаря указание «украинный» обозначает местоположение «на краю... дальний, пограничный, порубежный, что на крайних пределах государства»³⁰. Противопоставления же «Малая и Великая Русь» стали употребляться, по мнению специалистов, лишь после монгольского нашествия³¹. Самое раннее их изображение выявлено в византийских актах XIV в., составлявшихся по поводу ходатайства, поступившего из Галицко-Волинского княжества. В нем содержалась просьба об учреждении для него отдельной метрополии. В качестве центра для нее предлагался г. Галич. Вся остальная Русь, остававшаяся под управлением прежней метрополии, располагавшейся в

²⁶ Шевченко Т. Кобзарь. С. 42, 43, 80, 88.

²⁷ Франко И. Украинский театр // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 217, 226.

²⁸ Шевченко Т. Кобзарь. С. 242, 303.

²⁹ Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–У. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. СПб., М., 1882. С. 484.

³⁰ Там же.

³¹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 79.

г. Владимире-на-Клязьме, получила тогда впервые наименование «Великой»³².

Указание «Малой» употреблялось и в значении «исконной Руси»³³. Его галицко-волынские князья использовали в отношении подвластных им земель. Распространение наименование «Малая Русь» с такой же конкретизирующей привязкой имело и в зарубежных странах. Существует объяснение, что введено оно было в употребление греческими патриархами для отличия Галицко-Волынского удела от превосходившей по размерам Московии³⁴. В противопоставлении отражалась между тем признававшаяся целостность православного восточнославянского населения как народа. Более широкое применение оно получило с середины XVII в., когда произошло его частичное воссоединение. Существуют и другие объяснения появления данных названий.

По одной из версий, противопоставления «Малая и Великая Русь» заимствованы из греческой практики периода колонизации и освоения обширных пространств. Именно тогда употреблялись названия «Малая Греция» как «основная», «подлинная» часть и «великая», обозначавшая «общую» территорию распространения эллинского мира, то есть все его пределы (владения). Однако такое объяснение является всего лишь предположением. В «киевский период» формирования государственности у восточных славян определение «Малая Русь» отсутствовало³⁵. В специальных исследованиях вместе с тем высказывалась точка зрения, согласно которой «Великой Русью» первоначально называлась Новгородская земля³⁶. Изучение источников позволило А. Соловьеву в свою очередь сделать вывод, что данное обозначение появилось в XII в. и относилось ко всей восточнославянской территории как «единому целому»³⁷.

³² Широкоград А.Б. Утерянные земли России. С. 36.

³³ Репников А. Василий Шульгин и «украинский вопрос» // Россия XXI. 2015. № 1. С. 154.

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ Примечание ред. к статье: Матвеев В.А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев. 1995. № 1. С. 95.

³⁶ См. подробнее: Державин Н.С. Происхождение русского народа – великорусского, украинского, белорусского. М., 1944. С. 103.

³⁷ Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь // История. 1947. № 7. С. 38.

Сравнения по величине обычными являлись и в отношении городов, в частности, Новгорода, Ростова и др. Они в разных частях русской земли также воспринимались как «малые» или «великие» образования³⁸. По версии профессора Кембриджского университета Н.Е. Андреева, изложенной в статье «Переяславский договор» (1953), указание на масштаб объединившихся русских земель и инородных территорий появилось как «результат впечатления», возникшего в связи с «ростом Московской державы, ставшей в XVI в. на самом деле великой»³⁹. По его утверждению, не только тогда, но и в XVII в. употреблялись «или старые названия “Русь”, “русский”, или, считаясь с фактом роста Московского царства – Великой Руси, Великого Российского царства». Тогда же на постоянной основе в обиход вошло определение «Малая Русь»⁴⁰. Противопоставления частей страны по размеру территории между тем существовали и у других славянских народов. Польша также, например, делилась на «Малую и Великую»⁴¹.

Однако это вовсе не являлось показателем разобщенности народа. Видный представитель отечественной исторической науки академик О.Н. Трубачев пришел к выводу, что противопоставления возникли в действительности и следствием заимствования чужей-то практики не являются, в том числе и отраженной в документах «византийской канцелярии»⁴². Сомнению ученый подверг и объяснение, согласно которому словесные оппозиции «Малая и Великая Русь» возникли из-за разделения церковной метрополии⁴³. Тем не менее, каноническое общение этих частей с Константинополем, где находился тогда патриарший престол, продолжалось. Однако действительно названия «Белая, Малая и Великая Русь» стали широко использоваться после Брестской унии 1596 г., на что

³⁸ Соловьев А. Указ. соч. С. 27.

³⁹ Цит. по: Примечание ред. к статье: Матвеев В.А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России. С. 95.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. подробнее: Широкоград А.Б. Утерянные земли России. С. 36.

⁴² Трубачев О.Н. Как рождаются мифы (еще раз о терминах «великая», «малая» и «белая Русь») // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. I. Донецк, 1994. С. 6–7.

⁴³ Там же. С. 6.

указывает и содержание православной публицистики⁴⁴.

Насаждению унии предшествовали идеологические кампании, проводившиеся иезуитами. В ходе них создавались представления, что отличия православных от «латынников» являются «заблуждениями, проистекающими от темноты и незнания истинной веры Христовой»⁴⁵. На Церковном соборе, созванном специально для оформления окончательного решения об объединении с католиками, православному духовенству западных русских земель было предложено признание власти Ватикана и главенства папы⁴⁶. В качестве важнейших обстоятельств (причин), способствовавших принятию унии в западных землях Руси, И.Я. Франко выделяет отсутствие здесь у восточнославянского населения своей системы образования, прежде всего, школ, «грамотных людей», книг на родном языке⁴⁷, свободном от полонизмов.

«Больше всего вреда», по его словам, принесло введенное в Речи Посполитой в отношении православного духовенства «право патроната». В соответствии с ним епископы утверждались непосредственно королем, священнослужители же приходов – шляхтой (сельскими помещиками). После этого на служение в православные храмы в Польше назначались «не достойнейшие», а те, кто за «номинацию» мог «хорошо заплатить королю и его чиновникам»⁴⁸. Накануне принятия Брестской унии священниками («праведниками») становились, таким образом, «с помощью тяжкого греха» (симонии). Представители обедневшей православной шляхты, воспитанные на положениях Люблинской унии 1569 г., легко склонялись для собственного обогащения к его совершению. Некоторые из них становились даже митрополитами. В ряде случаев назначенцы, принявшие Брестскую унию, должности православных иерархов получили после возвращения из «латинства»⁴⁹, став тем самым дважды вероотступниками. Это является показателем

⁴⁴ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 21, 79.

⁴⁵ Франко И. Две унии. С. 273.

⁴⁶ Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т 3: Т–Я. Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М., 1995. С. 51.

⁴⁷ Франко И. Указ. соч. С. 273.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 273, 275–276.

низкого уровня их нравственности.

Распространению порочности в среде православного духовенства под влиянием польских порядков пытался противодействовать константинопольский патриарх. По его распоряжению получавшие сан ставились в зависимость от мнения прихожан. Возможность надзирать за священнослужителями предоставлялась «простым людям». Намерение константинопольского патриарха восстановить нравственное начало в деятельности православного духовенства в Польше также способствовало появлению у отдельных его представителей стремления «перейти под власть папы римского»⁵⁰. В 1595 г. «церковная уния» именно такой категорией православных епископов при посещении Рима была принята. При более широком представительстве в 1596 г. это произошло и на соборе в Бресте⁵¹. На нем присутствовали посланцы (экзархи) патриархов александрийского и константинопольского, много епископов, духовенства и мирян. Группировки сохранения приверженности православного выбора Руси и сторонников унии опирались на «грозные ополчения»⁵².

Раскол привел к тому, что православный собор отверг унию и проклял ее, униатский ответил тем же в отношении оппонентов. В итоге компромисс между отступниками от православия и католиками был все же достигнут. Уния допускала совмещение православного и католического исповеданий. Произошло подчинение «Восточной церкви» папскому престолу с сохранением ее обрядов, в том числе богослужения на родном языке. Объединение с католиками, не допускавшееся ранее, вследствие этого состоялось. Совмещение привело к утверждению грекокатолической церкви. Насаждение униатства достигалось «путем проповеди и насилия»⁵³. В среде православных оно встречало сопротивление⁵⁴. Для его преодоления в западных уделах бывшего государственного пространства Руси захватывались храмы, преследованию подвергались представители духовен-

⁵⁰ Там же. С. 276.

⁵¹ Там же.

⁵² Христианство. Энциклопедический словарь. С. 51.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 51, 57.

ства восточной разновидности христианства и верующие⁵⁵. На защиту православия в западных землях Руси поднялось простое население и братства. Но от унии впоследствии отступились лишь владыки «львовский и перемышльский»⁵⁶.

К униатству польские власти между тем относились как к «крестьянской» религии. Для них важным являлось то, что в ней совмещение получили некоторые черты католицизма, в том числе подчиненность папскому престолу. Гонения же на православных для окончательного подавления воспроизводившейся русской идентичности являлись составной частью государственной политики в Речи Посполитой⁵⁷. А это создавало предпосылки для изменения исторически сложившейся кодификации самосознания у восточнославянского населения, принявшего унию. Разъединение тем самым закреплялось и на идеологической основе. Однако значительная часть исповедовавших православие унию с католиками не приняла. Попытки поляков навязать ее с помощью жестких мер не увенчались успехом⁵⁸. Впоследствии неоднократно происходил при различных обстоятельствах массовый переход униатов Галицкой и Карпатской Руси в православие⁵⁹.

Прежняя идентичность не исчезала. Русскими себя признавали открыто не только униатские священники, но и их дети⁶⁰. Контакт поколений работал именно в этом направлении. Название «украина», как показывает проведенный анализ, употреблялось для обозначения пограничных земель⁶¹. Смысл его, несмотря на различия в произношении, оказался одинаковым как в Речи Посполитой, так и в России. О.Н. Трубачев отметил, что в понятие «малороссы» не вкладывалось унизительное содержание⁶², присвоенное ему из-за сложившейся

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Франко И. Указ. соч. С. 276.

⁵⁷ Христианство. Энциклопедический словарь. С. 51.

⁵⁸ Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! // Славянская нива. 2003. № 1–2. С. 48.

⁵⁹ Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность. Сб. науч. ст. по матер. конф. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. Новочеркасск, 2010. С. 20–21.

⁶⁰ Царинный А. Указ. соч. С. 159.

⁶¹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 79.

⁶² Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 7.

идеологической конъюнктуры уже после 1917 г. Впрочем, так же, как и употреблявшимся в условиях Российской империи определениям «туземцы» и «иностранцы»⁶³. Именно в советский период наименованию «малороссы» стало придаваться негативное значение, не имевшее ничего общего с исторической реальностью. По утвердившемуся тогда представлению термин использовался «для дискриминации украинцев по национальному признаку».

На самом же деле конкретизация «Малая Русь» появилась в грамоте галицко-волинских князей еще в 30-е гг. XIV в. В дальнейшем оно было отнесено ко всем землям, воспринимавшимся в том числе и как Украина⁶⁴. На отсутствие негативного контента указывает и противопоставление «Белая Русь». Такое название одно время соотносилось с северо-восточными землями. Упоминания о «Белой (Суздальской) Руси» содержатся, например, в источниках, отражавших образование в XII в. особой русской митрополии во Владимире-на-Клязьме. Создавалась она как независимая от Киевской, с правом осуществления самостоятельной конфессиональной политики. Обращаясь по этому поводу к своим боярам, Андрей Боголюбский так объяснил эту необходимость: «Я всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил»⁶⁵.

Впоследствии такое название закрепилось за той частью восточнославянского пространства, которая соотносилась только с западным уделом, рассматривавшимся в свое время в едином ряду с «Великой и Малой Русью»⁶⁶. Между тем у «Белой Руси» была и своя позиция, соотносившаяся с названиями «Черная и Червонная Русь»⁶⁷. В XIV–XVI вв. к «Черной Руси» причисляли земли (северо-восточные княжества), обязанные давать так называемый «черный сбор», установленный налог,

⁶³ См. подробнее: Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2012. С. 176–182.

⁶⁴ Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 8.

⁶⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. I. (Ч. 1). С. 291.

⁶⁶ См. подробнее: Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 43–47.

⁶⁷ Там же. С. 48–49.

взимавшийся Золотой Ордой. В восточнославянском лингвистическом обиходе «черными» называли тех, кто выполнял различные повинности⁶⁸.

К Руси же «червонной» («красной») в Польше относили территорию Галиции, имевшей в соответствии с этим характерное наименование «Воеводство Русское»⁶⁹. На основе народных преданий в примечании к поэме «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко сделал такое пояснение: «Черный шлях начинался от Днепра... и шел... на червонную Русь, к Львову. Черным назван за то, что по нем татары ходили в Польшу и своими табунами вытапывали траву»⁷⁰. Его пролегание имело направленность «через степи Запорожские... воеводства Киевское, Подольское и Волынское»⁷¹. Так что наименование «червонной Руси» отложилось и в таком виде в самосознании восточных славян.

В Литве находилась «Белая и Малая Русь». Оторванные с XIII в. от остального восточнославянского сообщества впоследствии они попадали в зависимость от Речи Посполитой и на протяжении длительного времени находились в составе этого государства. В первой половине XVI в. в Московском государстве находилась «Черная Русь» и часть «Белой», с которой соотносились Смоленские и Псковские земли, также составлявшие части единого целого. В одном из географических описаний начала XVII в. сообщалось, в частности, о разделении территории расселения восточных славян «на Руссию Белую, которая входит в состав Великого княжества Литовского, и на Руссию Красную... принадлежащую Польше. Третья же часть... лежащая за Доном и истоками Днепра, называется древними Руссией Черной, в новейшее же время она стала называться повсюду Московией, потому что все это государство, как оно ни пространно, от города и реки Москвы именуется Московией»⁷².

В системе применявшихся обозначений белый цвет символизировал запад, черный – север, а красный – юг. Определения же «Белая и Черная Русь» имели частичную совмещенность. Та-

⁶⁸ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 80.

⁶⁹ Там же. С. 31.

⁷⁰ Шевченко Т. Кобзарь. С. 158.

⁷¹ Там же.

⁷² Цит. по: Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 80, 106.

кое же различие прослеживается и в смысловой конкретизации голубой – восточный. По предположению О.Н. Трубачева, так могла называться «Русь Приокская». Подтверждение он видит и в поэтическом наследии С. Есенина⁷³, в котором схватывались из народных преданий, передающихся из поколения в поколение, вариации исторической кодификации. Следует заметить, что конкретизации «Белая, Малая, Червонная и Черная Русь» распространение имели в среде самого восточнославянского населения. Применяться они стали, как установлено специальными исследованиями, с XIV в.⁷⁴

Тогда же, как можно судить по надписям на печатях князей, Галицию стали называть Россией⁷⁵. Сохранялась такая практика даже под «польским владычеством»⁷⁶, что свидетельствовало об устойчивости восприятия. В западных ареалах этнического сообщества, следовательно, слово «Россия» появилось раньше⁷⁷, чем в восточных, где его вхождение в оборот происходит лишь в конце XV в. При изучении особенностей восточнославянских говоров, содержавших также срезы формировавшейся когда-то исторической кодификации, В.И. Даль столкнулся с близким по содержанию объяснением. В составленном им толковом словаре приводится, в частности, такое описание зафиксированной информации: «только Польша прозвала нас Россией, россиянами, российскими по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою»⁷⁸. Наименование «Русь» употреблялось «в значении мир, белсвет»⁷⁹.

Признание же, что «московиты» и православное население Речи Посполитой составляют единый народ, разделенный границами вследствие различных трагических событий прошлого, существовало и в зарубежных странах⁸⁰. В польском государстве оно как «инородное» подвергалось дискриминации.

⁷³ Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 8.

⁷⁴ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 82.

⁷⁵ Волконский А.М. Указ. соч. С. 38.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 80.

⁷⁸ Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–V. С. 114.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 80.

Распространенные в нем притеснения «за веру» привели лишь к усилению самоотжествления православного населения с «русской национальностью»⁸¹, способствовавшего защите этничности. Имевшие восточнославянское происхождение представители шляхты, принимавшие католицизм, вместе с тем, понимали, что изменение исповедания у народа невозможно, так как достижение этой цели приведет к его уничтожению.

В 1623 г. православное дворянство Речи Посполитой представило по этому поводу разъяснение и в правительственные инстанции. В нем также обращалось внимание на то, что искоренение «восточного христианства» в среде восточнославянского населения означает для него прекращение существования самой Руси. Защита веры вследствие этого обрела широкую поддержку. В разных формах на борьбу поднялись православное духовенство, религиозно-просветительные братства и иные «образованные люди», а также казачество⁸². Разъединение тем не менее усилило внутреннюю этническую дифференцированность восточнославянского сообщества.

Данное последствие не оставалось незамеченным. В контексте исследования следует выделить размышления Н.С. Трубецкого. По его заключению, ко второй половине XVII в. различие в обособленных культурах восточных славян «стало чрезвычайно глубоким». Между тем «сознание общерусского единства», как верно, на мой взгляд, заметил Н.С. Трубецкой, не исчезло. Оно не позволяло воспринимать и культурные различия в качестве независимых друг от друга. Вследствие обособленности и внешних влияний на протяжении нескольких веков они превратились, по заключению Н.С. Трубецкого, всего лишь в редакции Западной и Московской Руси⁸³.

Представления же об общности восточных славян удерживались исторической памятью. Воспроизводство ее обеспечивалось в преобладающей степени на уровне контакта поколений. Анализ различных источников показывает, что,

⁸¹ Богаевский П.М. Присоединение Малороссии к Московскому царству // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 125.

⁸² Там же.

⁸³ Трубецкой Н. К украинской проблеме. С. 499.

несмотря на усиление этнической дифференциации, работа его происходила именно в направлении общерусского единства. Не прерывалась и духовная связь, общей была церковная жизнь. Конкретизация же «украина» являлась производной от «окраина» и ничего общего с этничностью не имела. Широкого распространения такое противопоставление первоначально не имело. Наименование «украина» было характерно именно для конкретизаций, обозначающих периферийность положения, удаленность от того или иного центра. В века разъединения восточнославянская идентичность соответствовала общему этническому коду не утратила.

§ 2. Восстановление единства

Уже вскоре после окончания в России эпохи Смутного времени наметилась тенденция к преодолению разобщения восточных славян. В среде православного населения Речи Посполитой усиливаются настроения на переход «в подданство Московского государства» и соединение «Руси с Русью»⁸⁴. Восстановление единства этнического сообщества носило естественный характер. Затрагивало оно все населенные восточными славянами западные земли. Вследствие этого к Северо-Восточной Руси еще в XVI в. присоединились Гомель, Новгород-Северской, Путивль, Чернигов и другие городские центры бывших уделов с принадлежавшими им территориями. Не последнюю роль в этом объединительном процессе играло само население, считавшее себя по-прежнему русским и не видевшее отличий от тех, кто проживал в Московии. По мере укрепления ее как государственного образования перспектива этнического объединения возрастала⁸⁵. Признание этого обстоятельства отмечалось в связи с целым рядом событий в правящих кругах Польши⁸⁶.

В ответ предпринимались усилия по насаждению католицизма с направленностью на подавление сложившейся ранее идентичности. Между тем по мере усиления российского го-

⁸⁴ Там же. С. 126.

⁸⁵ Широкоград А.Б. Тайная история Украины. М., 2008. С. 53.

⁸⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 27.

сударственного поля возрастала и его притягательность для объединения восточных славян. Важнейшим фактором при этом явилось этническое родство. Обращения со стороны представителей восточнославянских земель, оказавшихся за пределами восстанавливающегося государства, с ходатайствами о подданстве предпринимались неоднократно. Одно из первых в Москву было направлено Киевским митрополитом Иовом Борецким в 1625 г. Из-за непростых обстоятельств руководство России не раз отвечало отказом⁸⁷. Объединительный процесс в этнической среде восточных славян начинался без ее поддержки, по инициативе снизу, в результате проявления волеизъявления народных масс. Нередко оно находило выражение в открытых восстаниях.

Определяя в 1648 г. цели возглавленного протестного движения, Б. Хмельницкий видел их в следующем: «Освобожу из польской неволи весь народ русский... Вся чернь по Люблин и Краков поможет мне в этом деле... За Вислу загоню ляхов. Не останется у меня и ноги... шляхтича на Украине»⁸⁸. Следует заметить, что ранее он принимал участие во всех войнах, которые вела Речь Посполитая. А в 1633 г. Б. Хмельницкий получил даже высокую награду от польского короля⁸⁹. И это неслучайно. Преследуя свои интересы, шляхта, к которой имел принадлежность Б. Хмельницкий, становилась на путь предательства и не раз демонстрировала продажность. Позиции простого народа резко отличались от ее вождедений и были всегда последовательны. Православие для него являлось способом самосохранения.

По ходу восстаний расправы учинялись и над католическим духовенством (ксендзами)⁹⁰, проводившим политику обращения в свою веру. При колебаниях в борьбе с Польшей в среде запорожского казачества, от которого зависело избрание гетмана, недовольство обращалось и против него. В 1650 г. Б. Хмельницкий для укрепления своей власти вынужден был издать

⁸⁷ Там же. С. 44; Волконский А.М. Указ. соч. С. 80.

⁸⁸ Цит. по: Острась Э.С. Социально-экономические последствия антифеодально-освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. I. Донецк, 1994. С. 4.

⁸⁹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 33.

⁹⁰ Там же. С. 35.

указ, согласно которому за участие в мятежах предусматривалась смертная казнь. Однако карательные меры не помогли. Б. Хмельницкий был воспринят в народе как предатель. Его гетманское правление оказалось под угрозой свержения⁹¹. Подавить недовольство в Запорожской Сечи, вызванное отклонением от ориентации на Россию, Б. Хмельницкому удалось лишь с опорой на многократный перевес в силах. После этого произошло одно из массовых переселений в ее пределы, преимущественно на пограничные с Польшей территории⁹², что, безусловно, являлось разновидностью самоопределения.

На каком-то этапе под влиянием различных обстоятельств Б. Хмельницкий стал выразителем настроений на воссоединение с Россией, существовавших в среде восточных славян. Существует предание, что соответствующие представления ему привил отец рассказами о былом единстве. Отложились в сознании Б. Хмельницкого и теплые отзывы о России, сообщавшиеся весьма широко на Украине в контакте поколений. То же самое происходило во всех бывших землях Руси, оказавшихся в силу неблагоприятных обстоятельств в составе Речи Посполитой⁹³. В советской и современной «националистической» историографии роль Б. Хмельницкого в «освободительной войне» представлена в идеализированном виде. Вместе с тем то обстоятельство, что гетман, в конце концов, поддержал ее объединительную направленность, необходимо, безусловно, поставить ему в заслугу.

Настроения на воссоединение с Россией особенно усилились в период 1638–1648 гг., вошедший в историю как «черное десятилетие». Гонения на православных приняли тогда наиболее жесткие формы. Священников заставляли даже отрабатывать барщину наряду с крестьянами. Православные храмы открывали только при условии отсутствия задолженностей по налогам, что являлось, по сути, грубым вмешательством в прерогативы веры. Именно таким давлением власти Польши стремились обеспечить переход в католичество и соответствен-

⁹¹ Там же. С. 40, 43.

⁹² Там же. С. 43.

⁹³ Франко И. Патриотические порывы. С. 370.

но смену идентичности. В России об этом знали. На Земском соборе в Москве 1 (11) октября 1653 г. при характеристике ситуации на Украине говорилось, прежде всего, о стремлении правящего режима Речи Посполитой искоренить «православную веру»⁹⁴. Решение о восстановлении единства под впечатлением от этого было принято.

Не воспринимался в качестве чужого («инородного») и народ Украины. Единство веры и этническое родство, как уже отмечалось в историографическом обзоре, явились определяющими факторами в воссоединении. Никаких экономических выгод у России не было, напротив, она должна была нести огромные затраты⁹⁵. Покрывались они за счет увеличения налоговых сборов с великорусского населения. Между тем цена в этом случае была оправданна. Геополитическая ситуация в Европе менялась после объединения в пользу восточного славянства. Для принятия решения такого масштаба Земский собор 1653 г.⁹⁶ имел весьма широкое представительство. Присутствовали на нем даже посланцы от южных славян (болгар и сербов), проявлявших заинтересованность в восстановлении единства собратьев на востоке. Это оказывало существенную поддержку в борьбе против Османской империи.

На Московском Земском соборе представители всех русских земель имели единодушный настрой на восстановление государственного единства восточных славян. Данный выбор получил подтверждение и на Переяславской Раде в 1654 г., на которую были собраны посланцы «всех слоев малорусского народа». Они заявили о желании идти «под царя московского». На вопрос «Все ли так соизволите» последовал ответ, отражавший массовые настроения: «Все единодушно!». После этого «навечно» была принесена присяга «Российскому самодержцу»⁹⁷, как символу восстанавливающегося восточнославянского государства. Вместе со всей Украиной «власть московского царя» признали в 1654 г. и запорожские казаки⁹⁸. В обращении

⁹⁴ Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! С. 48.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 32, 44.

⁹⁷ Там же. С. 44–45.

⁹⁸ Волконский А.М. Указ. соч. С. 78.

Б. Хмельницкого к народу 8 (21) января 1654 г. в Переяславле обращалось особое внимание на преодоление угрозы смены исторического кода (религии и этнической идентичности): «Бог освободил нас из рук врагов нашего восточного Православия, хотевших искоренить нас так, что и имя русское не упоминалось в нашей земле»⁹⁹.

Население Украины и по другим поводам гетман называл не иначе как «народом русским»¹⁰⁰. По представительству от «украинских земель» Переяславская Рада имела законные полномочия на принятие судьбоносного решения такого рода. Еще несколько месяцев «боярин Бутурлин со товарищи» и «казачья старшина» совершали объезды различных местностей, для приведения к присяге всего населения. Тем, кто отказывался, разъясняли, что они в этом выборе «люди вольные» и могут переселиться в пределы Польши¹⁰¹. По пути следования посланцы Москвы везде, как правило, убеждались «в народном сочувствии предположенному делу»¹⁰². В объединительном процессе происходили в ряде случаев и отклонения. Вызывались они изменами ряда гетманов. Вследствие одной из них «украинские земли» возвращались в состав Польши, получив тем не менее название «Русское княжество». В нем выделялись воеводства Киевское, Черниговское и Брацлавское¹⁰³. Такая переориентация имела поверхностный характер и, соответственно, не отражала настроенности масс.

Народ оставался верен решениям Переяславской Рады, отношение к отделению от России в его среде неизменно оказывалось сугубо отрицательным¹⁰⁴. Таким же оставалось и восприятие Польши, проводившейся в ее пределах политики в отношении восточных славян. Тяготение к восстановлению единства в западных русских землях оказывалось, несмотря на отклонения, преобладающей тенденцией. Предопределялось оно сохранявшимся этническим самосознанием. Показательно

⁹⁹ Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 394.

¹⁰⁰ Волконский А.М. Указ. соч. С. 91.

¹⁰¹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 46, 49, 53.

¹⁰² Богаевский П.М. Указ. соч. С. 127.

¹⁰³ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 46, 49, 53.

¹⁰⁴ Там же.

и установившееся после объединения наименование ряда территорий: левый берег стал восприниматься как «московский», правый определялся по-прежнему в качестве «русского». В управление воссоединившихся земель государственная власть России не вмешивалась. Для защиты населения она ограничивалась размещением лишь гарнизонов в крупных городах¹⁰⁵.

«Дела Украины» они никоим образом не затрагивали и оставались к ним нейтральными. Запорожскому казачеству после Переяславской Рады были сохранены все права, списки на государственную службу увеличены до 60 тыс. в соответствии с его пожеланиями. В Польше возможности попадания в реестр постоянно ограничивались. Налоги оставались в распоряжении гетмана. До начала XVIII в. они в «царскую казну» вообще не поступали. Не производились и наборы для службы в армию, что позитивно сказывалось на демографических показателях. Шляхте и духовенству в составе России сохранены были бывшие имения, для городов оставлено «магдебургское право». Между тем простой народ выражал недовольство гетманским правлением и казачьей старшиной из-за систематических злоупотреблений с их стороны¹⁰⁶.

В присоединенных землях существовало ожидание утверждения русской администрации, действия которой отождествлялись со справедливостью и порядком. Единство же восточных славян выдерживало испытания на прочность при возникновении различных сложных геополитических обстоятельств. Солидарное взаимодействие оказывалось, как правило, ненарушимым. При появлении шведской армии Карла XII в пределах Малороссии в 1709 г. население даже при отсутствии поддержки со стороны России, например, стало создавать партизанские отряды. Они нападали на неприятеля и ослабляли его силы. До подхода Петра I местные жители героически удерживали Полтаву. При появлении русских войск запорожские казаки и крестьяне присоединялись к ним для ведения совместной борьбы¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Там же. С. 29, 48, 59.

¹⁰⁶ Там же. С. 46, 48, 59, 67.

¹⁰⁷ Там же. С. 68, 71, 73.

Правобережье оставалось под властью Польши до конца XVIII в. и было воссоединено с восточнославянским сообществом в составе России по второму (1793) и третьему (1795) ее разделам. Однако «этнические территории» и после этого оказались возвращенными не полностью. Вне объединения оставалась и «Червонная Русь» (Галиция), отошедшая при первом разделе Польши (1772) Австро-Венгерской империи. После этих событий название «Украина» в российских частях применяется в восточнославянской среде все реже и постепенно вытесняется. Употребление его превращается в явление пережиточное, сохранившись лишь в некоторых документах и литературных произведениях. В «левобережье» конкретизация «Украина» с середины XVII в. постепенно выходит из обихода, и только с включением в состав России «правобережья» вновь получает распространение на сопредельной территории¹⁰⁸. Наименования в зависимости от определявшей административной субъектности претерпевали изменения.

По творчеству философа Г. Сковороды, являвшегося уроженцем Харьковского наместничества, образованного в 1780 г., в частности, прослеживается, что и во второй половине XVIII в. именно Левобережье чаще всего отождествлялось с Малороссией¹⁰⁹. К Украине относили в тот промежуток времени только Правобережье¹¹⁰. Однако все восточнославянские обособления воспринимались в России, в том числе на государственном уровне, в качестве «сродностей». Данный термин применялся в описаниях и Г. Сковородой¹¹¹. Он как нельзя точно определяет состояния незавершенности этнической консолидации в восточнославянском сообществе. Сохранение же наименования «Украина» за Правобережьем указывает, безусловно, на решающее значение польского влияния в его утверждении. Данное пространство в Речи Посполитой относилось к «исторически принадлежавшей ей территории».

Восточнославянское население даже после включения ее

¹⁰⁸ Там же. С. 81–82.

¹⁰⁹ Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 90.

¹¹⁰ Ковалинский М.И. Жизнь Григория Сковороды. Написанная 1794 года в древнем вкусе // В кн.: Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 438, 470.

¹¹¹ Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. Т. 1. С. 438.

части в состав России продолжало причисляться к разновидности польской нации. Вследствие проводившейся политики в Речи Посполитой «русская элита» превратилась в шляхетство, приняв в ряде случаев католицизм. Организованное противодействие разрушению идентичности оказать было некому. После разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII в. часть населения с видоизмененной этничностью перешла под юрисдикцию Российской империи. По решениям Венского конгресса в 1815 г. в ее составе оказались и собственно польские территории. Произошло это вопреки намерениям Петербурга, сводившимся и на том этапе лишь к возврату принадлежавшего когда-то Руси восточнославянского этнического пространства. Отношение к полякам сразу же определилось как к «своим подданным»¹¹², с предоставлением связанных с этим всех прав гражданства.

Образованное ранее Наполеоном «Великое герцогство Варшавское» с включением в состав Российской империи преобразуется в «Царство Польское». Изначально определялся и его автономный статус. Предусматривалось им сохранение вместе с тем прежних социальных привилегий. Через шляхту (польских помещиков), которой в Российской империи были оставлены прежние имения, происходило влияние и на восточнославянское крестьянство, остававшееся в крепостной неволе. Насаждение «украинского проекта» происходило с помощью просвещения, также оставленного в ведении поляков. Предоставлено им было и управление образовательными учреждениями, вплоть до исполнения контролирующих административных функций и составления программ.

Сохранение таких привилегий стало возможным по рекомендациям А. Чарторыйского, занимавшего высокий государственный пост министра иностранных дел и входившего в ближайшее окружение Александра I. Часть «этнических территорий» (Галиции и др.) по решениям Венского конгресса оказалась в составе Австро-Венгерской империи. Польское влияние вследствие сложившихся обстоятельств и здесь, и на «правобережье», находившемся в составе России, продол-

¹¹² Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 240.

жилось. Несмотря на то, что «Герцогству Варшавскому» была предоставлена Петербургом широкая автономия, вплоть до сохранения в основном прежнего законодательства («Кодекса Наполеона»), собственной денежной системы, самосознание шляхты было уязвлено. Земли, отошедшие к России вследствие разделов в конце XVIII в., она намеревалась рано или поздно присоединить к «Царству Польскому»¹¹³.

Для достижения этого под видом «неопровержимых теорий» и насаждались представления о существовании якобы в древности «племени укров», об отсутствии у них каких-либо общих корней с великороссами. Этногенез же последних сводился к «финно-монгольским» истокам. Такого рода искажения, предполагавшие разрушение «общерусского единства», появились еще в 1822 г. в сочинениях польского автора графа Т. Чацкого и впоследствии были дополнены католическим священником Ф. Духинским¹¹⁴. Создание теории, направленной на разрушение единства восточных славян, произошло, безусловно, неслучайно. Оно явилось отражением уязвленного национального самосознания. Даже то обстоятельство, что передача по решениям Венского конгресса в состав России «Великого герцогства Варшавского» предотвратила полный раздел Польши между Австрией и Германией, во внимание не принималось.

При трех предшествующих разделах во второй половине XVIII в. Россия, вынужденная под давлением в них ввязаться, намеревалась лишь вернуть «исконные земли», населенные восточными славянами. На независимость Польши она не посягала. На Венском конгрессе в 1815 г. часть этого государства была навязана при поддержке ряда европейских стран, где впоследствии тем не менее распространение получило представление об удовлетворении при принятии решений агрессивных намерений именно России¹¹⁵, что и стало преподноситься общественному мнению. Усилиями ее дипломатии между тем выдерживалась линия на сохранение славянского государства, и именно это являлось определяющим во внешней

¹¹³ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 82–83.

¹¹⁴ Там же. С. 81.

¹¹⁵ Волконский А.М. Указ. соч. С. 38.

политике. Лишение его независимости в расчеты российского руководства не входило. Оказавшаяся же в пределах восточнославянской империи часть Польши сохранила с некоторыми ограничениями свою государственность¹¹⁶.

Ей предоставляется, как уже отмечалось, широкая автономия. Для «Царства Польского» оставлены кодекс Наполеона и прежняя денежная система¹¹⁷. Включение его в состав России произошло не по воле руководства, намеревавшегося и на том этапе вернуть лишь этнические территории восточных славян. Но Галицкая и Прикарпатская Русь оказались вопреки ожиданиям в Австро-Венгерской империи. Впоследствии усилия русской дипломатии, вплоть до начала Первой мировой войны, направлялись на восстановление predetermined прошлым справедливости и не утрачивавшее признаков инородной окраины «Царство Польское» неоднократно предлагалось в обмен на этнические территории восточных славян.

Их отторжение тогда считалось временным. Оно не признавалось и представителями династии Рюриковичей, напоминавшим нередко посланцам из Польши, что «за королем их земли». Такие представления, так или иначе совпадали с массовыми настроениями, сохранявшимися на протяжении веков в различных ареалах расселения восточных славян, оказавшихся в зарубежье, вне пределов основного этнического контента. Известно было: там «народ крепко верит в то, что белый царь опять возвратит Галичину – русской земле»¹¹⁸. И это в том числе принималось во внимание. Однако после Венского конгресса 1815 г. национальные чувства поляков оказались уязвленными, и они всячески пытались взять реванш.

Для этого и создавались теории, направленные на разрушение единства восточных славян. «Прежние фантазии» поляков представители малороссийской интеллигенции даже во второй половине XIX в., когда прилагались наибольшие усилия для утверждения украинства, считали несостоятельными¹¹⁹. Ос-

¹¹⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 83.

¹¹⁷ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 84.

¹¹⁸ Заславский Д. Указ. соч. С. 122.

¹¹⁹ Франко И. Патриотические порывы // В кн.: Франко И. Стихотворения и поэмы. Рассказы. Борислав смеється. Пер. с укр. М., 1971. С. 370.

нованный на них проект отражал те реалии, которые когда-то по отношению к славянам были достигнуты вследствие распространения католицизма. Украинство же рассматривалось поляками как разновидность их идентичности, и самостоятельного значения ему не придавалось. Насаждение западного варианта христианства в среде славян способствовало смене исторической кодификации и соответственно переориентации этнической идентичности на иной, западноевропейский, цивилизационный вектор притяжения. Так что данная практика была апробирована.

Свои притязания шляхта не оставляла и оказавшись в России, разными способами стремясь поддержать сформированные ранее отклонения в исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на территориях, входивших когда-то в состав Речи Посполитой. Для этих целей создавались тайные общества, проводилась на Правобережье специальная пропаганда. Использовалось в ходе нее в том числе не имевшее ничего общего с реальностью утверждение о том, что «русские – не славяне». В направлении этнического разобщения и дискредитации «Московии» действовал, в частности, известный в свое время «польский заговорщик» Вацлав Ржевуский, прилагавший усилия к организации оппозиционно настроенных соотечественников, делавших ставку на сепаратизм. После восстаний 1830–1831 гг. последовали ограничения автономии «Царства Польского». Но они оказались несущественными¹²⁰.

Произошедшие изменения в политике на юго-западной окраине Российской империи не предотвратили процессы формирования особого украинского самосознания у восточнославянского населения Правобережья, хотя русская идентичность у него тогда еще сохранялась. Попытки изменения ее, которые предпринимали «представители вельможной шляхты», отмечал и Т.Г. Шевченко в 1860 г. в письме к редактору журнала «Народное чтение», содержавшее вместе с тем автобиографические сведения. Свои намерения, по словам классика, «с чувством просвещенной гордости» они выдавали за покровительство «украинской народности». По утверждениям представителей

¹²⁰ Там же. С. 83–85.

польской шляхты, переданным не без иронии в автобиографии Т.Г. Шевченко, такой попечительностью якобы «всегда отличались их предки»¹²¹. При этом они унижали достоинство местного восточнославянского населения, рассматривая себя в качестве «цивилизаторов заднепровской Украины»¹²².

Т.Г. Шевченко такие утверждения не считал объективными, с осуждением воспринимая польское влияние на население Малороссии¹²³. Его будущее он видел только в составе «православного отечества»¹²⁴. Распространенность русской идентичности у восточнославянского населения подтверждалась различными источниками, в которых в той или иной форме фиксировалось состояние самосознания. При изучении их В.В. Антонович, в частности, отметил, что на «Киевщине... Волыни и... Подолии опоясился и окатоличился только высший... помещичий... класс, а крепостная мужицкая масса всегда оставалась русской и православной, претерпевая тяжкие гонения за веру и народность»¹²⁵. Складывавшаяся в этих краях до крестьянской реформы 1861 г. ситуация не изменилась и впоследствии. При насаждении «украинской» идентичности, по словам В.В. Антоновича, поляки «свои притязания на Юго-Западную Россию» подкрепляли «только ложью»¹²⁶.

Этническое и национальное единство восточнославянского сообщества, как видно, формировалось не без противоречий. На уровне не достигших завершенности переходных состояний оставались отличия и в культуре. Тенденция к преодолению разобщения восточных славян наметилась уже вскоре после окончания в России эпохи Смутного времени. По мере укрепления ее как государственного образования перспектива этнического объединения возрастала. Определяющими факторами в воссоединении явились этническое родство и единство веры. Отношение к отделению от России со стороны присоединенного

¹²¹ Автобиография. (Письмо Т.Г. Шевченко к редактору журнала «Народное чтение») // В кн.: Шевченко Т. Дневник. М., 1954. С. 22.

¹²² Там же. С. 21–22.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Шевченко Т. Дневник. С. 34, 50.

¹²⁵ Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям. С. 153.

¹²⁶ Там же.

населения неизменно оказывалось сугубо отрицательным и на последующих этапах. Тяготение к восстановлению единства оказывалось, несмотря на отклонения, преобладающей тенденцией.

Одним из отражений исторической кодификации является сложившееся в восточнославянской среде восприятие пространства, менявшееся во времени. Расширявшуюся в силу стечения тех или иных геополитических обстоятельств в XIX в. протяженность этнического расселения своеобразно зафиксировал Н.В. Гоголь. В его понимании единая и неделимая Русь «разметнулась на полсвета»¹²⁷. Между тем последствия произошедшего в XIII в. разрыва восточнославянского этнического поля продолжали сказываться. Особенностью общероссийского консолидационного процесса являлось то, что закрепившиеся различия не исчезали. В некоторых из них прослеживалась устойчивость. Такими свойствами обладала и малороссийская субэтничность. После восстановления единства восточнославянского сообщества в XVII в. так или иначе это учитывалось.

При разграничении государственного пространства обладавшее спецификой население получило особый административный статус, а занимаемая им территория стала называться Малороссией. Первоначально к ней в «обычном» смысле, основанном на бытовавших представлениях в среде самого населения, относили только Полтавскую и Черниговскую губернии. Но в восприятии Малороссии существовало и более широкое историческое измерение. В соответствии с ним после отхода от Речи Посполитой других восточнославянских земель в данное понятие включался весь «Юго-западный край». В энциклопедическом словаре «Россия» в конце XIX в. в его составе обозначены Киевская, Подольская и Волынская губернии. В описании Малороссии также помечено, что она заходит «порой и в теперешнюю Галицию»¹²⁸. В историческое измерение в издании лишь частично включалась Бессарабия и Херсонщина. По реке Днепру «Малороссия делилась на правобережную и левобережную»¹²⁹.

¹²⁷ Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1980. С. 241.

¹²⁸ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 492.

¹²⁹ Там же.

С восстановлением государственного единства восточно-славянского этнического поля автономное функционирование его частей между тем сохранилось. Наряду с этим проявлялись признаки национального сплочения. Происходило оно в значительной мере стихийно и носило естественный характер. На подпитывавшую субэтничность полонизированность культуры до поры до времени государственная политика в России направленности не имела. Определяющая роль в ней отводилась единству веры. Важнейшим показателем восточнославянской идентичности, принадлежности к русскому народу являлся фактор православия. Геополитическое свершение, связанное с наметившимся в середине XVII в. объединением этнического сообщества предопределялось исторической памятью о местном прошлом.

§ 3. «От Карпат и до Камчатки»

На территории бывшей «Червонной Руси» (Галиции) вследствие того, что полонизация в Австро-Венгерской империи продолжалась без каких-либо ограничений¹³⁰, тенденция разобщения оказалась более сильной. Наряду с этим выдерживался курс на германизацию. Однако для восточнославянской культуры наиболее разрушительным оказывалось воздействие польского фактора, имевшего некоторое сходство в культурном отношении, отражавшем отдаленные совпадения с существовавшей когда-то исторической общеславянской кодификацией. Соединение с ней из-за перевода на западноевропейский цивилизационный контент порождало иное качество¹³¹.

Разрушению прежней восточнославянской этничности способствовало также насаждение католицизма, всячески поддерживавшееся униатским духовенством. Соответствующий слом общерусского исторического кода обеспечивался и непомерно высокими налогами, взимавшимися в Австро-Венгерской империи с населения Галиции. Влияние на это оказывала и политика в сфере образования. Польский язык при обучении в школах совместно с немецким являлся обязательным. Между тем все

¹³⁰ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 85, 106–107.

¹³¹ Крыжановский С., Турганов В. Указ. соч. С. 7.

эти меры, применявшиеся в Австро-Венгерской империи в отношении восточнославянского населения Галиции, не смогли подавить существовавшие в его среде симпатии к России¹³². Тяготение к ней, основывавшееся на общем прошлом в «киевский период», в XIX в. не было прервано.

Представления о единстве восточных славян как народа существовали не только в России. Широкое распространение в свое время они имели и за ее пределами. После разделов Польши во второй половине XVIII в. австрийское правительство вынуждено было признавать единство восточнославянского населения своей империи с остальным русским миром. Такая позиция являлась официальной с 1772 по 1848 гг.¹³³. В ней отобразилась существовавшая реальность, с которой приходилось считаться. Даже с изменением политики на этом направлении, связанным с попытками насаждения иной идентичности для разъединения с Россией, она продолжала сохраняться.

Так, в 1848 г. галичане называли свой орган местного самоуправления не иначе как «Головна Руска Рада»¹³⁴. Образованная структура (совет) отражала чаяния восточнославянского населения. Данный центр вместе с тем прилагал усилия к сохранению русской культуры в его среде и занимался соответствующей пропагандистской деятельностью¹³⁵. Примечательно, что в его создании участие принимало и духовенство греко-католической церкви¹³⁶, у которого, несмотря на вероисповедные различия, сохранялась, судя по всему, прежняя идентичность. Во всяком случае, название «русская» оно принимало. Организаторы «Рады» признавали правомерность его соотнесения со всем восточнославянским населением Австрийской империи. Они рассматривали его как часть народа, отделенного от остального русского мира.

Возможность восстановления государственного единства

¹³² Там же. С. 7–8.

¹³³ Волконский А.М. Указ. соч. С. 90.

¹³⁴ Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981. С. 202, 206.

¹³⁵ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 137.

¹³⁶ Федевич К.К. Украинцы и не только. (Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы) // Славяноведение. 2014. № 5. С. 8.

с ним входившие в «Раду» члены не исключали. В противовес этому объединению полонизированная восточнославянская шляхта создала во Львове «Русский собор». Его название также является показателем сохранявшейся идентичности. Однако, признавая ее русинский контент, идеологи собора отстаивали необходимость ненарушения интеграционных связей с Польшей и Австрийской империей, в которую входила ее немалая часть после разделов¹³⁷. Назначенный из Вены губернатор Галиции граф Стадион, опираясь на впечатления при знакомстве с ситуацией, рекомендовал австрийскому правительству называть население провинции «рутенами» для разобщения его с восточнославянским сообществом¹³⁸.

Наблюдавшееся на том этапе тяготение к нему являлось еще преобладающим. Введенный австрийский термин «рутены» между тем населением не воспринимался. В Галиции оно по-прежнему отождествляло себя с «русскими или русинами», в Буковине – «русинами, русскими, и малороссами», в Венгрии – «русскими, малороссами и русняками»¹³⁹. Население этих провинций считалось также восточнославянским. В нем существовали имевшие свою культурную специфику группы. К ним относились верховинцы, гуцулы, лемки, подоляне и др.¹⁴⁰ Все они в подавляющем большинстве не отрывали себя от общего этнического (восточнославянского) и национального (русского) контента. Данный тип идентификации являлся тогда устойчивым. Наименование «украинцы», как видно, не имело распространения. В определении восточнославянского населения Галиции как русского австрийские власти не без оснований видели опасность для целостности искусственно созданной империи Габсбургов¹⁴¹.

Официально ему было предложено считать себя «самостоятельным народом», отказаться «от национального единства» с теми, кто находился в составе России. Насаждение другой

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Смолин М.Б. Укратиофильство в России. Идеология раскола // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 10.

¹³⁹ Волконский А.М. Указ. соч. С. 35.

¹⁴⁰ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 46.

¹⁴¹ Смолин М.Б. Указ. соч. С. 10.

идентификации производилось для того, чтобы «отличаться от русских, живущих за пределами Австрии». При поддержке правительства этой страны возникла и «украинская партия». Так или иначе, это укрепляло возможности в реализации польской альтернативы. Сторонников единства восточных славян сажали в тюрьмы, к «государственной измене» причислялось распространение русского языка и написанных на нем книг¹⁴². В проводившейся политике по отношению к подданным в Австрийской империи применялся принцип «конкордата», при помощи которого предпринимались попытки достичь государственного сплочения. Провинции «в их естественном многообразии» лишались возможности на автономию¹⁴³. Это касалось и восточнославянского населения.

Некоторая самостоятельность австрийским иноэтническим провинциям стала предоставляться под воздействием революционных событий конца 40-х гг. XIX в.¹⁴⁴ Автономные права на самоуправление и сохранение культурной самобытности в Российской империи предоставлялись изначально. В австрийских условиях даже после произошедших перемен в управлении государством определяющим был «диктат венского двора», а немцы по-прежнему стремились не уступать властных привилегий периферии, населенной другими народами¹⁴⁵. Франц-Иосиф II, являвшийся одним из основателей империи Габсбургов, об ее обустройстве говорил следующее: «Мои народы чужды один другому: тем лучше... Они не понимают и ненавидят друг друга. Из их неприязни рождается порядок, из их вражды – общий мир»¹⁴⁶. Но сопротивление такой политике не прекращалось и в восточнославянской среде.

Участники «москвофильского» течения (И. Наумович, Д. Зубрицкий и др.), появившегося в 50-х гг. XIX в. в Восточной

¹⁴² Там же. С. 10–11.

¹⁴³ Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. Пер. с англ. М., 2002. С. 45.

¹⁴⁴ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 267.

¹⁴⁵ Шпрингер Р. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. СПб., 1909. С. 234, 272.

¹⁴⁶ Цит. по: Крыжановский С., Турганов В. Иван Франко (1856–1916) // В кн.: Франко И. Стихотворения и поэмы. Рассказы. Борислав смеется. Пер. с укр. М., 1971. С. 6.

Галиции, отрицали наличие у восточнославянского населения Австрийской империи своей, отдельной от русской, культуры. В этой ее части в середине XIX в. даже официальная переписка продолжала вестись на искаженном русском языке. Галицийский диалект признавался тогда его разновидностью. В выпущенной же во Львове в 1857 г. «Народной педагоги» малороссы и закарпатские русины признавались неотъемлемой составляющей «единого российского народа». Этой версии в конце XIX в. придерживался и видный западноукраинский поэт-просветитель А. Павлович¹⁴⁷. Ситуация с проявлениями в той или иной форме предпосылок, указывавших на возможность восстановления единства всего восточнославянского сообщества, сохранялась в Галиции еще и в начале XX в.

Прослеживалось это, прежде всего, в сфере культуры. Один из образовавшихся драматических кружков имел, например, название «Русская беседа»¹⁴⁸. Такая конкретизация встречалась тогда и в других просветительных обществах. На русском языке в восточнославянских провинциях Австрийской империи осуществлялось в ряде случаев и издание местной периодики. Причем она имела, как можно судить, широкую востребованность. Форматы различного религиозного содержания, предназначенные для местного населения, также нередко составлялись на русском языке. На этом основании можно сделать вывод, что его понимание в Галиции в тот промежуток времени не вызывало затруднений. Один из выпускавшихся во Львове церковных журналов имел даже название «Русский Сион»¹⁴⁹.

Признаки этнической общности восточных славян проявлялись и в социальной организации, имевшей черты сходства во всех ареалах расселения. Одинаковым общинный уклад был когда-то и оставался впоследствии от Карпатских гор до Новгорода, Пскова, вплоть до самых отдаленных частей русской земли на севере и востоке. Связанное с ним обустройство переносилось и на новые колонизируемые восточными славянами пространства. Общинные порядки под влиянием местных

¹⁴⁷ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 137.

¹⁴⁸ Смолич Ю. Указ. соч. С. 370–371.

¹⁴⁹ Пархоменко М. Иван Франко. С. XXII.

условий подвергались трансформациям, но, несмотря на это, сохраняли на протяжении веков традиционные для восточных славян устои¹⁵⁰. Определяющим в них являлся идеал справедливости. Общинные поля, пастбища, леса и иные хозяйственные ниши принадлежали всем членам. При распределении тем не менее учитывался экономический вклад, что обуславливало внутреннюю социальную дифференциацию. Потерявшим трудоспособность предоставлялась поддержка и поэтому «бедных не было». Восточнославянским общинам присущ был и обычай гостеприимства¹⁵¹.

Общинные порядки устанавливались и поддерживались сельским сходом (местным вече), которому и принадлежала высшая власть. В обсуждении возникавших вопросов участвовали все, кому полагалось обычаем, «ни один взрослый, будь то мужчина или женщина, не был исключен» из процесса принятия решений. Только обобщение предоставлялось старейшинам, им же принадлежало право решающего голоса¹⁵². После этого приговоры обретали силу закона. За несоблюдение постановлений сходов и другие проступки, в том числе воровство, следовало изгнание из общины. Но заключения по этому поводу с опорой на «святые... устои» принимались судом. Между общинами существовала связь, сплачивавшая их в «русский народ»¹⁵³. Такая идентификация преобладала во всех восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи еще и во второй половине XIX – начале XX в.

Община у восточных славян, безусловно, не являлась идеальной организацией. Но в силу климатических и пространственных специфических условий она выступала формой этнического быта. Общинные же традиции в восточнославянском сообществе превратились в цивилизационную составляющую, оказывавшую влияние на характер различных процессов. До определенного рубежа восприятие восточнославянской общности как нераздельного народа между тем имело широкое распро-

¹⁵⁰ См. подробнее: Франко И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке. С. 505.

¹⁵¹ Там же. С. 521, 526.

¹⁵² Там же. С. 517–518.

¹⁵³ Там же. 530.

странение. Данную реальность признавал и канцлер Германии Отто фон Бисмарк, предлагавший произвести ее изменение за счет усиления существовавших внутренних этнических особенностей¹⁵⁴. Направленная на сегментацию восточнославянского сообщества работа первоначально осуществлялась Австрией и являлась важнейшей составной частью проводившейся ее руководством политики.

Один из вариантов проекта появился еще в начале Крымской войны. Руководство Австрийской империи поддержало тогда Англию и Францию, принимавших в ней участие на стороне Турции, ответив неблагодарностью за спасение от развала в период революции 1848 г. Такая поддержка являлась, безусловно, ошибочной и не соответствовала государственным интересам России. Уже через непродолжительное время в Вене возникли намерения по ее расчленению, прежде всего, за счет сегментации восточнославянского сообщества. В 1854 г. в Лондоне появилась «пространная записка», предназначавшаяся для правящих кругов Британской империи, в которой «выдвигались требования... расширения Австрии вплоть до Крыма»¹⁵⁵. С конца XIX в. проект, судя по всему, претерпел изменения и был расширен «до Кавказских гор».

По воспоминаниям генерала барона П.Н. Врангеля, неплохо осведомленного в свое время в вопросах подрывной деятельности против России, она велась усиленно на протяжении многих лет и ее «плоды... значительны»¹⁵⁶. Руководство Австрии намеревалось под своим протекторатом создать «украинское государство», переорганизовав в своих геополитических интересах пространство «от Карпат и до Кавказа». Его «независимость» предусматривалась только от России. Ставку на разъединение восточных славян для ее ослабления делала и Германия¹⁵⁷. А.И. Деникин в анализе связанных с этим наблюдений много лет спустя оставил такую запись: «Желая

¹⁵⁴ Голушко Н.М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 398.

¹⁵⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1940. С. 80.

¹⁵⁶ Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. 1 (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. С. 101.

¹⁵⁷ ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 656. Л. 1.

обессилить русское государство, прежде чем объявить... войну, немцы задолго до 1914 г. стремились разрушить выкованное в тяжелой борьбе единство русского племени»¹⁵⁸.

Такие планы вынашивал и Отто фон Бисмарк, создавший неимоверными усилиями «единое германское отечество»¹⁵⁹. В достижении «трудной задачи» в период его канцлерства ускоренными темпами проводилась «ассимиляция вновь присоединенного населения»¹⁶⁰. В отношении же восточного славянства с определенного рубежа реализовывалось намерение сорвать происходившие естественные процессы преодоления состояний этнической обособленности и складывания нации. В основе политики Германии в этом направлении, как заметил немецкий историк Шюсслер, было «понимание силы и непобедимости русского народа»¹⁶¹. Отто фон Бисмарк одним из первых, таким образом, осознал «стратегическое значение», которое имели для восточного славянства «широкие пространства», непреодолимые «для иноземной силы»¹⁶².

Предусматривавшаяся им сегментация этнического сообщества на отдельные нации по аналогии с европейской практикой должна была привести к существенному ослаблению этого фактора. Обосновывая такую необходимость, Отто фон Бисмарк приводил следующие доводы: «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины». По его рекомендации восточнославянское сообщество необходимо не только разъединить, но и противопоставить, стравив сохранявшие особенности «части единого народа»¹⁶³. Для создания состояния, когда «брат будет убивать брата», Отто фон Бисмарк предлагал «найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет

¹⁵⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 книгах. Книга 3. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. М., 2003. С. 530.

¹⁵⁹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. С. 7.

¹⁶⁰ Там же. С. 24.

¹⁶¹ Цит. по: Ерусалимский А. Бисмарк как дипломат (вступительная статья) // В кн.: Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1940. С. XLII.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Цит. по: Голушко Н.М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 2. С. 398.

ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого»¹⁶⁴. После установления искусственной национальной сегментации, как считал канцлер, окончательное разъединение «дело времени»¹⁶⁵.

Ставка при этом делалась, как видно, на замену исторической кодификации, сформировавшейся в эпоху единства Руси. С началом формирования военно-политического союза с Германией с 70-х гг. XIX в. политика в отношении восточнославянского населения в Австро-Венгерской империи приняла более жесткие формы. Ее определяющим критерием становится подавление цивилизационного и соответственно государственного притяжения России. Достижения в экономической и культурной сферах в тот промежуток времени способствовали его усилению. Немаловажное значение при этом имел религиозный фактор. Австрийскими властями обращено было внимание на то, что уния мало изменила обрядность «галицкой церкви», облик которой даже внешне оставался православным. Духовенство по-прежнему оставалось главным носителем русской идеи¹⁶⁶.

Вследствие этого австрийским правительством руководство церковной жизнью в восточнославянских провинциях стало возлагаться только на тех его представителей, кто не вызывал сомнений в приверженности католицизму и папскому престолу в Ватикане. В духовных училищах проводилась подготовка кадров, проникнутых ненавистью к православию и соответственно к России. Придерживавшиеся традиционного восточного обряда подвергались преследованию. Все эти меры воздействия на этнополитическую ситуацию в восточнославянских провинциях в австрийской политике реализовывались «упорно и систематически»¹⁶⁷.

Но фаза надлома наступила отнюдь не сразу. Предпринимавшиеся усилия первоначально давали лишь ограниченные результаты, что являлось показателем устойчивости исторической кодификации. Наличие восточнославянской этнической общности подтверждалось опросами населения, особенно на

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия. С. 300.

¹⁶⁷ Там же.

территориях, входивших в состав России. В южных ареалах ее государственного пространства, где происходила смешанная восточнославянская колонизация, указания на «украинскую принадлежность» в начале XX в. не фиксировались. Признаки общерусского единства при таких же условиях замечались тогда в Степном крае и Сибири¹⁶⁸.

Преобладание тенденции этнонациональной консолидации характерно было и для собственно «малороссийских губерний», причем даже для тех, которые находились на территориях Правобережья. Примечателен в этой связи один из эпизодов в ходе нарастания революционного кризиса в 1905 г. В наиболее критический момент Николаю II подали петицию с миллионом подписей из Волынской губернии, в которой излагалась обеспокоенность за судьбу России и содержалась просьба «сохранить самодержавную власть и не уступать своих прав Государственной Думе». Кроме того, волынцы с убежденностью заявили в адресе царю, что «они не “украинцы”, а русские» и «любят родину»¹⁶⁹.

Проявлялся этот настрой и в выступлениях представителей Украины в самой Государственной думе. Так, депутат от Полтавской губернии П.И. Коваленко на одном из заседаний заявил: «Россия – наше отечество, Малороссия – наше дорогое, родное гнездо»¹⁷⁰. Общность восточных славян выделял в парламенте и Г.В. Скоропадский. Потомок «гетманского рода», обращаясь к прошлому, напоминал присутствующим, что Киев являлся «колыбелью» российского государства. На всех этапах его развития, по признанию Г.В. Скоропадского, малороссы составляли «такой же державный народ, как и великороссы»¹⁷¹.

В западных восточнославянских частях Российской империи, пребывавших в течение нескольких веков в составе Польши и Австро-Венгрии и, как следствие, находившихся под их сильным влиянием, процессы этнического развития обретали особенности. Некоторые «украинские и белорусские земли» про-

¹⁶⁸ Волконский А.М. Указ. соч. С. 56–57.

¹⁶⁹ Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 96–97, 504, 510.

¹⁷⁰ Цит. по: Митухина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 57–58.

¹⁷¹ Там же.

должали оставаться в границах последней еще и в начале XX в. Здесь продолжалась экспансия католицизма, что способствовало перегруппировке этнического самосознания восточно-славянского населения, разрушению исторически сложившейся культурной самобытности исповедовавшего православие населения, которое, кроме того, подвергалось экономической и иной дискриминации. Разделенность его на «галицийскую» и «малороссийскую» части отражалась, к слову, в польских источниках¹⁷². Насаждение католицизма происходило и в сопредельно расположенных западных российских губерниях в период, когда их население находилось в составе зарубежных государств.

С. Хантингтон отнес ее к одной из линий цивилизационного разлома, образовавшейся при соприкосновении православно-го (восточного) и униатского (западного) ареалов¹⁷³. Там, где это было возможно, главным образом в имевших отмеченную специфику частях в составе Российской империи, проводилась политика, направленная на ослабление последствий влияния католицизма. Это касалось и униатской церкви, деятельность которой была поставлена под контроль¹⁷⁴. Однако восточнославянские области, находившиеся в пределах Австро-Венгерской империи, под такое воздействие не попадали. Несмотря на это, в начале XX в. они еще не утратили тяготения к основной части этнонационального поля. Так, по признанию М. Павлык, автора книги «Москвофильство и украинофильство среди австро-русского народа», изданной во Львове в 1906 г., «толчки во всяком движении среди австро-венгерских русинов всегда исходили из России»¹⁷⁵. Сторонники ее подвергались преследованию.

Предпринимались и идеологические усилия по разрушению сформировавшегося в прошлом восточнославянского исторического кода, исключения из него общерусского контента. В 1909 г. по предложению М.С. Грушевского на заседании «Галицкой Украинской партии» принимается решение об органи-

¹⁷² См. подробнее: Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 2008. С. 51, 57 и др.

¹⁷³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М., 2007. С. 39.

¹⁷⁴ Ферро М. Николай II. Пер. с фр. М., 1991. С. 20.

¹⁷⁵ Освободительные движения народов Австрийской империи. С. 330.

зации и проведении по всему краю праздничных мероприятий «в честь гетмана Мазепы»¹⁷⁶. По этому поводу издавались и брошюры, в которых под заданным углом зрения разъяснялось «значение выступления» его «в защиту угнетенных русским правительством казаков»¹⁷⁷. Однако пропаганда такого рода не дала тогда ожидавшихся последствий в перегруппировке самосознания населения Галиции, продолжавшего считать себя русским. Курс на сегментацию восточнославянского сообщества в Австро-Венгерской империи между тем продолжался. В 1912 г. правительство Габсбургов своих подданных, так и не отказавшихся от русской идентичности, впервые называет «украинцами»¹⁷⁸.

Это получило отображение в акте императора Франца Иосифа по поводу открытия для них «национального» университета¹⁷⁹. Однако немалая часть восточнославянского населения Австро-Венгерской империи, по сохранившимся отзывам современников «наиболее честная и умная», продолжала надеяться на восстановление полного единства русского народа¹⁸⁰. При обострении международной обстановки на европейском континенте накануне Первой мировой войны она «мечтала о крушении Австрии». Прослеживалось стремление и к возвращению «в лоно Православной Русской Церкви» у тех, кто был связан с униатством. Накануне Первой мировой войны в среде восточнославянского населения Австро-Венгерской империи имело еще распространение и признание русского языка в качестве родного. Носителей таких настроений приверженцы иных взглядов с иронией называли «москвофилами». Сами же себя они склонны были считать «староруссами»¹⁸¹.

Их партия в Австрийской империи, как отмечали современники, «стоит на дурном счету у правительства, отстранена от всякого участия в областном управлении и подвергается всякого рода насилиям и притеснениям»¹⁸². В 1866 г. ее руко-

¹⁷⁶ Украина в XX столетии. Киев, 1997. С. 48. (Пер. с укр. автора).

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Волконский А.М. Указ. соч. С. 91.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Царинный А. Указ. соч. С. 181.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник.

водство, несмотря на это, заявило о признании «национального и литературного единства галичан с остальной Русью»¹⁸³. Но объединения с такими намерениями не получали какой-либо помощи и опирались на свои собственные силы. На стороне «старорусской партии» был лишь «нравственный перевес» и массовая поддержка населения. Политическая платформа ее имела направленность против формировавшегося «украинства», которое подпитывал, как отмечалось в обосновывавших ее документах, «наскоро придуманный и беспочвенный принцип» конструирования обособленной от остальных восточных славян нации. «Старорусская партия» в Австрийской империи отстаивала, как видно, идею «общерусского национального и культурного единства»¹⁸⁴.

Ее представители небезосновательно утверждали, что такие надежды «глубоко коренятся в сознании простого народа». В XIX в. они послужили, как отмечали знавшие ситуацию в крае, «для галицких, буковинских и угорских малорусов лозунгом их национального возрождения». Участники движения за восстановление полного восточнославянского государственного единства к «народному языку» относились с уважением и допускали «широкое употребление его в домашнем обиходе... и литературе». Но в сфере «науки и высшей образованности» указывали на необходимость использования русского языка. Проводилась «старорусской партией» и широкая просветительская деятельность, для ее организации создавались культурные общества, производилось издание книг, расходившихся миллионами экземпляров, что свидетельствует о широкой востребованности. Для простого народа открывались читальни¹⁸⁵.

Общие мероприятия во Львове привлекали тысячи «гостей из разных концов Галичины и Буковины». Во время их проведения речи произносились «на общерусском литературном языке». Его использовали при публичных выступлениях «не только представители духовной и светской интеллигенции, но и простые поселяне». Так прошло, например, одно из юбилейных

Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 364.

¹⁸³ Цит. по: Там же. С. 366.

¹⁸⁴ Там же. С. 364.

¹⁸⁵ Там же. С. 364–365.

торжеств во Львове в 1899 г., собравшее со всего края до четырех тысяч делегатов. Программные установки «старорусской партии» на государственное объединение восточных славян получили у них одобрительный отклик. В одном из выступлений при обращении к «народникам-сепаратистам» дано примечательное разъяснение, за что они «нападают и клеветают» на сторонников осуществления такой перспективы¹⁸⁶.

В нем, в частности, говорилось: «За то, что мы постигли душу народную, за то, что храним заветы предков, за то, что дорожим нашей стариной и следуем ее указаниям, за то, что проповедуем нерасторжимость русской народности от русской Церкви, за то, что не отступили от наших народных прав и бережем народную честь, за то, что любим святую неделимую Русь и желаем ее видеть сильной, славной, могущественной»¹⁸⁷. А.И. Солженицын правильно, на мой взгляд, поставил вопрос о том, что ученым еще предстоит объяснить, как и когда у восточнославянского населения на «Западной Украине» был разрушен тип самосознания¹⁸⁸, сохранявшийся со времен единства Руси.

Видимо, мероприятия с прославлением гетмана Мазепы, равно как и другие, проводившиеся в этой части Австро-Венгерской империи в начале XX в., явились определенным вкладом в достижение такого результата. Осуществлялись в ее пределах перед Первой мировой войной и массовые преследования сторонников единства восточных славян. Русские организации на ее территории независимо от вида деятельности подвергаются разгрому. Распространение получают обвинения в «государственной измене». Даже симпатии к России стали караться как «тягчайшее преступление»¹⁸⁹. За них в Австрии подвергались «страшному военному террору»¹⁹⁰.

С приближением восточного фронта к Галиции австро-венгерская администрация усилила репрессии. Вводится «сокращенное судопроизводство» при принятии решений и исполнении приговоров. По этому поводу издается специаль-

¹⁸⁶ Там же. С. 365.

¹⁸⁷ Цит. по: Там же.

¹⁸⁸ См. подробнее: Солженицын А. Как нам обустроить Россию.

¹⁸⁹ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 21–22.

¹⁹⁰ Царинный А. Указ. соч. С. 181.

ное распоряжение военной комендатуры во Львове. Судей обязывали в соответствии с ним быть «лишенными всякой чувствительности». Избавлялись они и «от ненужного формализма» для незамедлительного вынесения приговоров¹⁹¹. Подразделения австро-венгерской армии, укомплектованные западными и восточными славянами, отличались ненадежностью. Переход их на русскую сторону по ходу боевых действий принимал массовые размеры. В этом находили объяснение и достигнутым успехам в ряде военных операций¹⁹².

Русины отказывались воевать на Восточном фронте, даже несмотря на угрозу репрессий. При первой возможности они сдавались в плен. Австро-венгерское командование вследствие этого вынуждено было перебросить их на итальянское направление¹⁹³. В русскую армию при занятии ею территории Карпатского края представители местного населения вступали добровольно. Ее подразделениям оказывалось всяческое содействие. После возвращения в Галицию и в Прикарпатье австро-венгерская администрация возобновила репрессии. Казни проводились только за то, что местные жители называли себя русскими. Под них попала и немалая часть простого крестьянского населения¹⁹⁴. При различных обстоятельствах в ходе военных операций на территории Галиции и в Прикарпатье в период Первой мировой войны, по свидетельству А.А. Брусилова, приходилось сталкиваться с тем, что «взятых под стражу австрийским правительством за русофильство» обнаруживалось в тюрьмах «очень много»¹⁹⁵.

Такие настроения находили выражение и в попытках найти спасение на востоке. В Россию переместилось немалое количество беженцев из Австро-Венгерской империи, составлявших по неполным подсчетам около 200 тыс.¹⁹⁶ Отношение к выходцам из Галиции было как к своим, в качестве чужого населения они не рассматривались. Это касалось не только

¹⁹¹ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 22.

¹⁹² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары: Пер. с англ. М., 1993. С. 199.

¹⁹³ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 22.

¹⁹⁴ Там же. С. 22–23.

¹⁹⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013. С. 90.

¹⁹⁶ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 24.

восточных славян, но и поляков. Впоследствии, в советский период, представители украинской интеллигенции командованию Русской армии в Галиции приписывали намерение «искоренить всех инородцев, и особенно “сепаратистов-мазепинцев”». Предоставление же возможности переместиться в Россию стало рассматриваться не как желание спасти восточнославянское население, а как стремление русифицировать его «среди необъятных... просторов»¹⁹⁷.

Пребывание русской армии в Галиции в свете таких представлений преподносилось как «оккупация»¹⁹⁸, хотя она получала поддержку со стороны местного населения, действительно воспринимавшего ее успехи по ходу боевых действий как пролог к освобождению. А он рассматривался немалой частью населения как условие для полного объединения восточных славян. Утверждения об «оккупации» носили, безусловно, налет проводившейся пропаганды по дискредитации прошлого, шли в разрез с тем, что было на самом деле и не отличались объективностью. Тем не менее, они также способствовали формированию чувства «национальной обиды», чем при определенных обстоятельствах пользовались приверженцы разобщения восточнославянского сообщества. На это делалась ставка, как уже отмечалось, и в Австро-Венгерской империи. Украинский национализм в ее восточнославянских провинциях получает поддержку и становится одной из составляющих государственной политики¹⁹⁹.

В 1914 г. при содействии достаточно высоких правительственных и военных инстанций в Вене организуется «Союз освобождения Украины», целью которого являлось создание независимого государства «от Карпат и до Кавказа»²⁰⁰. Затем его деятельность переносится в Галицию, являвшуюся тогда одной из провинций Австро-Венгерской империи. Предложение от руководства разведки этой страны «об участии в борьбе против России» украинские националисты восприняли как программное. Включилась в организационные мероприятия

¹⁹⁷ Цит. по: Смолин М.Б. Указ. соч. С. 246.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 23.

²⁰⁰ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 101.

и униатская церковь, иерархи которой призывали «водворить христианский Восток... в лоно апостольского и европейского сообщества»²⁰¹. Образование «Союза освобождения Украины» нельзя сводить, как ошибочно считалось, «к полицейской выдумке австрийской власти»²⁰².

Предпосылки для переорганизации самосознания по субэтническим вариациям исторической кодификации существовали в ряде случаев и в отдельных частях восточнославянского сообщества. Принятие украинской идентичности основывалось на их усилении вследствие различных мер, в том числе и искусственного характера. Немаловажную роль при этом играли фальсификации. Сопоставление различных фактов, между тем, показывает, что возможности для разобщения субэтничностей по критерию национальной организации были выражены и в условиях Первой мировой войны слабее, чем тяга к восставлению полного общерусского единства. Вследствие этого внешняя поддержка усилий, направленных на сегментацию восточнославянского сообщества, имела определяющее значение.

Неслучайно и отдельные представители украинского движения отстаивали необходимость признания особой исторической роли Австрии «в воссоздании самостоятельности Украинской державы»²⁰³. Из Вены поступала и материальная помощь тем, кто становился на путь раскола восточнославянского сообщества. Использовались, таким образом, технологии «простой подкупности»²⁰⁴. На выделяемые средства «Союз освобождения Украины» направлял своих эмиссаров в различные страны Европы и Турцию для получения международного признания. Совместно с «грузинскими национал-сепаратистами», финансировавшимися из тех же источников, они выступали с призывами «воспользоваться... всемирной войной для освобождения угнетенных наций в России»²⁰⁵.

Для ее дискредитации так называемый «Украинский клуб»

²⁰¹ Ткаченко Г.С. Указ. соч. С. 20.

²⁰² Цит. по: Мельгунов С.П. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции // В кн.: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. М., 2014. С. 523.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. С. 522–523.

²⁰⁵ Там же. С. 522.

в Вене, отнюдь не представлявший мнение населения, рассылал телеграммы во все даже нейтральные страны, содержавшие сообщения «о насилиях, якобы чинимых русскими в Галиции»²⁰⁶. Излагались и резкие протесты «против ареста ни в чем не повинных Шептицкого и Грушевского», пострадавших за «национальную идею». Особое возмущение высказывалось и по поводу конфискации, хотя обыски с такими последствиями обычная практика. В европейских странах она применялась еще в более жестких формах. У А. Шептицкого при аресте был изъят архив. В телеграммах в этой связи сообщалось об утрате документов, имеющих ценность для «украинской культуры»²⁰⁷.

Выемке же в интересах следствия подверглись те бумаги, которые проливали свет на то, какую работу проводила Германия в конструировании украинского сепаратизма. А. Шептицкий, возглавлявший греко-католическую церковь в Галиции с 1900 г., так же как и М.С. Грушевский, в условиях Первой мировой войны заметно активизировали свою деятельность по отторжению Малороссии от России, получая поддержку из Вены и Берлина²⁰⁸. Оставлять без внимания их усилия было невозможно. Арест явился вполне оправданным средством в сложившейся обстановке по защите российских государственных интересов. На том этапе они совпадали с преобладавшими настроениями на восстановление полного единства восточнославянского сообщества.

Координационный центр «Союза освобождения Украины» вскоре после создания из Вены был перенесен во Львов. В его деятельности принимала участие и небольшая группа эмигрантов из Российской империи. Существование их также обеспечивалось «на австрийские деньги»²⁰⁹. Одной из целей «Союза» являлось «возбуждение» революционного движения на Украине. Развитие же связанных с ним последующих событий должно было проходить «под флагом освобождения ее австро-венгерскими войсками»²¹⁰. Над образованным таким способом «украинским государством» Вена намеревалась

²⁰⁶ Цит. по: Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия. С. 306.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. С. 306, 415.

²⁰⁹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 521.

²¹⁰ Там же.

установить протекторат, что позволило бы осуществлять контроль на всем пространстве «от Карпат и до Кавказских гор». Распространение в период Первой мировой войны получает и представление о Галиции как области «культурно-национального возрождения Украины»²¹¹.

Наряду с этим тогда же в общественном мнении другой более значительной части восточнославянского сообщества наметилось восприятие ее как «очага мазепинщины». Под предлогом «самозащиты» от разрушения украинской культуры в Галиции создается вооруженное формирование²¹². Между тем приверженцы украинского национализма, так называемые «мазепинцы», оказывались, как проясняла реальность, в меньшинстве. Для войны с Россией из них в Австро-Венгерской империи было сформировано всего несколько легионов²¹³. Для этой же цели под руководством австрийской и германской разведок производилась идеологическая обработка военнопленных малороссов. Для их «украинизации» создавались отдельные лагеря. Работа в них стала проводиться на систематической основе фактически с самого начала Первой мировой войны²¹⁴. Участие в этой деятельности принимал и Д. Донцов, ставший впоследствии одним из создателей националистической доктрины, предполагавшей разрушение государственного единства восточных славян²¹⁵.

В лагерях для военнопленных немцы организуют особые шпионские отделения, где специально готовили агентуру для засылки в Россию. После обучения ее переправляли через линию фронта «под видом бежавших из плена». Наряду со сбором информации, представлявшей интерес для разведки, агентам ставилась задача заниматься «украинской пропагандой»²¹⁶. Служба Австро-Венгерской и Германской империям на этом направлении также хорошо оплачивалась. Но по данным рус-

²¹¹ Там же. С. 523.

²¹² Там же.

²¹³ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 100.

²¹⁴ Смолин М.Б. Указ. соч. С. 17.

²¹⁵ Ткаченко Г.С. Дмитрий Донцов – основатель украинского фашизма // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008. С. 60–61.

²¹⁶ Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия. С. 305.

ской разведки, «большинство воспитанников... школ шпионажа шли туда с исключительной целью... вырваться из... плена»²¹⁷. Вернувшись в Россию, возложенные на них поручения они не выполняли, а, напротив, обращались к начальству и «чистосердечно» обо всем рассказывали²¹⁸.

Но идеологическая обработка с такой направленностью наталкивалась на другой исторический тип самосознания, сохранивший устойчивость к враждебным воздействиям. В 1915 г. это, к слову, отметил в брошюре «Психология русской нации» П.И. Ковалевский. Непосредственные наблюдения позволили ему тогда сделать вывод, что «стремление вытравить русские основные черты у русских Галичины, Буковины и Угорской Руси донине остаются тщетными и эти несчастные страдалцы донине остаются коренными русскими»²¹⁹. Показателен в этом отношении судебный процесс, проведенный в Вене в 1915 г. и получивший наименование «русский». В «государственной измене» на нем обвиняли депутатов австрийского парламента от восточнославянских провинций.

Выступая с последним словом один из фигурантов уголовного дела, по которому проходило и несколько представителей от простого народа, Д.А. Марков сказал «о неоспоримой силе правды» национальной идеи восточных славян. По утверждению выступавшего, она заключалась в достижении «культурного и национального единства русских племен»²²⁰. Казнь обвиняемых была предотвращена только благодаря вмешательству Николая II. Австрийские власти заменили ее на пожизненное заключение²²¹. С 1915 г. при поддержке Вены «Украинское бюро» издает карты, отображавшие границы проектируемого государства. В него включалось пространство от «средней Галиции до Кубани»²²².

Восточнославянские земли, располагавшиеся западнее, в его составе не обозначались. И это имело определенную

²¹⁷ Цит. по: Там же. С. 305, 422.

²¹⁸ Там же. С. 305.

²¹⁹ Цит. по: Ковалевский П.И. Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III – царь-националист. М., 2005. С. 41.

²²⁰ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 23.

²²¹ Там же.

²²² Волконский А.М. Указ. соч. С. 123.

обусловленность. Составление карты производилось по предписаниям Генеральных штабов Австро-Венгерской и Германской империй²²³. Фальсификация предусматривала сегментацию восточнославянского сообщества, срыв процесса его национальной консолидации. Ставка делалась на ослабление геополитических и цивилизационных позиций России. Для достижения этой цели проводилась работа по созданию «национальной» по составу армии из военнопленных малороссов. Использование ее предусматривалось совместно с войсками «центральных держав». Пропаганда проводилась под прикрытием обещаний освобождения Украины «от русского гнета»²²⁴. Активное участие в ней преимущественно принимали выходцы из Галиции. Все они, по сути, являлись австрийской агентурой, выполнявшей задания из Вены²²⁵.

Украинские националистические группы формировались при ее непосредственной поддержке. Австрийское правительство, как заметил историк С.П. Мельгунов, к ним «проявило... великую ласку и внимательность, пополнив приличной суммой крон их кассу»²²⁶. Однако все намеченные планы, по его же заключению, «потерпели неудачу». Против пропаганды, направленной на разъединение восточного славянства, оказалось общественное мнение. В нем проявлялось состояние в тот период кодификационного процесса. В соответствии с его объективными результатами население Малороссии «решительно отгородилось» от восприятия идеи «национального государства». Связанная с ним агитация, как проясняла реальность в тот период, «успеха не имела»²²⁷. Впоследствии украинские националистические группировки под свое покровительство взяла Германия, приложив дополнительные усилия к активизации их деятельности²²⁸.

Между тем в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи она продолжала наталкиваться на затрудне-

²²³ Там же.

²²⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 525.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Цит. по Там же.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

ния. Еще более устойчивым настрой на единство наблюдался в России. На это, в частности, указывает такой эпизод. При возвращении на родину после Февральской революции в 1917 г. Г.В. Плеханов столкнулся с группой попутчиков, находившихся в течение ряда лет в плену у немцев. По происхождению все они оказались малороссами. Для Г.В. Плеханова, длительное время находившегося в эмиграции, разговор с ними явился своего рода открытием. От попутчиков он узнал, что им предлагали «войти в организацию пленных малороссов, стоящих за отделение Украины от России», обещая увеличить за это «паек... давать менее изнурительную работу и лучшее вознаграждение». Но они и слышать не хотели «о такой сделке со своей совестью» и с огромным риском для жизни бежали из плена. При этом они пояснили, что русских считают своими братьями и признают лишь широкую автономию в составе России²²⁹.

На существовавшее когда-то единство восточных славян указывал и архитектурный стиль, сохранявший в начале XX в. черты сходства в Великороссии и Галиции «после шести веков» обособленного существования в пределах разных государственных образований. Прослеживалось это, прежде всего, по постройкам церквей. Стиль оказывался одинаковым вплоть до Урала и Сибири, везде, где расселялось восточнославянское население. Перемещавшиеся по территории Галиции русские войска в период Первой мировой войны так или иначе замечали это сходство²³⁰. Нельзя сказать, что работа по внедрению украинской национальной идеи не имела последствий. Попадавшие в плен малороссы соответствующей обработке подвергались в австрийских и немецких лагерях с самого начала Первой мировой войны. Возвращаясь на родину, они так или иначе способствовали «украинизации» крестьянских масс²³¹.

По изложенным фактам становится заметным и существовавшие уже в начале XX в. различия между «галицкой» и «прикарпатской» русинскими частями восточнославянского этнического поля. К восприятию националистических идей в

²²⁹ Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 8. С. 91.

²³⁰ Волконский А.М. Указ. соч. С. 83.

²³¹ Там же. С. 91.

наибольшей степени оказалось восприимчивым население Галиции (Червонной Руси), в наибольшей степени подвергшееся польскому влиянию. Сужение претерпевала и распространность русинской (русской) идентичности. Впоследствии она сохранилась только в Прикарпатье. Восточная часть формирующейся украинской (малороссийской) разновидности восточнославянского этнического поля, территориально и по численности населения более значительная, находилась в государственных пределах России и испытывала сильное тяготение к ней и объединенной ею Евразии.

В процессе консолидации существовало, как показывает анализ, несколько направленностей этнической эволюции. Завершенности к 1917 г. она не достигла, сохранив состояние переходности. Преобладающей оказывалась тенденция на формирование общерусского единства. В среде населения восточнославянских провинций Австро-Венгерской империи популярностью пользовалась идея полного этнического объединения «от Карпат и до Камчатки» в составе российского государственного пространства²³². Между тем существовала и реальность процессуального состояния украинизации, связанного с видоизмененной исторической кодификацией. Обретавшаяся из-за разъединения восточнославянская этническая специфика получала востребованность. Но перспектива сегментации не находила поддержки у населения.

²³² Марчуков А.В. «Не было, нет и быть не может». Проблемы национально-культурного развития русинов Галиции и Закарпатья в освещении украинской историографии // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность. Сб. науч. ст. по матер. конф. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. Новочеркасск, 2010. С. 53, 57, 59.

Глава II

Особенности этнической консолидации

§ 1. Преломление в казачестве

Особая этничность внутри восточнославянского сообщества существовала, как известно, и у казачества. Ее эволюция имела также некоторое сходство с малороссийской и белорусской. В ней проявлялись как общие, так и отражавшие местную специфику признаки. Самая ранняя фиксация термина «казак» отражена в русском былинном эпосе, воспроизводившем события рубежа X–XI вв., связанные с укреплением государственной границы при Владимире I.¹ Именно тогда для ее охраны стали привлекаться ослабленные тюркские племена, выживаемость которых становилась возможной только при объединении с восточными славянами. В русское общество они вводились, как это было предусмотрено практикой того времени, «через врата православного храма».

По мнению ученых, тюркский элемент и привнес наименование «казак» в восточнославянскую среду. В эволюции феномена выделялась, во всяком случае, передававшаяся из поколения в поколение настроенность на охрану государственных пределов, что подтверждает изложенную выше версию. Тем не менее она нуждается в пояснении. Сбор былинного эпоса производился преимущественно в первой половине XIX в.² В его передаче могли получить отражение и более поздние наслоения. Традиция же стоять «за веру, за отечество»³ прослеживается именно со времен, когда защита южных государственных пределов Руси стала производиться на постоянной основе. Тогда же появилась и особая категория стражей, имевших сходство с казачеством.

В нем прослеживалась так или иначе идея общерусского единства, чем, собственно говоря, объясняется, на мой взгляд, привнесение в былины в более поздние эпохи ряда соответствующих сюжетов. Распространенным было представление, что

¹ См. подробнее: Былины / Сост., автор предисл. и вводн. текст В.И. Калугин. М., 1986. С. 31, 42–43.

² Калугин В.И. Мир былинного эпоса // Былины / Сост., автор предисл. и вводн. текст В.И. Калугин. М., 1986. С. 18–19.

³ Там же. С. 25.

«там, где казачество, там и Русь». Принадлежность его к тем или иным территориальным сообществам значения не имела⁴. Исключением не являлось и запорожское казачество, пополнение которого происходило преимущественно за счет выходцев из малороссийских (украинских) земель. Незыблемость приграничных рубежей Руси в противовес враждебности сопредельного мира обеспечивалась особой категорией населения и в последующем. Для этой цели мобилизовывался, как и на предшествующих этапах, потенциал других, в том числе тюркских, народов.

В восточнославянской среде в южных ареалах, во всяком случае, фиксировались воспоминания о том, что казак – это «исторический преемник киевских богатырей, стоявших в степи “на заставах богатырских”». Народная молва выделяла в нем и стремление «постеречь землю Русскую от поганых»⁵. К последним относили всех язычников, кочевавших на сопредельных с ее границами территориях. В.О. Ключевский также при сравнении установил, что для Московской Руси со смутного времени казак «стал ненавистным образом гуляки “вора”»⁶. В интерпретациях, встречавшихся в южных ареалах расселения восточных славян, прослеживался «полный нравственный контраст северному лесному монаху»⁷. Безопасность же приграничий на постоянной основе, как показывал опыт, могло обеспечить и поддерживать только казачество как наиболее мобильная в военном отношении и психологически подготовленная к экстремальным ситуациям часть населения.

По мнению В.Д. Сухорукова, стремившегося выдерживать в описаниях точность передачи информации, «слово казак означало отважного наездника, живущего набегам и войною, не привязанного к земле и домовитости»⁸. Ссылаясь на русские

⁴ В качестве примера см. повествование В.И. Даля об охране российских рубежей в «яицких степях», которая обеспечивалась на протяжении ряда веков уральским казачеством. Ареалы расселения они называли Русью. (Даль В. Полнощник. (Уральское предание) // Даль В. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки. СПб., 2009.).

⁵ Цит. по: Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. Курс русской истории. Часть 1. С. 68.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001. С. 29.

летописи, в которых под данной категорией подразумевались «и такие люди, кои... вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украину», он отрицает наличие в наименовании смысла, указывающего на защиту границы⁹. Между тем подтверждения из источников, что казачество издавна привлекалось в той или иной форме к охране государственных рубежей, отображались в других исследованиях. В.О. Ключевский на основе почерпнутых сведений из описаний в документах считал его, к слову, порождением борьбы «со степным кочевником, половчином, злым татаринном», длившейся «с VIII почти до конца XVII в.». Это противостояние, по его наблюдению, оставило «самое тяжелое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии»¹⁰.

Растянувшееся на тысячелетие «враждебное соседство с хищным степным азиатом» и вылилось, по мнению В.О. Ключевского, «в такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни». Казачество и явилось, по его заключению, «продуктом степи, соответствовавшим ее характеру и значению»¹¹. По общему распространенному в восточнославянском сообществе восприятию в самом наименовании выделялся смысл «бездомный и бездольный, “гуляющий” человек, не приписанный ни к какому обществу, не имеющий определенных занятий и постоянного места жительства». От этой, судя по всему бытовавшей в центральных частях государственного пространства версии, отличия имела трактовка «по первоначальному и простейшему южно-русскому» пониманию¹².

В соответствии с ним по облику своему казак представлялся как «человек “вольный”», тоже беглец из общества, не признававший никаких общественных связей вне своего “товариства”, удалец, отдавший всего себя борьбе с неверными, мастер все разорить, но не любивший и не умевший ничего построить»¹³.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 68.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Под влиянием соответствующих обстоятельств у казачества складывался военизированный быт, а пограничная служба со временем превратилась в субэтническую традицию. Навыки ее имели широкую практическую востребованность¹⁴, обеспечивая выживаемость всего восточнославянского сообщества. Воплощавшийся в них опыт необходим был в противостоянии набегам¹⁵, наносившим огромный экономический и демографический урон.

Казачество формировалось также как явление социальное и субэтническое. Подтверждается это, в частности, тем, что у многих народов Евразии существовали схожие категории населения, получавшие лишь разные наименования. Казачество складывалось и у татар. Существование субэтнических объединений (ватаг) обеспечивалось не только разбоем. «Ордынские казаки», не признавая над собой власти какого-либо государства, тем не менее нанимались на военную службу. Отряды их в русских городах «для охранения своего и... других надобностей» имели при себе монгольские баскаки, размещавшиеся на постой¹⁶. Принимали «ордынские казаки» предложения и от христианских правителей. Различия веры для исповедовавших ислам искателей службы за вознаграждение, значения при этом не имели¹⁷. Такие же разновидности населения, по данным В.Д. Сухорукова, «были... у чуваш, черемис и мордвы»¹⁸.

В одном из ответов русского правительства на жалобу турецкого султана о разгуле в степи разбойной стихии содержалось, например, такое пояснение, отображавшее реальность: «На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы... а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди

¹⁴ Тикиджян Р.Г. Проблемы трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв. // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26 – 27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 541–542.

¹⁵ Сень Д.В. Османская империя и крымское ханство во второй половине XVII в. – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 513.

¹⁶ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 29.

¹⁷ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 23.

¹⁸ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 29.

как вам... так и нам... разбойники»¹⁹. Под этим пространством подразумевалась отделившаяся «от обиталища татар» степная территория, простиравшаяся «от южных берегов Волги через Дон почти до Днепра»²⁰. В другом документе констатировалось, что в степи «год от году умножались разноплеменные толпы». В их составе замечались преимущественно «татары и русские», вышедшие «на Поле из всех украин»²¹. Русские историки первой половины XIX в. Н. Карамзин и Н. Броневский называли казаков «разбойниками, бродягами и ленивцами». В.Д. Сухоруков выделял их крестьянское происхождение. По его утверждению, донские казаки, например, «берут свое начало» отнюдь «не от бездельников, бежавших на южные окраины России»²².

Определяющим в их формировании, таким образом, признавались социальные истоки. В энциклопедическом словаре «Россия» обобщались следующие сложившиеся к концу XIX в. теории происхождения казачества. Исследователи так или иначе склонялись к заключению, что казачество есть не что иное, как «исконное землевладельческое и земледельческое туземное южно-русское население, сознающее свою национальную особенность и преданное своей вере». Такие взгляды излагали в публикациях, в частности, В.Б. Антонович (1863) и И.М. Каманин (1894). Однако М.К. Любавский подверг их критике. В опубликованной статье в 1895 г. он указал на то, что «история малорусского казачества не представляет процесса, отличного от того, какой представляет история великорусского казачества»²³. Уже тогда М.К. Любавский обратил внимание на сходство, свидетельствующее о наличии единого этнического поля.

Среди доказательств особо выделены положения о том, что как в «Великороссии, так и... Малороссии казак является сначала отхожим промышленником, ищущим заработков на

¹⁹ Цит. по: Там же. С. 28–29.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 15–16.

²³ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 493.

стороне, чаще всего на степном приволье», притягивавшим «к себе выходцев из разных местностей Руси, чаще всего из окраинных»²⁴. Для обеспечения самозащиты, по представлению М.К. Любавского, выходцы из восточнославянских земель «группируются в вооруженные товарищества... вокруг отдельных вожаков-атаманов». Однако «с течением времени» переселенцы в «степном приволье» устраиваются «на постоянное жительство». Так появляются «казацкие хутора... слободы... начинается земледелие». Вместе с тем различий в освоении бассейнов Днепра и Дона М.К. Любавский не видел²⁵.

Казаки, по мнению ученого, предстают не как «остатки каких-то древнеславянских вольных общин на пограничье русской оседлости, а вооруженные артели промышленников, вытянутых из пределов этой оседлости пустотою степей». Но и «внутренние области государства», по замечанию М.К. Любавского, давали для освоения «известный процент». При этом он не исключал вероятности «тюрко-татарского» происхождения слова «казак». На Руси оно стало обозначать в понимании М.К. Любавского «степного промышленника... живущего отхожими промыслами». При анализе феномена восточнославянского казачества он склонялся к тому, что «казацкое землевладение не было исконным фактом», а развивалось постепенно, равно, как не сразу сложилось автономное функционирование создававшихся общин²⁶. По содержащимся сведениям в русских летописях и венгерских грамотах М.К. Любавский не исключал вероятность зарождения истоков явления от упоминавшихся в них бродников²⁷.

По употреблявшимся М.К. Любавским образным сюжетам и понятиям заметно, что они являются следствием заимствований из распространенных в его время приемов научных систематизаций. Во всяком случае, в них прослеживаются наслоения социологизации, направления, обретавшего тогда популярность в среде и отечественных ученых. Отстаивая малороссийскую версию, В.Б. Антонович и И.М. Каманин использовали катего-

²⁴ Цит. по: Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

рии, отражавшие представления, соответствовавшие европейским националистическим теориям. Существенных же расхождений версии о происхождении казачества, тогда, как можно судить, еще не имели. В конце XIX в. в них признавалось существование великорусского и малорусского взаимосвязанных между собой ответвлений. Рассматривались же они как части единого целого. Научные версии не допускали тогда этнического разрыва. Между тем польские авторы, касаясь темы, «создали в своей фантазии», как отмечалось в энциклопедическом словаре, «целый народ с именем казаков»²⁸.

В обзоре теорий происхождения Н. Василенко появление упоминаний о них по польским хроникам отнес к концу XV в. Регулярные же известия в данном источнике отражаются с XVI в.²⁹ Отмеченная же социальная основа выделялась в происхождении и запорожского казачества. Такой точки зрения придерживался, в частности, Д.В. Яворницкий³⁰. Использовалось им и объяснение, по которому становление казачества как устойчивого сообщества другими исследователями увязывалось с бродниками. Сведения о них отложились и в русских летописных сводах (самое раннее упоминание выявлено под 1147 г.). Происхождение же самих бродников академик В.В. Мавродин выводил от кочевников тюрков. Наряду с этим он признавал их неоднородность, вызывавшуюся смешанным этническим характером объединявшихся групп³¹.

На каком-то этапе сугубо социальное явление стало обретать при солидарных взаимодействиях в контактных ареалах приграничий (фронтир) свойства сплачивать близкие по положению и характеру занятий группы в долговременные союзные корпорации. За ними закрепилось общее название казаки, имевшее распространение в среде тюркских сообществ, что указывает на их некоторое этнодемографическое преобладание на ранних стадиях в этом процессе. Динамика его предопределялась тогда фактором степи, проживавших на ее просторах

²⁸ Там же. С. 492–493.

²⁹ Там же. С. 493.

³⁰ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. К., 1990. С. 27.

³¹ Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб., 2002. С. 348.

этнических групп, а также разбойной вольницы³². Вместе с тем казачество пополнялось и за счет переселенцев славян, преимущественно восточных. В его среду попадали выходцы из Речи Посполитой, а также представители иных этнических сообществ (молдаван и др.)³³.

В целом же в казачьих общинах существовал на первых порах относительный паритет разных этнических групп, не выходивший за параметры социального объединения. Но со временем из-за изменившихся геополитических обстоятельств в Евразии с XVI в. этот паритет был нарушен, и удельный вес восточных славян постепенно становился преобладающим. Вероятно, эта тенденция намечалась и раньше, но со сменой факторов влияния по мере ослабления Орды для ее усиления сложились более благоприятные условия. Впоследствии она была связана с утверждением крепостнических порядков в России, сопровождавшимся массовым оттоком населения на не освоенные государством периферийные территории, преимущественно на юг, в места формирования казачества, что было своеобразной формой выражения, на мой взгляд, социального протеста. В этом находила выражение наиболее ранняя направленность в развитии явления, с которой оно брало свои истоки. Очевидно, что и в дальнейшем первородную основу оно не утратило, продолжая притягивать «обездоленных».

Нарушившийся же этнодемографический баланс в формировании казачества с XVI в. predetermined еще одну направленность в его эволюционном преображении. Сосуществование разнородных этнических полей на социальной основе на ранних стадиях под влиянием восточнославянской культуры стали получать обобщение. Отчужденность их прекращается. Намечалась тенденция естественного отбора соответствовавших специфике быта казачества элементов других культур. Происходило поглощение более слабых этнических полей. К XVI в. неславянский элемент в казачестве существенно сократился, и оно превратилось в преобладающей степени в православное сообщество, функционировавшее на основе специфической

³² Смолин М.Б. Указ. соч. С. 8.

³³ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 23–24.

разновидности русского языка и культуры. При сложившихся условиях крещение стали принимать и татары³⁴.

В качественных подвижках по ходу трансформации не последнюю роль играли и количественные показатели, наметившееся демографическое преобладание восточнославянского населения. Это подтверждает то, что сосуществование этнических полей в российском казачестве на сословной основе продолжалось вплоть до 1917 г., примером чему могут служить казаки-калмыки, осетины и другие «инородцы», которые становились казаками, что совершенно очевидно, не по признакам этнической принадлежности, а по духу и психологическому складу. Это находило выражение и в их самоотождествлении: «мы казаки – мы представители своих народов», то есть они устойчиво причисляли себя как к войсковому сословию, так и к своим этническим сообществам. В данном случае опять-таки проявилось то, что присутствовало на самых ранних этапах формирования казачества: наложение и сосуществование этнических полей. Эта тенденция в его развитии, как видно, тоже не прерывалась.

Своеобразной разновидностью отражения субэтнической вариации являлись в прошлом реестровые и запорожские казаки, соприкасавшиеся с восточнославянским населением, имевшим, несмотря на длительное нахождение в составе Литвы, а затем и Польши, ярко выраженное двойственное самосознание с наличием как малороссийской, так и общерусской составляющих. Последняя же направленность эволюции, основанная на давних общих истоках, выступала доминирующей, особенно на более ранних этапах. Запорожское казачество, как правило, изъявляло готовность действовать в интересах Руси. Не прерывалось и его солидарное взаимодействие с другими субэтническими группами восточнославянского населения в различных ее частях и, прежде всего, на сопредельно расположенных с местами традиционного расселения территориях. Это указывает на то, что этническое поле не имело полного разрыва, даже несмотря на разделение государственными границами. В восточнославянском сообществе они воспринимались как искусственные.

³⁴ Там же. С. 23–24, 25.

Солидарному взаимодействию при наступлении экстремальных обстоятельств они не препятствовали. Совместно донские и запорожские казаки, например, участвовали во взятии Азова в 1637 г. В запечатлевшем это событие историческом повествовании сообщалось, что они пошли против «бусурман... за святые божие церкви и за... истинную... православную христианскую веру... за обиду Российского государства»³⁵. Мотивы ратной поддержки друг друга у донцов и запорожцев в этом, как и во многих других случаях, были общие. В Речи Посполитой предпринимались попытки поставить под контроль формировавшееся в приграничных степях на юге казачье сообщество. Но на службу принимались лишь отдельные представители, для чего составлялись ограничительные списки (реестры). В них первоначально включили лишь 300 запорожских казаков, впоследствии состав служилых постепенно разрастался. Попавшие в реестр получали материальное вознаграждение, что в их социальное положение вносило элементы стабильности³⁶.

Польское правительство взамен присвоило себе право назначать атамана. Составленная в 1638 г. «Ординация Войска Запорожского реестрового, находящегося на службе у Речи Посполитой» превращала его в наемное вспомогательное подразделение, командование которым передавалось всецело польским офицерам. Наряду с этим отменяется выборность старшин и звание гетмана. Представители казачества могли занимать лишь низшие должности. Командование реестровыми казаками вместо гетмана предоставлялось «комиссару», назначаемому непосредственно королем. После подавления недовольства при поддержке казачьей старшины «Ординация» оказалась принятой. Направленное в Варшаву посольство засвидетельствовало покорность. От посланцев казачества последовала лишь просьба не отнимать земли и сохранить назначенное ранее попадавшим в реестровые списки жалованье. Это предполагало относительно привилегированное положение

³⁵ Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 370–371.

³⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 26.

в польском обществе. Реестровое казачество королю взамен обещало верное служение³⁷.

В Польше оно не рассматривалось в качестве самостоятельного подразделения и в армии этого государства ему придавались вспомогательные функции. В ряде случаев практиковался наем на службу всего Запорожского войска, что также предполагало выплату жалованья. Однако оплачиваемый призыв допускался в порядке исключения, и в обычных условиях казаки могли полагаться только на себя. В XVII в. реестровые запорожцы привлекались неоднократно в составе польской армии для войн с Россией. В период смуты они принимали участие в походах и на Москву. Между тем навязывание католицизма и негативное отношение к православному населению в Польше не раз понуждали даже реестровых запорожских казаков заявлять о желании служить России³⁸.

За присоединение к ней еще задолго до воссоединения восточных славян они не раз поднимали восстания, в ходе которых избавлялись от назначенных польских командиров. Тех реестровых казаков, кто сохранял верность правительству Речи Посполитой, предавали суду «за измену русскому народу»³⁹. Казачьи старшины, стремившиеся иметь права польского дворянства, так же, как и шляхта, в вопросе единства восточных славян проявляли непоследовательность и нередко становились на путь предательства. Их позиции в этом случае расходились с устремлениями простого народа⁴⁰.

В различных документах «Войска Запорожского» встречались, как правило, выражения «в нашей русской Отчизне». С ней соотносилась «территория... Малой Руси». Восточнославянское сообщество воспринималось и запорожскими казаками не иначе как «народ русский»⁴¹. Даже при измене гетмана И. Мазепы в 1709 г. сподвижники его, несмотря на сепаратистские устремления, придерживались прежних понятий «русский

³⁷ Там же. С. 26, 30–31.

³⁸ Там же. С. 26–27, 29, 34, 47.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Смолин М.Б. Указ. соч. С. 8.

⁴¹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 73, 75–76, 77.

народ», «территория... Отечества, Малой Руси» и др.⁴², хотя в ряде их высказываний просматриваются уже оттенки намерений разрыва с остальным восточнославянским сообществом. Солидарное же взаимодействие запорожских и расселявшихся сопредельно донских казаков никогда не прерывалось. При этом встречались и отдельные разногласия, происходили даже по разным поводам столкновения.

Донские казаки, например, предотвращали нападения («разбой») запорожцев на проезжавших через степь дипломатических посланников России⁴³. Объяснение этому можно найти, на мой взгляд, в отсутствии полной этнической консолидации. Но запорожские и донские казаки воспринимали друг друга как представителей одного народа, а разъединение границами считали временным. Проявлялось это и во время «российских мятежей». Совместно действовали казаки «против турок и крымцев», освобождали уведённых в рабство православных пленных, осуществляли «общие поиски по Черному морю»⁴⁴. Запорожцы неоднократно выражали намерение присоединить территорию Сечи и всего Северного Причерноморья к Московскому государству, что указывает на их общерусскую самоидентификацию в тот период.

По заключению В.Д. Сухорукова, «служба запорожцев под знаменами польского короля не препятствовала... союзу... и сколько Сигизмунд ни старался... вооружить их противу России, но всегда находились партии, добродетельствовавшие нашему отечеству»⁴⁵. После заключения с Османской империей Кучук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. исчезла и потребность в защите от набегов крымских татар рубежей в причерноморских степях. Необходимость пребывания запорожского казачества в этом ареале оказалась утраченной. Но их опыт был востребован в Российской империи на другом направлении. В 1792 г. вышел указ Екатерины II о переселении казаков из Запорожской Сечи в прикубанское приграничье на юге, где по-прежнему сохранялась угроза набегов со стороны

⁴² Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! С. 46.

⁴³ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 117.

⁴⁴ Там же. С. 116–117.

⁴⁵ Цит. по: Там же. С. 117.

кавказских горцев и вследствие этого ситуация военной экстремальности. Выдана была и жалованная грамота «на вечное владение» землями. Старшину при этом уравнивали с российским дворянством⁴⁶.

Из переселившихся на Кубань запорожских казаков первоначально было сформировано Черноморское войско, унаследовавшее и прежний «девиз... оберегать русские границы от людей иной, не христианской, веры»⁴⁷. И на новом месте, как отметил впоследствии краевед Ф.А. Щербина, они «отличались особенною религиозностью и приверженностью к православной религии»⁴⁸. Всего переселилось в прикубанское приграничье около 25 тыс. запорожских казаков, распределенных по 40 куреням, 38 из них сохранили закрепившиеся ранее названия⁴⁹. Оценивая ликвидацию Сечи, Т.Г. Шевченко осудил переселение за Дунай в пределы Османской империи к «нехристю чужому». Тем же, кто согласился на предложенные российским правительством условия и принял решение и дальше служить отечеству на Кубани, пожелал «божьей помощи»⁵⁰.

И в этом случае Т.Г. Шевченко опирался на сохранившиеся в народных массах настроения и с исторической точностью воспроизвел их при описании события. По сюжету о переселении части запорожских казаков на Кубань заметно, что он не руководствовался в своем творчестве «националистической романтикой»⁵¹. Т.Г. Шевченко ее приписали биографы в советский период. Между тем в оценке ликвидации Запорожской Сечи так или иначе прослеживается сочувствие тем, кто и далее намеревался защищать российскую границу. Т.Г. Шевченко была присуща, безусловно, любовь к родному краю. Но она не имела ничего общего с явлением украинского национализма, появившегося гораздо позже. В момент же переселения на Северный Кавказ в конце XVIII в. запорожские казаки считали

⁴⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 73, 75–76, 77.

⁴⁷ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. 1. (Б/и. Екатеринодар, 1910). Краснодар, 1992. С. 579.

⁴⁸ Цит. по: Там же.

⁴⁹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 77.

⁵⁰ Шевченко Т. Кобзарь. С. 242.

⁵¹ Дейч А.Л. Тарас Шевченко (Биографический очерк). С. 11.

себя русскими⁵². Такого наименования, как «украинцы» они не знали. На это указывает и надпись на печати гетманов, содержащая уточнение «Малой России Войска Запорожского»⁵³.

Однако переселение привело к складыванию представлений об Украине «от Кубани до синего Сана»⁵⁴, имевших во второй половине XIX в. распространенность, к слову, в восточнославянских провинциях Австрийской империи. В Галиции пользовались популярностью передававшиеся в рассказах «думы о делах и похождениях казаков»⁵⁵, которые здесь воспринимались, как можно судить, во всяком случае в тот промежуток времени, как часть «украинской общности». Такая версия о запорожском казачестве, приспособленная к соответствующим обоснованиям, играла немаловажную роль, как известно, и в националистической мифологии. Его сравнивали наряду с этим со «средневековыми рыцарскими орденами», объявляют носителем «идеи народовластия... всеобщего равенства... выборности... абсолютной свободы»⁵⁶.

Но запорожское казачество являлось составной частью восточнославянского сообщества и способствовало в свою очередь его воссоединению в границах России. Самосознание данной субэтнической группы не отображало определившуюся украинскую идентичность. Эволюция запорожского казачества имела общерусский характер. Несмотря на это, в мифологии национализма все восточнославянское казачество отождествляется с «украинской нацией». Истоки же его выводятся с древнейших времен и традиционного общинного уклада⁵⁷. Общерусский характер самосознания запорожского казачества между тем не изменили ни реестровые ограничения, введенные Речью Посполитой, ни иные воздействия, налагавшие лишь свой отпечаток.

⁵² Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. С. 351–360.

⁵³ Савенко А.И. К вопросу о самоопределении населения Южной России // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 292–293.

⁵⁴ Франко И. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Пер. с укр. М., 1990.

⁵⁵ Франко И. Две конституции // Франко И. Избранные сочинения. Пер. с укр. Т. IV. Рассказы и повести. Драммы. М., 1950. С. 447.

⁵⁶ Смолин М.Б. Указ. соч. С. 8.

⁵⁷ Сокуренько В.Г. Указ. соч. С. 122.

После переселения к концу XVIII в. его представленность в Черноморском войске достигала всего около 30%. Какую-то часть в нем составляли однодворческие переселенцы из различных южнорусских губерний. Смещение населения происходило за счет, в том числе, азовских, донских, линейных кавказских, оренбургских, уральских казаков, так же, как и запорожцы переселявшихся на Кубань для защиты державных рубежей на представлявшем опасность направлении. В формировавшееся региональное восточнославянское сообщество включались государственные крестьяне, нижние чины и офицеры регулярных войск⁵⁸. Частью его становились западные и южные славяне. В укреплениях Черноморской береговой линии служили солдаты и офицеры поляки⁵⁹, существовали в крае поселения «чехов и словаков»⁶⁰.

Особый кубанский синтез складывался за счет консолидации различных этнических составляющих. Восточнославянская среда являлась для них объединяющим началом. Формировалось и соответствующее региональное самосознание. Уже в XIX в. оно находило выражение в фольклоре и других разновидностях культуры. Кубанская специфика прослеживалась и в делопроизводстве⁶¹. Формировались вместе с тем особенности в этничности. В среде складывавшейся региональной общности сохранялось и вообравшее иной языковой контент малороссийское наречие⁶². В становлении всего казачества русское начало имело, таким образом, еще более существенное значение, чем при сохранении других восточнославянских внутренних различий. Это было характерно для территориальных подразделений казачества по всей империи: Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Сибирского, Семиреченского и др.

Однако инородные поля исчезали в нем не бесследно,

⁵⁸ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 45, 47.

⁵⁹ Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е – 50-е годы XIX века: история повседневности // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008. С. 37–62.

⁶⁰ Пукиш В.С. О словацких переселенцах на Кавказе // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008. С. 63–72.

⁶¹ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Указ. соч. С. 47.

⁶² Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 78.

оставляя свои наиболее жизнеспособные элементы в языке, культуре и психологическом складе. Все 12 казачьих войск России, формировавшихся как естественным путем, так и по инициативе правительства, в зависимости от этнических ситуаций своих контактных зон, несмотря на общие черты, имели свою этническую специфику и отличались друг от друга. Их солидарное взаимодействие в основном происходило, как заметно по разным событиям, на общероссийском уровне. Одновременно они сохраняли между собой так и не преодоленную отчужденность. В целостность их связывало государственное (имперское) начало.

Преобладание восточнославянского этнического поля никакими влияниями поколеблено не было. В местах расселения казачества оно получило как бы свое неразрывное и прямое продолжение, но обрело в силу указанных обстоятельств ярко выраженные черты своеобразия, причем в каждом конкретном случае по отдельным казачьим войскам имевшего свои особенности. Происходила ли их трансформация в качественно иные этнические состояния? На мой взгляд, предел этому был положен установлением преобладания восточнославянского этнического поля и наступлением вследствие этого существенного ослабления инородных влияний на него. Формирование своеобразия казачества в различных регионах происходило внутри этого поля и на его основе. По мере интеграции казачества в российскую государственную систему воздействие невостонославянских этнических полей на его развитие еще больше было подорвано, и далее подвижки в складывании специфики были уже не столь значительны.

Тенденция в этом случае, как видно по эволюции в военно-служилое сословие в XVIII–XIX вв., была к ослаблению, а не к усилению. Несмотря на это, инородные состояния в казачестве не исчезли. В донской субэтнической разновидности их в указанный промежуток времени установилось существенное преобладание восточнославянской православной части. К ней принадлежали, безусловно, и староверы. Представленность же мусульман, к которым ранее относились азовцы, ногайцы, татары и другие группы населения, сократилась, а в ряде случаев

за счет ассимиляционных процессов и перехода в православие вовсе прерывается. Буддистами по вероисповеданию оставались донские казаки, сформировавшиеся из калмыков⁶³. Среди них православие принять изъявили желание лишь немногие⁶⁴.

Формирование особой этничности у казачества имело отличия и от малороссийской части восточнославянского сообщества, на которую польское влияние не прерывалось даже в составе Российской империи, на что внимание в проводившейся политике, как уже отмечалось, было обращено с опозданием. Рядом законоположений в соответствии со стратегическими потребностями защиты остававшихся наиболее уязвимыми пределов государственного пространства направленность этнической эволюции казачества была постепенно поставлена под мощное воздействие интеграционного процесса и стала обретать, особенно с 1835 г., ярко выраженные черты сословности. Тем самым процесс был взят под государственный контроль и при помощи политических и экономических нововведений поставлен в зависимость от официальной инициативы. Становление военно-служилого сословия вступило в стадию завершения⁶⁵.

Хотя возможность вступления в казаки сохранялась вплоть до 1917 г., она была уже существенно ограничена сословными интересами получения паевых наделов в будущем из созданных специально для этого запасных земельных фондов при каждом войске. С 1905 г. это ограничение было даже закреплено в специальном нормативном установлении⁶⁶. Сосуществование же этнических полей в казачьей среде в XIX – начале XX вв. имело уже остаточный характер и неуклонно ослабевало по мере истощения запаса свободных войсковых земель, повлекшего за собой значительное сужение масштабов приема в сословие даже представителей восточнославянских народов, рассматривавшихся тогда в качестве единого русского фактора.

⁶³ Тикиджьян Р.Г. Проблемы трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв. С. 542.

⁶⁴ История Ставропольской митрополии. Очерк. Ставрополь, 2012. С. 20.

⁶⁵ Тикиджьян Р.Г. Расказачивание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. статей. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 223.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50198. Л. 3-об.

Открытость же казачьих общин для попадания иноэтнических элементов, несмотря на это, по-прежнему сохранялась вплоть до 1905 г., когда после первых революционных потрясений было признано, что «пополнять казачье сословие инородческим элементом недопустимо»⁶⁷, и тенденция этой политической мерой подверглась слому. Тем самым предоставилась дополнительная возможность для обретения однородности. В результате отмеченных влияний на протяжении нескольких веков казачество обрело культурное своеобразие и особую этничность. Но несмотря на отличительные признаки, оно оставалось также частью восточнославянского сообщества, включавшего в себя и великороссов, и малороссов (украинцев), и белорусов, сохранявших из-за сложившихся исторических обстоятельств и польского влияния внутренние этнические различия. Только в этом смысле казачество правомерно называть субэтносом, а не по принадлежности только к русскому народу. Это относится ко всем его разновидностям.

Однако как часть этнического сообщества казачество впитало в себя множество компонентов восточных культур и поэтому должно рассматриваться вдобавок ко всему как явление евразийское. Тем не менее, у казачества в рамках единого этнического поля не произошло последующей, в отличие от малороссов (украинцев) и белорусов, организации культурных особенностей в национальные. Объясняется это тем, что, как правило, консолидация этноса в нацию происходит в решающей степени под воздействием государственного сплочения. Длительное пребывание малороссов и белорусов в чуждых в этом отношении условиях, по всей видимости, и предопределило закрепление этнических особенностей. Не в последнюю очередь на это повлиял и наступивший на весьма длительный промежуток времени с XIII в. разрыв из-за государственных границ этих частей этнического поля и в дальнейшем их относительно слабая связанность, которая была преодолена лишь с середины XVII в. Однако, следует заметить, такие же различия существовали и в среде великороссов.

В пределах родственных восточнославянских этничес-

⁶⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 35.

ких обособлений за этот период происходили именно такие изменения, в которых зарождались компоненты различий, и их формирование продолжалось даже после воссоединения. Процесс формирования этнического своеобразия в казачестве в чем-то, безусловно, имел сходство. Но дальше этого он не пошел, так как этнический и государственный (национальный) контакт казачества с Россией никогда не прерывался и со временем даже усиливался благодаря массовому притоку населения из ее пределов в места его расселения, которое из-за открытости казачьих общин большей частью попадало в войсковое сословие. Причем этот контакт казачества (за исключением запорожского до середины XVII в.) в пределах восточнославянского этнического поля с великороссами был намного выше, чем с малороссами или тем более белорусами.

Не прерывался он даже в период так называемой вольницы. Казаки безразлично относились ко всему, что происходило в России, активно принимали участие в различных событиях внутри нее, особенно, что весьма показательно, в гражданских конфликтах и отражениях внешних агрессий. Восстание под предводительством К. Булавина в 1707–1709 гг. охватило, к слову, казачьи территории «от Волги до Днепра», в том числе и Запорожскую Сечь⁶⁸. Экстремальные ситуации смут и военных лихолетий тем самым наглядно обнажали этнонациональные приоритеты в эволюции феномена. Поддерживались они и за счет не прерывавшейся связи казачества с Россией. Поскольку его территории соприкасались с наиболее враждебной и нестабильной периферией, роль государственного фактора для него была даже более значительной, чем для других специфических частей русского народа.

Такое необычное осознание проявляет, на мой взгляд, самую существенную особенность феномена, отличающую его от обычных сословий: в казачестве сословность совместилась с этнокультурной самобытностью. Поэтому его нельзя сравнивать с западноевропейским рыцарством, японскими самураями, маньчжурскими знаменами и т.д., хотя в них, безусловно, и прослеживается нечто общее в социальном отношении. Эти

⁶⁸ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 68.

сословия складывались в относительно сплоченной этнической среде, формировавшейся в пределах не столь протяженного, как в России, государственного пространства, и не обретали в силу этого аналогичного казачеству своеобразия. По их исчезновению с изменением исторических условий можно сделать вывод, что сословность подвержена разрушению. Этничность же величина более устойчивая.

В российском казачестве сложилась именно восточнославянская особость, вобравшая и инородные компоненты. Сословность в нем, как в перечисленных разновидностях европейского и азиатского рыцарства, являлась организацией, функционирование которой оказалось возможным лишь в определенных условиях. Этничность, как правило, ни при каких обстоятельствах бесследно не исчезает, она лишь подвержена трансформациям (качественным изменениям), даже если происходит ее интеграция в другие культуры. В этой связи становится очевидным, что казачество сложилось в специфическую восточнославянскую общность, являвшуюся частью русского народа, имевшую свою самобытность. Субэтничность сохранилась при прекращении воздействия фактора сословности как при естественном, так и при насильственном расказачивании.

В казачестве идентификация, таким образом, проявлялась в виде восточнославянской разновидности, отражавшей состояние незавершившейся трансформации. В его составе существовали и иноэтнические группы. Примером могут служить донские казаки-калмыки. Сохраняя обычаи и приверженности буддизму, они пользовались всеми правами войскового сословия, вплоть до наделения землей за службу. Вмешательство в их бытовые распорядки и традиционное управление не допускалось⁶⁹, что защищало специфику их этнического быта. В таком же положении находились и другие инородные группы, входившие в войсковое сословие. Однако особый статус и в этом случае не являлся препятствием для интеграции. Донские казаки-калмыки, например, принимали участие во всех войнах,

⁶⁹ Омакаева Э.У. Калмыцкое казачество как культурно-исторический феномен // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010. С. 288.

которые вела Россия⁷⁰, что свидетельствует о восприятии ее в качестве отечества.

Следует отметить в дополнение к предпринятому анализу еще одну немаловажную особенность. Под влиянием экстремальных обстоятельств ареалов расселения казачеству привились высокий дух патриотизма, любовь к Родине, стремление служить ей «не за страх, а за совесть» и укреплять ее державную мощь. Очевидно, этим объясняются и порывы казачества «спасать Россию», проявлявшиеся в разные драматические периоды ее истории. В.Д. Сухоруков по этому поводу писал, что «казаки привержены к царю и никак не могут сообразить иного порядка вещей»⁷¹. Неслучайна и сравнительно массовая поддержка в их среде «единства и неделимости» пространства империи в условиях революционного кризиса, и неприятие «интернационализма» даже тогда, когда эта идея воспринималась и в центре страны, и на иноэтнической периферии.

Вероятно, это обстоятельство склоняло большевистских лидеров рассматривать все российское казачество как «исконное орудие империализма»⁷². Такое определение впервые дал И.В. Сталин, характеризуя военное положение на юге в условиях гражданской войны. Казачество в составе населения окраин он отнес к прослойке «привилегированных... колонизаторов», подвергавших эксплуатации «нерусские народы»⁷³. Именно эти оценки длительное время отображались в исторических описаниях в советскую эпоху и сформировали несправедливое отношение к российскому казачеству. Их опровержение происходило лишь по мере накопления фактов и развития научных знаний⁷⁴. На самом же деле в этом типичном для той поры словосочетании и была заключена замечавшаяся в действительности устойчивая привязанность казаков к традиционным государственным устоям.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 10.

⁷² Сталин И.В. К военному положению на Юге // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 286.

⁷³ Там же. С. 285–286.

⁷⁴ См. подробнее: Козлов А.И. Каменистыми тропами... Исторический очерк. Ростов н/Д, 2008. С. 413.

Так что этот своеобразный консерватизм российского казачества имеет не только сословно-классовую подоплеку, но и этнопсихологическую. По проблеме же формирования казачества существуют различные трактовки. Не внесли сколько-нибудь существенных изменений в этом отношении проведенные в 90-е гг. XX в. дискуссии. Расшифровка феномена российского казачества возможна также лишь при анализе процессов, связанных с существовавшими различиями в восточнославянской этнической эволюции. Военно-сословный фактор до 1917 г. являлся важной и вместе с тем специфической составляющей в системе российской государственности, воплощавший в себе наслоения многих эпох и цивилизационных воздействий. В начале XX в. правящие круги воспринимали казачество по-прежнему как важнейшее звено в государственной системе. На него и тогда не смотрели как на изжившее себя явление.

В среде российского казачества прослеживались составляющие сословности и этнокультурной самобытности. Итог его развития не позволяет уложить типологию в схемы определившихся в иных практиках категорий «сословие», «этнос» или «нация». Феномен российского казачества нельзя воспринимать однозначно, в каком-то одном его измерении. Он достаточно многослоен и по-разному проявляет себя на всех уровнях этнонациональной идентификации: на этническом – как специфическая часть восточнославянского сообщества (субэтнос), на национальном – как неотъемлемая часть русского народа, на государственном – как составная часть российского полиэтнонационального гражданского сообщества. Переходность процессуального состояния, как видно, не обрела завершенности.

§ 2. Языковые аспекты

Отражением восточнославянских субэтнических явлений являлись и специфические говоры. В них также проявлялась местная самобытность и происходившие в прошлом влияния. В эпоху этнополитического единства Руси, как установлено специальными исследованиями, диалектные различия не исчезли. Вместе с тем происходило становление и обобщенного языкового контента. Диалекты постепенно утрачивали свои особенности, подвергаясь воздействию интеграционного процесса. Но с распадом Руси на уделы преодоление различий приостановилось. В дальнейшем развивалось их закрепление⁷⁵. Особые диалекты в среде восточнославянского населения в западных землях, по мнению исследователей, подвергаются чужеродным изменениям с Брестской унии 1596 г., когда на Церковном соборе православному населению Речи Посполитой было навязано объединение с католиками⁷⁶. Религиозный фактор выступал условием взлома исторической кодификации. Распространение же католицизма в восточнославянской среде сопровождалось попытками полонизации⁷⁷.

Воздействие оказывалось и на языковые различия. Сохранность диалектов имела между тем естественный характер, так же как и в других частях восточнославянского сообщества. Однако в западных ареалах расселения в них проникали польские слова, порождая иное состояние всего языкового ответвления⁷⁸. За счет этого и происходило обобщение и ряда диалектов. Оно носило ярко выраженный характер «ополячивания». Русский язык в эпоху этнополитического единства Руси и в последующем формировался при взаимопроникновении (синтезе) восточнославянских наречий. Воздействие польского фактора основывалось на принудительных началах. Изменение религиозных и языковых приоритетов способствовало этническому разобщению, переводу сложившихся исторических

⁷⁵ См. подробнее: Кондрашов Н.А. Славянские языки. М., 1956. С. 13; Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! С. 45.

⁷⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 21.

⁷⁷ Волконский А.М. Указ. соч. С. 75.

⁷⁸ Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! // Славянская нива. 2003. № 1–2. С. 44.

кодов в иные цивилизационные измерения. Различия же внутри восточнославянского сообщества были неизмеримо меньше, чем у западных и южных славян.

Однако на общеславянских съездах, созывавшихся в 1838 и 1848 гг. в Праге, при общении, несмотря на политические разногласия, представителями от различных народов отмечались черты сходства в языках. По этому поводу появились даже утверждения, что все они «только разные диалекты одного» лингвистического поля, распространившегося «от берегов Адриатических до границ Белого моря и Сибири»⁷⁹. Складывание этнических обособлений у западных и южных славян после разобщения под влиянием европейских процессов между тем происходило более замкнуто. Из-за этого для каждого отделившегося от целого родственного культурного поля усиление самобытности выступало приоритетной тенденцией в развитии. Предопределялось это именно тем, что историческая кодификация у западных и южных славян ранее из-за экспансии католицизма оказалась в значительной мере видоизмененной. Незавершенность процесса создала состояние цивилизационного разлома, разделившего в ряде случаев на основе религиозных различий этнические общности.

Взаимоувязанность восточнославянских обособлений, в том числе конфессиональная, напротив, была гораздо теснее. Позже появились и условия к разобщению. Наличие «великорусских, белорусских и малорусских» разделений не прослеживается в X–XI вв.⁸⁰, как и в последующие несколько столетий. Восточнославянская особость в западных землях стала закрепляться после включения их в состав Речи Посполитой. После восстановления единства в середине XVII в. восточнославянское сообщество обрело возможность к беспрепятственному солидарному взаимодействию в историческом процессе. Официально и на уровне массового самосознания оно воспринималось как нераздельное, малороссы и белорусы к «иностранцам»

⁷⁹ Воспоминания о Бакуине Адольфа Рейхеля // Приложение в кн.: Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. Дозволено цензурою. Г. Казань, 18 ноября 1905 года. Казань, 1906. С. 89.

⁸⁰ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. 1898). С. 565.

не причислялись⁸¹. Именно в свете этих представлений они в качестве сопредельных этносов не воспринимались.

Понятие «инородный» употреблялось с противопоставительным значением, отражавшим невостоочнославянскую принадлежность. Какая-либо негативная смысловая нагрузка при употреблении в нем отсутствовала. После воссоединения наметилось и преодоление внутренних этнических различий. Происходило это в том числе за счет «украинизации», как заметил Н.С. Трубецкой, «великорусской духовной культуры»⁸². Тенденция обозначилась еще с рубежа XVII–XVIII вв. Следствием ее усиления явилось искоренение «московской редакции» общерусской культуры. В дальнейшем переход «от ограниченного, местного, к всеобъемлющему, общенациональному» продолжался.

Сложившаяся в эпоху, когда «Украина была провинцией Польши», «западнорусская редакция» восточнославянской культуры оказала огромное влияние на процесс этнической консолидации⁸³. При его воздействии устанавливалось и единство в языковой сфере. Взаимовлияние сродных наречий порождало их синтез. В качестве результата лингвистической трансформации он отнюдь не являлся великорусским. Заимствования происходили из всех без исключения восточнославянских разговорных практик. Малороссийское влияние при этом, по утверждению Н.С. Трубецкого, было самым существенным, что и позволило ему сделать вывод о происходившей «украинизации московской редакции» культуры⁸⁴. Совмещения же носили естественный характер и основывались на отборе принимавшихся в различных частях этнического поля компонентов.

Однако на правобережной Украине процесс полонизации в XIX в. продолжался, затрагивая в какой-то степени и левобережную ее часть. Ослабление его сдерживалось вследствие проводившейся в Российской империи политики. Складывавшиеся внутренние этнические отличия впоследствии использовались для обоснования отсутствия общности восточнославянского

⁸¹ Там же. С. 564.

⁸² Трубецкой Н. К украинской проблеме. С. 504.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 505–506.

этнического поля и правомерности его национального разделения. При этом определение границ «украинской территории» вызывало затруднения. К ней причисляли, как правило, пространство правобережья, где, по утверждению теоретиков сепаратизма, «господствовали совсем иные культурные отношения, чем на левом берегу Днепра». Польское влияние даже по их оценкам после перехода края под государственное управление России не прекратилось⁸⁵.

За восстановление «старой Речи Посполитой» в ее пределах организуется «национальное движение», распространившее экспансию «как на украинские, так и... белорусские земли»⁸⁶. После польского восстания 1830–1831 гг. стали создаваться обоснования о наличии отличий внутри славянства⁸⁷. Нацеленность они имели, прежде всего, на отрыв от русского народа. Состояние восточнославянской субэтничности поддерживалось через систему образования и местного управления, оставшуюся в ведении польских помещиков, за которыми сохранено было право земельной собственности. Содержание ее также происходило за их счет. Особенность в положении польских помещиков на Украине, создававшей определенные затруднения для интеграции восточного славянства, М.П. Драгоманов как историк усматривал, в частности, в том, что они, в отличие от малороссийских, «упорно держатся за свой язык, за свой быт и связаны с польскими культурными центрами больше, чем с русскими»⁸⁸. Между тем повсеместно в крае под их руководством просветительскую деятельность продолжали осуществлять прежние учебные заведения, в их числе и «поветовые и базилианские училища»⁸⁹. Через них происходило распространение польского патриотизма. Оказывалось влияние и на местное восточнославянское население. Ему внушалось, что оно является разновидностью польского и имеет не русскую, а украинскую идентичность⁹⁰.

⁸⁵ Цит. по: Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого // В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 534.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Лескинен М.В. Указ. соч. С. 56.

⁸⁸ Заславский Д. М.П. Драгоманов. (К истории украинского национализма). С. 8.

⁸⁹ Широкоград А.Б. Тайная история Украины. С. 284.

⁹⁰ Там же.

Однако прежнее самосознание, отражавшее сложившуюся историческую кодификацию, несмотря на различие в говорах, продолжало сохраняться. Об отсутствии каких-либо «великодержавных расчетов» в непризнании распространенных в пределах восточнославянского сообщества наречий в качестве самостоятельных языков свидетельствует и то, что подобные представления существовали не только в России, но и в зарубежных странах. Распространенность их не исчезла и в среде самого населения. Отображено это, в частности, в циркуляре 1863 г. министра внутренних дел П. Валуева⁹¹, принятого под влиянием восстания в Польше.

В нем говорилось, что «самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах... наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии»⁹².

В циркуляре далее указывалось на совпадение попыток искусственной украинизации «с политическими замыслами поляков», от которых и поступает «большая часть малороссийских сочинений». Издание же исторических и художественных произведений на наречии при условии соблюдения русской орфографии разрешалось⁹³. Изложенные в циркуляре 1863 г. положения воспроизводили лишь существовавшую языковую реальность в Российской империи и по характеру имели реко-

⁹¹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 100.

⁹² Цит. по: Там же. С. 101.

⁹³ Там же. С. 101, 105.

мендательное предназначение. Направленности против «народной культуры» малороссийской части восточных славян они не предусматривали, а ограждали лишь ее от влияния, связанного с преднамеренным насаждением сепаратистских настроений⁹⁴, и разрушения формировавшегося национального единства этнического сообщества. К тому же на практике предписания чаще всего не соблюдались.

Литература на «малороссийском наречии», по более поздней классификации «украинском языке», имела хождение по всей империи. Попадала она и на самые отдаленные окраины, где из-за состава населения имела востребованность. Произведения Т.Г. Шевченко и других классиков, писавших на малороссийском наречии, встречались в Сибири, Степном крае и даже более отдаленных местах империи⁹⁵. Завозились они переселенцами из Малороссии, где количество книг на распространном в ее пределах говоре было значительным. Информация о том, что сочинения Т.Г. Шевченко имеют хождение «на Украине во множестве»⁹⁶, поступала и высшему руководству Российской империи. Но запрет и в этом случае отсутствовал. В семьях при желании изучали на родном языке также грамоту⁹⁷. Препятствий этому никто не чинил. Такая практика существовала, кстати сказать, и в губерниях центральной России.

Саму же разновидность «языка» (восточнославянского диалекта) и Т.Г. Шевченко называл «малороссийской»⁹⁸. С его помощью, по мнению поэта, тем не менее невозможно написать, например, повествование о Востоке⁹⁹. Соответствующего для выразительности набора слов внутренние этнические диалекты для этого не предоставляют. Т.Г. Шевченко в этой связи неоднократно высказывал сожаление о плохом владении «русским стихом»¹⁰⁰, что являлось следствием полученного образования. Между тем оно позволяло читать в оригинале литературу, в

⁹⁴ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 106.

⁹⁵ Голушко Н.М. Моя украинская семья // В кн.: Голушко Н.М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 22.

⁹⁶ Дейч А.Л. Тарас Шевченко (Биографический очерк). С. 10.

⁹⁷ Голушко Н.М. Указ. соч. С. 22.

⁹⁸ Шевченко Т. Дневник. С. 43, 68.

⁹⁹ Там же. С. 102.

¹⁰⁰ Там же.

том числе и научные трактаты, на польском языке¹⁰¹. Такими книгами без каких-либо ограничений пользовался и Т.Г. Шевченко. Находясь на Украине в 40-е гг. XIX в., он даже пытался переводить на «малороссийское наречие» «крамольного» польского поэта А. Мицкевича, предварительно познакомившись с содержанием его стихов¹⁰².

В России он был известен как организатор польских легионов в Крымскую войну для поддержки англо-франко-турецкого альянса¹⁰³. О предпринимавшихся целенаправленных усилиях, «полонизирующих русских» на Украине, уже, кстати сказать, после издания циркуляра известно было и в Европе. Об этом, в частности, в воспоминаниях писал Отто фон Бисмарк¹⁰⁴. С явлением целенаправленной «полонизации» сталкивались и в Германии. Распространение она получала в Познани. По данным официальных отчетов, в этой части Западной Пруссии «целые селения», ранее являвшиеся немецкими, переходили в разряд польских. Смена идентичности происходила, как было известно и в правящих кругах Германии, под воздействием соответствующего воспитания.

Систему же польского образования, через которую оно осуществлялось, своими полномочиями поддерживал католический департамент¹⁰⁵. Только Отто фон Бисмарк осознал необходимость в его ликвидации и для прекращения «полонизации» немецкого населения в Познани предложил установить «господство государства над школой»¹⁰⁶. Фактор же народного просвещения обладает большими интеграционными возможностями, на что как раз канцлер и обратил внимание, руководствуясь собственным опытом управления страной. В дальнейшем по его рекомендации система образования в Германии задействовалась для достижения состояния национального сплочения.

Для усиления альтернативы восточнославянского единства

¹⁰¹ Там же. С. 72.

¹⁰² Воспоминания о Тарасе Шевченко. К., 1988. С. 109.

¹⁰³ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. С. 85.

¹⁰⁴ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. С. 226.

¹⁰⁵ Там же. С. 122.

¹⁰⁶ Цит. по: Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. II. ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1940. С. 125.

в проводившейся политике в Российской империи делалось, видимо, не все. Образовательные учреждения во многих юго-западных ее губерниях преимущественно оставались до 1863 г. в ведении польской шляхты. Запрет же «украинского слова и украинской культуры» в период 60 – начала 80-х гг. XIX в. не устанавливался¹⁰⁷. Упоминания о нем в советской историографии фактами не подкреплялись. Уездные служащие, ежедневно общавшиеся непосредственно с сельским населением Левобережной Малороссии, выносили иные впечатления. С простыми людьми они разговаривали так, как это было принято на юге. Не подражая московскому диалекту, они употребляли понятный для всех русский язык. При этом уездные служащие не сталкивались с непониманием, в свою очередь не испытывая каких-либо сложностей в восприятии специфики речи селян¹⁰⁸.

После предпринятых мер со второй половины XIX в. «малороссийский говор» утрачивал «польскую примесь» и приближался все больше к русскому литературному языку. При этом на Левобережье этот процесс происходил быстрее. Замедленность его на Правобережье объяснялась наличием там «крупных польских имений». Администрация их не оставляла намерений изменить общерусскую направленность этнической трансформации в восточнославянской среде. Имена шляхты, как отмечали современники, и в составе Российской империи являлись своеобразными центрами «полонизма». Населению всячески прививалась мысль, что употребляемая им речь не имеет ничего общего с русским языком. Однако уже спустя пятьдесят лет после 1863 г. «говор малорусской деревни коренным образом изменился» за счет вытеснения «польского налета»¹⁰⁹. Насаждение «украинства» на основе одной из тенденций этнической эволюции у части восточнославянского сообщества, таким образом, целенаправленно происходило при помощи него.

В руководстве Российской империи на все это не могли не обращать внимание. В противном случае необходимо было

¹⁰⁷ Сокуренок В.Г. Указ. соч. С. 7.

¹⁰⁸ Царинный А. Указ. соч. С. 249.

¹⁰⁹ Там же.

поступиться государственными интересами и оставить значительную часть восточнославянского населения на произвол судьбы. Из поляков преимущественно состояло, кроме того, «украинское освободительное движение»¹¹⁰. В среде простого народа, за редким исключением, существовали иные настроения, и даже представители низших сословий отдавали предпочтение, чтоб «русской грамоте» учиться¹¹¹. Именно эта реальность и получала поддержку на официальном уровне. Такая позиция разделялась также значительной частью интеллигенции, имевшей малороссийское происхождение. Ограничительные меры на «использование украинского языка» подтверждались и в указе Александра II в 1876 г.

В нем закреплялись, по сути, положения циркуляра 1863 г. Какой-либо запрет и в этом случае не устанавливался. Однако в современной публицистике этот указ, как и в советской историографии, подвергается тем не менее критике с позиций «печальной известности»¹¹². Получается, что государственная власть не должна была оказывать противодействие попыткам внедрения проектов, содержащих потенциал разрушения. В одном из них уже в 1854 г. предусматривалось расчленение России с выделением Польши в прежних границах. Достоинством гласности тогда стала направленная в Лондон из Вены записка, в которой в этом отношении делались вполне конкретные предложения¹¹³.

Такая перспектива обсуждалась в правительственных сферах ряда европейских стран и впоследствии. К тому же учитывались притязания мятежников на восточнославянские территории и непростая международная обстановка, связанная с поддержкой в той или иной форме их геополитических замыслов. В ходе восстания 1863 г. провозглашалось в качестве цели восстановление Польши в «исторических границах» от Балтийского до Черного моря. К ней должна была отойти со-

¹¹⁰ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 105.

¹¹¹ Шевченко Т. Кобзарь. С. 206.

¹¹² См. подробнее: Матишов Г.Г. Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Издательство ЮНЦ РАН. Ростов н/Д, 2014. С. 46.

¹¹³ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. С. 80.

ответственно вся правобережная Украина, входившая в состав Российской империи¹¹⁴. Данный проект находил поддержку в ряде европейских стран. Публикации об «исторических границах» Польши, сужавших российское государственное пространство, появлялись в английской и французской прессе¹¹⁵. А это была именно та часть империи, где на предшествующих этапах при помощи экономического давления и сложившейся системы образования, шляхтой усиленно осуществлялась политика колонизации, на что реакция из Петербурга последовала со значительным опозданием.

Известно было и о программе восстановления Польши под протекторатом Австрии, в которой также фигурировали так называемые «исторические границы». Составление и поддержка ее осуществлялись отдельными европейскими дипломатами¹¹⁶. Предпринимавшиеся конкретные меры имели направленность на предотвращение дальнейшей колонизации, способствовавшей изменению исторической кодификации у восточно-славянского населения Украины. Насаждение специфического языка создавало предпосылки для замены идентичности. При введении ограничений, как уже отмечалось, принимались во внимание в том числе настроения, существовавшие в действительности, стремления «русской грамоте» учиться, имевшие широкое распространение¹¹⁷.

Осуждающее отношение к этому со стороны некоторых представителей творческой интеллигенции расходилось с объективной реальностью, отражавшей явление массового порядка. Именно оно принималось во внимание в правящих кругах. В условиях не определившейся этнической эволюции и наличии в ней переходных состояний ограничительные меры, на мой взгляд, были необходимы. Однако последовавшая после восстания в 1863–1864 гг. политика по защите формирующейся общерусской национальной общности подтолкнула поляков к отказу от идеи славянской взаимности. В 1867 г. они не послали своих представителей

¹¹⁴ Ерусалимский А. Бисмарк как дипломат. С. XXII.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. С. 70–71.

¹¹⁷ Шевченко Т. Кобзарь. С. 206.

на проходивший в Москве Славянский съезд¹¹⁸.

Языковая ситуация на Украине в XIX в. весьма точно передана в рецензии, составленной видным представителем отечественного славяноведения А.Н. Пыпиным, на историческое сочинение П.А. Кулиша «Записки о Южной Руси»¹¹⁹. В ней использованы слова и смысловые их сочетания, широко употреблявшиеся в научной среде. В рецензии, в частности, выдержан такой стиль: «Как невозможно дать полного понятия о малорусском языке, не сказавши о целой семье славянских наречий, к которым он принадлежит, так нельзя решить вопроса о малорусской жизни и поэзии, рассматривая их вне связи... с однородными явлениями других племен, особенно великорусского, наиболее близкого к нему»¹²⁰.

В принимаемых решениях государственная власть опиралась, таким образом, не только на мнение самого населения. Учитывались также имевшие преобладание взгляды, распространенные в научных кругах. Миф о запрете «говорить на родном языке»¹²¹, существовавшем якобы в Российской империи, между тем до сих пор используется в украинской националистической пропаганде. Вводившиеся же ограничения ничего подобного не подразумевали. К тому же признание, что «украинский язык не разработан», было распространено и в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи, в том числе и в среде деятелей культуры. Такие взгляды существовали даже в конце XIX в.¹²²

Признавалась и общность этнического поля¹²³. Мнения же о том, что русский язык должен стать для восточных славян общим, придерживались и некоторые представители униатского духовенства. Местные наречия, по существовавшим представлениям в их среде, должны отражаться лишь в литературных произведениях. На таких позициях, в частности, стоял в начале

¹¹⁸ Лескинен М.В. Указ. соч. С. 56.

¹¹⁹ П-нь А.Н. [Пыпин А.Н.]. Рецензия на книгу «Записки о Южной Руси». Издал Кулиш. Два тома. СПб. 1856–1857 // Современник. 1857. № 5. Отд. III. С. 24.

¹²⁰ Цит. по: Там же.

¹²¹ Смолич Ю. Указ. соч. С. 51.

¹²² Франко И. Украинский театр. С. 216.

¹²³ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891.

XX в. имевший отношение к униатскому духовенству известный славист А. Будилович¹²⁴. Расхождения с текстом циркуляра министра внутренних дел П. Валуева, как видно, не прослеживается и в этом случае.

Настрой в среде восточных славян на утверждение единого русского языка, таким образом, существовал не только в стране, но и за рубежом, в Австро-Венгерской империи. Освобождение же его от «полонизмов» в российских условиях происходило естественным путем, и вмешательство государственной власти в этом процессе не являлось определяющим. Между тем принятые после польских восстаний 1831 и 1863 гг. меры привели к усилению тенденции складывания восточнославянского этнонационального единства, или «обрусения», как ее тогда называли. Процесс этот затрагивал все больше и правобережье Украины. Малороссийское население, в отличие от некоторых представителей интеллигенции¹²⁵, ничего инородного в этом не усматривало. Формирование украинской идентичности, со ставкой на усиление дифференцирующей тенденции, использовалось для разрушения восточнославянского единства. На практике при желании владеть и пользоваться «малороссийским наречием» можно было без каких-либо препятствий.

Получавшие классическое образование в имперских учебных заведениях (гимназиях и университетах) легко обретали соответствующие познания, доводя в ряде случаев их до совершенства. Поэтому критика «царского режима с его «валуевщеной»» оторвана от того, что было в действительности и носит отпечаток проводившейся когда-то пропаганды¹²⁶. Язык является, безусловно, одним из носителей исторической кодификации. На этом уровне прослеживалась малороссийская (украинская) самобытность, что, кстати говоря, в циркуляре 1863 г. и не отрицалось. Но в формирующейся идентичности данной разновидности восточнославянского сообщества, по

¹²⁴ См. подробнее: Будилович А. О единстве русского народа // Русский вестник. 1993. № 12. С. 14; Добродомов И.Г. Антон Семенович Будилович (1846–1908) // Русский язык в школе. 1996. № 2. С. 102, 105; Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! // Славянская нива. 2003. № 1–2. С. 45.

¹²⁵ Франко И. Русско-украинский театр. (Исторические очерки) // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 169.

¹²⁶ Смолич Ю. Указ. соч. С. 98, 119.

которой определялся вектор национальной принадлежности, преобладающими оказывались показатели общерусского единства. Подтверждалось это и научными изысканиями в тот период. На их результаты опирались при выработке политических мер в правящих кругах. Внимание обращалось именно на самосознание населения, являвшееся второй составляющей исторической кодификации.

Однако признаки единства прослеживались и в спланированном восточнославянском сообществе языке. К русским «поговору» П.И. Ковалевский относил великороссов, малороссов и белорусов. Отмечая существовавшие между ними внутренние этнические отличия, он считал, что «это одна нация, один народ, происходящий от одного славянского корня»¹²⁷. Существовавшие культурные особенности «великороссов, малороссов и белорусов» П.И. Ковалевский вместе с тем рассматривал как «второстепенные». По его мнению, «эти... народности не отдельные нации, а только разновидности одной великой Русской нации со всеми основными свойствами, присущими этой нации». В сохранявшихся различиях П.И. Ковалевский усматривал влияние внешних условий, которые не смогли тем не менее «вытравить из них никаких родовых унаследованных свойств»¹²⁸. В соответствии с его пониманием реальности начала XX в. «Великороссия... Малороссия... Белоруссия... Червонороссия, Галиция, Буковина и Угорская Русь едино суть – Великая Россия»¹²⁹.

В.М. Кабузан, видный отечественный специалист второй половины XX в. в области демографии, на основе разнообразных статистических источников, вобравших сведения о народах Российской империи, установил, что к категории «иностранцев» причислялось в ней «не русское, украинское или белорусское население»¹³⁰. Это объяснение содержит отпечаток пониманий, укоренившихся в науке в советский период ее развития. При проведении в 1897 г. переписи в Российской империи мало-

¹²⁷ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 37.

¹²⁸ Там же. С. 38, 41.

¹²⁹ Там же. С. 55.

¹³⁰ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 8.

россы (украинцы) и белорусы статистически как отдельные общности не выделялись. Существовала лишь общая рубрика «Русские», с подразделением на наречия «великорусское», «малорусское» и «белорусское»¹³¹. В них выделялись и более мелкие части, поднаречия, представлявшие, несмотря на особость, некую целостность с наличием общего языкового контента¹³².

С учетом этого перепись 1897 г. не подразделяла русский язык на самостоятельные ответвления. Он признавался совокупностью «наречий великорусских, белорусских и малорусских». Сравнительное их изучение показывало наличие в прошлом для этих наречий единой первоосновы, «общей некогда всему русскому народу». Подтверждалось в этой связи существование «общерусской эпохи», когда русский язык был един, несмотря на сохранявшиеся местные внутриэтнические диалекты и «на всем своем протяжении переживал общие явления»¹³³. Даже накопившиеся несоответствия не смогли разрушить этимологическую первооснову по ходу многовековой лингвистической эволюции и указывали, как признавалось тогда, на близость наречий между собой.

Утверждения М.С. Грушевского, появившиеся в начале XX в., об отсутствии единства восточных славян, о наличии в их среде трех обособленных друг от друга общностей, о дискриминации украинцев в Российской империи¹³⁴ не соответствовали действительности. В данных взглядах отражалась всего лишь одна из тенденций в этнической эволюции, отнюдь не преобладавшая. Ошибочным является отнесение украинцев (малороссов)

¹³¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905 и др.

¹³² Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. 1898). С. 564.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Грушевский М. Украинцы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 307–330.

к «недержавным национальностям»¹³⁵. Основывалось оно, судя по всему, на впечатлениях М.С. Грушевского от политики, проводившейся в Австро-Венгерской империи. Один из ее основателей Франц-Иосиф II Габсбург выделял в ней следующее: «Мои народы чужды один другому: тем лучше... Они не понимают и ненавидят друг друга. Из их неприязни рождается порядок, из их вражды – общий мир»¹³⁶.

Такого разделения в сложившейся отечественной практике не существовало, дискриминация в системе государственных отношений не допускалась. К русскому народу официально относились «известные племена и народности, объединенные общностью нравов, верований, преданий»¹³⁷, и в свете этих представлений малороссы и белорусы в качестве «инородцев» не рассматривались. Поэтому при проведении переписи в Российской империи 1897 г. они статистически не выделялись¹³⁸. К «инородцам» же причисляли тогда всех подданных «неславянского племени». Они пользовались «особым правом управлять и судиться по своим обычаям, своими выборными», имели ряд других льгот и послаблений, в том числе и в исполнении фискальных повинностей¹³⁹.

П.И. Ковалевский выделил несхожесть с европейским опытом обустройства империй, прослеживавшуюся прежде всего в отношении к включенным в их состав народов. По его наблюдению, в Российской империи «правительство и в теории и на практике держалось взгляда, что государство должно безразлично относиться ко всем национальностям, какие есть...

¹³⁵ Там же. С. 306–307.

¹³⁶ Цит. по: Крыжановский С., Турганов В. Указ. соч. С. 6.

¹³⁷ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. 1898). С. 564.

¹³⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905 и др.

¹³⁹ Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. М., 1995. С. 38.

и отнюдь не отдавать особенного предпочтения — русской»¹⁴⁰. Вследствие таких подходов неприкосновенными оставались и «все... основные национальные особенности»¹⁴¹. «Всякий инородец», по заключению П.И. Ковалевского, основанному на знании реальности, «пользуется всеми правами русского гражданина... является равным любому члену державной нации и приемлется ею»¹⁴². Касаясь отношения восточных славян к такому объединению с другими народами, он отобразил преобладавшее в их среде настроение: «Ведь они тоже наши братья по Родине»¹⁴³.

Этническое единство восточнославянского сообщества подтверждалось проводившимися исследованиями при изучении языкового контента. Особое место среди них занимают монографические обобщения Т.Д. Флоринского, профессора Киевского университета, пользовавшегося в научных кругах репутацией «знаменитого филолога-слависта», а также специалиста по истории византийской культуры¹⁴⁴. Его заслуги как ученого признаны Петербургской Академией наук, членом-корреспондентом которой он становится с 1898 г. Это явилось откликом в том числе на опубликованные в г. Киеве в 1895–1897 гг. «Лекции по славянскому языкознанию», разделенные из-за весьма солидного объема на две взаимодополняющие части. А в 1900 г. в Петербурге состоялась публикация книги Т.Д. Флоринского, посвященной проблеме «малорусского наречия» и литературного сепаратизма¹⁴⁵.

В ней на основе сравнительного анализа сделан основополагающий для отечественной лингвистики того периода вывод: «Факт целостности и единства русских наречий в смысле принадлежности их к одной диалектической группе считается в современной науке истиной, не требующей доказательств»¹⁴⁶. Не

¹⁴⁰ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 118.

¹⁴¹ Там же. С. 49.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 179.

¹⁴⁴ Украинский сепаратизм в России. С. 424.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Цит. по: Флоринский Т.Д. Малорусский язык и «українсько-руський» сепаратизм // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 333.

только в этой, но и в других работах ученый обращал внимание и на «частные отличия», которые, по его мнению, «не мешают признанию единства и целостности всех русских наречий»¹⁴⁷. Этническую общность «всех трех ветвей русского народа» Т.Д. Флоринский видел вместе с тем в сходстве «народных преданий, повестей, сказок, поверий, песен, обрядов, быта семейного и общественного, свойств физических и душевных и т.д.»¹⁴⁸.

Его многолетние научные изыскания показывали, что, несмотря на «индивидуальные черты», у «великорусов, малорусов и белорусов наблюдается... множество общих этнических особенностей»¹⁴⁹. К таким же заключениям приходили в то время и другие представители отечественной науки, занимавшиеся изучением истории и специфики восточнославянского языкового контента. Видный специалист в области диалектологии профессор А.И. Соболевский также на основе получаемых результатов отмечал присутствие сходства в великорусском, малорусском и белорусском наречиях и даже в самобытных отдельных говорах, хотя они имеют «отличия в фонетике, морфологии и лексике»¹⁵⁰. Относившийся с особыми симпатиями по общему признанию к «малорусскому говору» не менее известный исследователь восточнославянской филологии А.А. Потебня по «древнейшим признакам» установил, что в основании распространенных наречий «лежит один, конкретный, нераздробленный язык... отличный от других славянских»¹⁵¹.

По результатам сравнительного сопоставления он делает тем не менее заключение о появлении признаков отличий задолго до XII в., так как уже в XIII в. заметны «следы разделения самого великорусского наречия на северовеликорусское и южновеликорусское». А.А. Потебня высказал предположение о появлении тогда же и малорусского наречия. Разделение языка на специфические говоры все исследователи объясняли значительной по протяженности территорией¹⁵². На рубеже

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. С. 341.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 335.

¹⁵¹ Там же. С. 334.

¹⁵² Там же. С. 334–335.

XIX – начала XX вв. существовало и преобладавшее признание «целости всех русских наречий» и их принадлежности «к одной диалектической группе»¹⁵³. Единый «общерусский праязык», по уточнению профессора Б.М. Ляпунова, существовал до XI в. Диалектические же вариации, согласно его точке зрения, до указанного рубежа были незначительными¹⁵⁴.

В понимании Б.М. Ляпунова, «русский литературный язык никоим образом не может считаться исключительно великорусским», так как является достоянием всего восточнославянского сообщества¹⁵⁵. Формирование же его происходило при смешении всех его наречий. В 1906 г. Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук малороссийское наречие признается все же языком¹⁵⁶. Однако название было сохранено. Дialect по-прежнему не определялся как украинский. При обсуждении отмечалось преобладание в нем компонентов, родственных другим восточнославянским говорам. Произошедшее соединение их с заимствованными вследствие исторических обстоятельств польскими словами, по мнению ряда ученых, и сделало его самостоятельным языком. Между тем, не все разделяли такое заключение и высказывали также небезосновательные возражения.

Возобладала, таким образом, точка зрения, отображавшая дифференцирующую тенденцию этнической эволюции. Существовавшая же реальность состояла и из других состояний, воспроизводивших в том числе вариант происходившей, но не завершившейся, общерусской языковой консолидации. Специалистами не отрицается возможность такого преобразования наречий, доразвития их за счет тех или иных заимствований. В анализируемом случае ключевую роль сыграли привнесения из польского языка. Для восточнославянских диалектов академическим решением 1906 г. естественный процесс преодоления различий был нарушен. Никто из представителей научного

¹⁵³ Там же. С. 339, 341.

¹⁵⁴ Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 387–388.

¹⁵⁵ Цит. по: Там же. С. 398.

¹⁵⁶ Волконский А.М. Указ. соч. С. 97.

сообщества не мог тогда предполагать, что это создает прецедент и для этнополитического разобщения восточнославянского сообщества. Несмотря на принятое решение, его целостность не ставилась под сомнение.

При выборах в Государственную думу всех созывов, например, малороссийские губернии по действовавшим законам не рассматривались как «иноэтнические»¹⁵⁷. При образовании российского парламента в начале XX в. право на «особых членов» получили даже кочевники¹⁵⁸. Но количество представителей от иноэтнических окраин по разным причинам в дальнейшем уменьшалось. Численность же депутатов, избиравшихся в малороссийских губерниях, несмотря ни на что, возрастала¹⁵⁹. Во внимание принимался, судя по всему, патриотический настрой их населения на поддержку существовавшей тогда государственной власти. Не встречали в Российской империи препятствий и научные работы, написанные на «украинском языке», о чем свидетельствуют проводившиеся конкурсные мероприятия. Министерство народного просвещения Российской империи в процедуры присуждения премий не вмешивалось. Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук и по таким вариантам, как правило, давало положительные заключения¹⁶⁰.

Премия известного слависта, историка литературы, археолога и этнолога А.А. Котляревского присуждалась даже писателям и ученым из Галиции, имевшим австрийское подданство¹⁶¹, что свидетельствует о существовавших в России намерениях на различных уровнях, в том числе и государственном, сохранить этническую целостность, несмотря на различия, восточнославянского культурного пространства. Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук И.Я. Франко был, в частности, поддержан на эту номинацию за научные комментарии к «украинским народным песням»¹⁶².

¹⁵⁷ Бондаренко Д., Крестовская Н. Украинский вопрос в Государственной Думе (1906–1917 гг.) // Россия. XXI век. 2001. № 6. С. 101.

¹⁵⁸ ЦГИА РГ. Ф. 13-с. Оп. 29. Д. 35. Л. 8-об.

¹⁵⁹ Бондаренко Д., Крестовская Н. Указ. соч. С. 101.

¹⁶⁰ Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 772.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

В 1893 г. И.Я. Франко защитил с большими сложностями и материальными затратами диссертацию в Вене, получив ученую степень доктора философии, являясь вместе с тем этнографом и историком. А в 1906 г. Харьковским университетом ему была без защиты диссертации, несмотря на то, что он писал на украинском языке (галицийском наречии), присуждена ученая степень доктора российской словесности¹⁶³. Если императорские университеты имели автономный статус и были так или иначе самостоятельны в принимаемых решениях, то Российская Академия наук являлась учреждением государственным. Рекомендации входивших в нее ученых в немалой степени способствовали формированию официальной позиции. Языковые аспекты политики, направленной на консолидацию восточнославянского сообщества, также вырабатывались в соответствии с ними.

Существовавшие в восточнославянской среде диалектные различия после восстановления государственного единства, таким образом, переживали общие явления. Этим процессом затрагивались все языковые ответвления, в том числе и великорусские наречия. Сходство между ними также отсутствовало. Вытеснение полонизмов в южных говорах являлось, по сути, своеобразным разворотом к изживанию различий. В этом проявлялся естественный вектор лингвистической консолидации. Но в различных частях этнического поля этот процесс происходил со своими особенностями, получая в зависимости от обстоятельств в ряде случаев замедленные формы. Непризнание же самостоятельности существовавших в пределах восточнославянского этнического поля диалектных несовпадений обуславливалось не каким-то умыслом, как утверждают некоторые исследователи, а состоянием научных представлений, к тому же, как мы видели, вовсе небезосновательных.

¹⁶³ Пархоменко М. Иван Франко // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 1. Пер. с укр. М., 1956. С. XXII.

§ 3. Не учитывавшиеся процессы

Остановимся на анализе формировавшейся этнической специфики в периферийных ареалах Российской империи, в которых происходило смешение восточнославянского населения. Ряд из них как раз и оказались включенными впоследствии М.С. Грушевским в геополитический проект «Украина от Карпат и до Кавказских гор». Регионы со смешанным восточнославянским населением сложились вследствие того, что на всем пространстве «от Азова до Днестра», вошедшем в пределы России в разных сочетаниях в ходе упорной длительной борьбы с Турецкой империей в XVIII в.¹⁶⁴ и затем в XIX в. «от Днестра и до Кавказа», происходила совместная колонизация, сопровождавшаяся во многом идентичными этнополитическими процессами. Потоки ее складывались преимущественно стихийно. Попытки организации «переселенческого дела», особенно на наиболее нестабильных для российского государства направлениях, стали предприниматься с опозданием¹⁶⁵.

Между тем без каких-либо разделений восточнославянская колонизация и на предшествующих этапах рассматривалась в качестве важнейшего скрепляющего имперское пространство фактора¹⁶⁶. Еще до воссоединения восточных славян в XVII в. вынужденных бежать из Польши православных селили в пределах Московского государства чересполосно с деревнями великороссов, воспринимая пришельцев как своих и не делая никаких различий. На таких же условиях спасались в его пределах после восстаний и запорожские казаки, которым предоставлялась возможность селиться поближе к западной границе на «Слобожанщине», являвшейся не столь заселенной окраиной¹⁶⁷. Перемещалось сюда в массовом порядке и земледельческое население, бежавшее от польских панов. Тем самым в пределах российского государства крестьяне спасались от гнета и произвола.

¹⁶⁴ Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. М., 1896. С. 129.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87–87-об.

¹⁶⁶ Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 3.

¹⁶⁷ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 28, 31.

Восточнославянская колонизация его окраин предопределялась и усилившимися попытками после Брестской унии 1596 г. насаждения католицизма. Происходила она преимущественно из восточных областей Речи Посполитой¹⁶⁸. В них также малороссийская идентичность оказалась под угрозой. Поскольку расселение на приграничной западной окраине Московского государства происходило слободами, укоренилось и соответствующее ее наименование. В нем также отражались особенности восточнославянской колонизации малозаселенного пространства, имевшей как этнические, так и социальные свойства. Стихийно складывавшийся демографический ресурс и в этом случае не воспринимался в качестве «иностранного», в том числе и в среде проживавшего уже на осваиваемом пространстве великорусского населения.

Широкое распространение наименование «Слободская Украина» стало получать с XVII в., что являлось вместе с тем показателем возрастания масштабов восточнославянской колонизации. В ней проявлялась, безусловно, одна из разновидностей этнополитического самоопределения. Отражение его воплотилось в особой разновидности исторической кодификации, являвшейся частью общей. Заселявшаяся вследствие перемещения восточнославянского православного населения из Польши территория Московского государства впоследствии с учетом сложившейся специфики получила совместную с малороссийскими частями административную организацию¹⁶⁹.

После ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г. создаются вместо существовавших ранее полков малороссийские наместничества: Киевское, Новгород-Северское, Черниговское. В их состав чуть позже было включено и Харьковское¹⁷⁰. О написании произведения «Сад божественных песен» Г. Сковорода как представитель Слобожанщины в послесловии, например, сделал такое уточнение: «Сложена во время открытия Харьковского наместничества»¹⁷¹. Об одной из заимствованных

¹⁶⁸ Богаевский П.М. Указ. соч. С. 130.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Иваньо И.В., Шинкарук В.И. Философское наследие Григория Сковороды. С. 7.

¹⁷¹ Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. Т. 1. С. 68.

исторических версий автором сообщено, что она «перетолкована малороссийским диалектом»¹⁷². Тогда же образовано и Екатеринославское наместничество, преобразованное вскоре в губернию и включенное в состав Новороссии¹⁷³. Проведенные административные преобразования основывались на представлениях об этническом родстве и единстве как народа всего восточнославянского населения.

При формировании государственного управления в Малороссии создаются генерал-губернаторства. Из-за близости к внешним границам возглавлявшие их лица, также как и наместники, наряду с гражданскими функциями исполняли обязанности и непосредственных военных руководителей¹⁷⁴. Харьковская губерния совместно с Полтавской и Черниговской наделяются по-прежнему общей субъектностью¹⁷⁵. Несмотря на внутренние восточнославянские этнические различия, население и здесь обретало русскую самоидентификацию¹⁷⁶. Данная тенденция являлась преобладающей и в южных ареалах. Такой же восточнославянский синтез складывался, в частности, в Новороссийском крае. С момента образования он охватывал пространство от Днестра и до Кубани. В составе Новороссии находились Крымский полуостров, Предкавказье и земли Черноморского войска¹⁷⁷. Начиналась она с исторически сложившихся пределов Сечи до побережья Черного моря. С запада на восток Новороссия простиралась от Днестра и до Кавказских гор.

Колонизация южных ареалов являлась смешанной и на какие-либо восточнославянские или иноэтнические потоки в действительности не делилась. Переселение в Новороссию происходило со всей империи¹⁷⁸. Отток населения из сопредельной Украины оказался наиболее значительным. Там распростра-

¹⁷² Там же. С. 64.

¹⁷³ Иваньо И.В., Шинкарук В.И. Указ. соч. С. 7.

¹⁷⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Т. 1: А–З. М., 1989. С. 405.

¹⁷⁵ Шевченко Т. Кобзарь. С. 670.

¹⁷⁶ Сковорода Г. Указ. соч. С. 73.

¹⁷⁷ Агафонов А.И. Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Издательство Ростовского университета. Ростов н/Д, 1986. С. 23.

¹⁷⁸ Волконский А.М. Указ. соч. С. 79.

нялись легенды, что на юге «можно устроиться с разрешения начальства»¹⁷⁹. Между тем преобладание переселенцев из Малороссии установилось далеко не везде. Демографический перевес сложился лишь в Верхнеднепровском и Екатеринославском уездах, преимущественно как раз на территории, принадлежавшей когда-то Запорожской Сечи и прилежавшем к ней пространству. Но и там происходило смешение восточнославянского населения. Такой характер колонизации отмечался в большинстве российских регионов. При перемещении части запорожского казачества на Кубань во второй половине XVIII в. также каких-либо отклонений не происходило. Здесь они соединялись с другими группами восточнославянского населения.

С 1802 г. вследствие административного усовершенствования Новороссии оказалась разделенной на Екатеринославскую, Николаевскую и Таврическую губернии¹⁸⁰. В 1887 г. из нее были выделены Ростовский уезд, его административный центр, прилегающие к нему населенные пункты, а также г. Нахичевань-на-Дону и Таганрогское градоначальство. Произведено было их включение в состав Области войска Донского. Мариупольский уезд, входивший до этого в Таганрогское градоначальство, остался в Екатеринославской губернии¹⁸¹. Смыкание пространства Новороссии с Предкавказьем, проходившее ранее через Приазовье, было переориентировано на иные субъекты юга. Область войска Донского являлась особым восточнославянским этнокультурным регионом империи. У казачества в ее пределах сложился свой диалект, в котором также отразились польские, тюркские и иные влияния. Но основой его являлся восточнославянский языковой комплекс с преобладанием великорусской и малороссийской составляющих.

Однако во включенных в состав Области войска Донского уездах сложившееся новороссийское наречие сохранялось. Не исчезли и прежние культурные особенности. Отмеченная специфика восточнославянской миграции, происходившая из Польши на западные территории Московской Руси, отразилась частично

¹⁷⁹ Заславский Д. М. П. Драгоманов. (К истории украинского национализма). С. 13.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же. С. 24.

и на субэтнической ситуации в образованных впоследствии Воронежской и Курской губерниях¹⁸². Потомков переселенцев там еще и в XX в. преобладавшее в них великорусское население называло «хохлами»¹⁸³. Несмотря на сохранявшиеся противопоставления восточнославянских различий в местностях, в том числе и слободах, «населенных обеими народностями», по наблюдению Н.И. Костомарова, «никогда не происходит ни ссор, ни драк, которые бы указывали на племенную вражду между ними»¹⁸⁴.

Да и в таком типичном для Новороссии районе, как Таганрожье, из-за существования в языке «украинских» компонентов население также называло себя «хохлами», но, заявляя о своей национальной принадлежности, определяло неизменно себя как русское («мы хохлы, мы русские»). Свой язык местные жители здесь, как свидетельствуют полевые исследования, украинским не считают, делая лишь пояснения «мы так разговариваем», реже указывают на его некоторое сходство с «хохлячим», но отказываются признавать его украинским, ссылаясь на свою национальную принадлежность к русскому народу¹⁸⁵.

Это со всей очевидностью подтверждает заключение В.И. Даля о слиянии восточнославянского населения в зонах смешанной колонизации в особую этнокультурную общность с наличием специфического языка, новороссийского наречия, и общерусского, как когда-то в эпоху государственного единства Руси, самосознания. Сделанное им еще в середине XIX в. перспективное для дальнейшего изучения и разносторонней научной расшифровки наблюдение не нашло своевременного признания. Оно не было учтено и при проведении в 1897 г. переписи в Российской империи, опиравшейся во всех остальных аспектах на самые лучшие для того периода достижения отечественной и зарубежной науки.

¹⁸² Богаевский П.М. Указ. соч. С. 130.

¹⁸³ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 28, 31.

¹⁸⁴ Костомаров Н.И. Задачи украинофильства // Вестник Европы. Т. II. 1882. С. 898–899.

¹⁸⁵ Опросы проводились автором в период работы по распределению сельским учителем истории в Ново-Бессергеновской средней школе Неклиновского района Ростовской области с 1978 по 1980 гг. и чтения лекций по линии общества «Знание» с 1988 по 1991 гг.

Новороссийское наречие в материалах этой переписи было статистически показано преимущественно как малороссийское, которое рассматривалось как разновидность русского языка¹⁸⁶. Формировавшийся на Юге России на протяжении нескольких столетий и наиболее интенсивно во второй половине XIX в. восточнославянский этнический массив имел, как видно, свои региональные особенности. При сборе сведений для толкового словаря В.И. Даль заметил, что на всем южном пространстве страны, в которое входили, как известно, наряду с другими территориями и административные районы Новороссии, все больше набирала силу тенденция к «обрусению» культуры. Она находила выражение, помимо всего, в сложившемся уже к тому периоду «новороссийском» наречии, вобравшем в себя совместившиеся двойственные русские и малороссийские (украинские) языковые компоненты¹⁸⁷.

В энциклопедическом издании «Россия» конца XIX в. под редакцией Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона особенности этого говора названы «южновеликорусскими» с пояснением, что они отражают своеобразие колонизации окраин Московского государства в преобладающей степени «из пограничных со степью местностей». Помимо Новороссии к ареалу распространения этого говора были отнесены также «Область Войска Донского» и Воронежская губерния¹⁸⁸. Более точной, на мой взгляд, являлась классификация В.И. Даля. Диалекты российского казачества имели, безусловно, свою специфику.

Лингвистические контакты в ареалах расселения и этнические смешения накладывали на них свой отпечаток. На говорах донских и кубанских казаков в разной степени сказалось и малороссийское влияние¹⁸⁹. Но в них также прослеживаются

¹⁸⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. С. 60–61.

¹⁸⁷ Даль В.И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989. С. 81; Куликова Э.Г. Региональные языковые контакты в аспекте культуры речи // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). Ростов н/Д, 2000. С. 46.

¹⁸⁸ Россия. Энциклопедический словарь (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898.). С. 538.

¹⁸⁹ Ревин И.А. Влияние малороссийского (украинского) населения на социокуль-

польские, турецкие и иные компоненты. В других казачьих диалектах малороссийское влияние не столь значительное. Примером могут служить даже ареалы расселения на Северо-Восточном Кавказе. Отмеченная В.И. Далем двойственность наслоений в новороссийском наречии появилась при соединении великорусского и малорусского колонизационных потоков. Более поздние изыскания отечественных ученых также подтверждали, что по языковым компонентам можно установить происхождение миграционных составляющих¹⁹⁰.

Этническая их совместимость в свою очередь обусловила «обрусение» самосознания смешанного по составу населения. Такое совмещение восточнославянских диалектов с преобладанием общерусского консолидирующего начала прослеживается с самых ранних этапов заселения различных присоединявшихся пределов Европы, а затем и Азии¹⁹¹. Это вызывалось, как уже было отмечено, сохранявшейся со времен государственного единства Руси исторической памятью, а также общими для империи процессами интеграции восточного славянства, видоизмененной лишь после 1917 г. Все наносное, накопившееся за века разъединения, отходило на вторые позиции или исчезало вовсе. При формировании новороссийского наречия восстанавливалось употребление русских слов вместо польских.

Этот процесс без непосредственного польского влияния, существовавшего в Малороссии и особенно Галиции, оказывался естественным. Вытеснение привнесений (полонизмов) происходило в языковой практике восточнославянского населения и в южных ареалах. Очищение же самосознания подкреплялось воздействием достаточно сильного в XIX в. в России государственного поля, имевшем тогда немалые притягательные возможности. Не случайно и эмиграция в ее пределы держалась в отдельные периоды этого столетия примерно на таком же уровне, как и в США, с той лишь разницей, что по преимуществу

турное развитие донского региона (XVIII – первая половина XIX вв.) // Южнороссийское обозрение. Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д, 2007. С. 216.

¹⁹⁰ Россия. Энциклопедический словарь (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898.). С. 538.

¹⁹¹ Там же. С. 566.

была аграрной. Между тем приезжавших привлекали в России не только свободные земли, но и защищенность «твердым государственным порядком»¹⁹². К концу XIX в. стали приниматься даже соответствующие законы для ее ограничения¹⁹³.

Влияние на эти притягательные возможности наряду с другими факторами оказывал и огромный потенциал русской культуры, роль которого в не имеющем аналогов в мире континентальном полиэтнонациональном объединении остается до сих пор не изученной. При этом самобытность культур других народов Евразии продолжала сохраняться и развиваться. В этой связи вопреки сложившимся представлениям «русификацию» нельзя воспринимать как явление негативное, так как она имела, прежде всего, созидательную направленность. Занимавшийся осмыслением имперского феномена Г.П. Федотов с удивлением писал, что в России «обрусение германцев шло еще быстрее, чем на Западе их романизация»¹⁹⁴. Иностранцы, приезжавшие в страну на службу или в поисках лучшей доли, становились, как правило, русскими по духу.

Восточное же славянство из-за сродности культурных различий это должно было затрагивать, несомненно, еще в большей степени. Попадая в среду друг друга, великороссы, малороссы и белорусы легко адаптировались и чувствовали себя как в среде своего собственного народа, быстро утрачивая вследствие этого приверженность к своим культурным различиям. При этом до 1917 г. воспринимались чаще всего обобщающие этничность начала. Солидарное взаимодействие восточнославянского сообщества обеспечивало функционирование в качестве государства обширного евразийского пространства.

По мнению автора очерка «Национальная структура России и великороссы» М. Славинского (1910), именно «то обстоятельство, что 2/3 населения империи» принадлежало к «русским племенам», и придавало ей устойчивость¹⁹⁵. Демографическая

¹⁹² Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. С. 161, 214; Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А.Тишков. М., 1994. С. 25, 27–28; РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 11–11-об.

¹⁹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 203.

¹⁹⁴ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. М., 1994. Ч. II. С. 179.

¹⁹⁵ Славинский М. Национальная структура России и великороссы // Формы

составляющая также имела направленность на сплочение полиэтнического контента¹⁹⁶. Посредством этого представители русской власти надеялись ослабить вероятность возникновения угрозы отторжения периферийных территорий. Формирование восточнославянской этносферы и в этом случае признавалось консолидирующим фактором. О благоприятности условий для народов окраин после вхождения в состав Российской империи, сохранявших «сплошную территорию и традиционный уклад», свидетельствует и такой установленный авторитетной в начале XX в. австрийской школой социологии важнейший показатель этнического развития, как рост народонаселения¹⁹⁷.

Однако в пределы Российской империи во второй половине XIX в. происходило переселение немалой части населения из австро-венгерских восточнославянских провинций. Отмена «панщины» в 1848 г. способствовала массовому обнищанию «галицийского крестьянства», жившего «преимущественно землей»¹⁹⁸. Разорение вызывалось многими причинами. Самую же существенную роль играло укрепление крупной земельной собственности, становившейся на путь капиталистического развития. Происходило и ее сращивание с некоторыми отраслями промышленности. Данные перемены сопровождались появлением массы обездоленных, лишенных средств к существованию¹⁹⁹. «Экономическую нужду» И.Я. Франко назвал в качестве наиболее распространенного обстоятельства, порождавшего в Галиции и Прикарпатье массовые настроения на переселение в другие страны. Обнищание «крестьянского сословия» вызывалось и неравным налоговым обложением. В тех частях Австрии, где проживали немцы, взимаемые подати были существенно ниже²⁰⁰.

национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 281.

¹⁹⁶ См. подробнее: Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.

¹⁹⁷ Шпрингер Р. Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии): Пер. с нем. СПб., 1909. С. 26.

¹⁹⁸ Франко И. Эмиграция галицких крестьян // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 453–454.

¹⁹⁹ Там же. С. 455.

²⁰⁰ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 463–464.

Доходов же с земли «галицким крестьянам» не хватало даже на прокормление семьи. Соответственно подати платить было нечем. Росли недоимки, что и создавало социальное напряжение, невыносимые условия приводили в отчаяние, находившее разрешение в тот промежуток времени в массовом исходе. Помимо «цесарских податей», платились еще уездные и общинные. Для того чтобы погасить задолженности по налогам, работали «сверх сил»²⁰¹. По свидетельствам крестьян, сохранившимся в обобщенной И.Я. Франко переписке, среди них «много бедных людей, которые терпят страшную нужду»²⁰².

В восточнославянских провинциях упадок прослеживался и в животноводстве. В Чехии хозяйств, насчитывавших 1–2 головы крупного рогатого скота, было в 2 раза меньше. Между тем в Галиции во второй половине XIX в. на высоком уровне держался прирост населения, превышавший средние показатели по Австрии. Происходил он преимущественно в сельской местности. Промышленные же центры, способные обеспечить занятость хотя бы части населения, в тот промежуток времени в восточнославянских провинциях отсутствовали. Работу в лучшем случае нуждавшиеся находили всего два раза в неделю²⁰³. Поставленные на грань выживания массы вынуждены были эмигрировать в Бессарабию, Румынию, Северную и Южную Америку и другие страны²⁰⁴. В путь отправлялись, как правило, распродав все свое имущество²⁰⁵.

Появлению соответствующих настроений в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи способствовали и распространявшиеся слухи²⁰⁶. В них содержалась, в частности, информация о том, что в Бразилии создается государство, которое собираются якобы населить «русинскими крестьянами»²⁰⁷. На массовое переселение в Россию влияние оказывал слух о том, что «царь выгоняет из своего государства всех евреев и немцев». Каждому же переселившемуся «украинскому

²⁰¹ Там же. С. 464.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же. С. 463–464.

²⁰⁴ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 455.

²⁰⁵ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 464.

²⁰⁶ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 457.

²⁰⁷ Там же.

крестьянину... отойдет благоустроенная усадьба со скотом» и достаточный для успешной организации хозяйственной деятельности участок «пахотного поля»²⁰⁸. Массовый переход через российскую границу подпитывался циркулировавшей в селах «глухой вестью», что «там где-то» в пределах единой империи «раздают бесплатно землю»²⁰⁹.

Распространялся слух и о наличии согласия австро-венгерского императора («цесаря») на переселение в Россию в соответствии с намерением произвести обмен населением²¹⁰. В восточной Галиции вспыхнула под влиянием этого известия, как признавалось даже верховной властью, «эмиграционная горячка»²¹¹. Сложившаяся ситуация вызывала беспокойство в Вене. Представители же галицкого наместничества старались заверить высшие правительственные инстанции, что в крае «все хорошо и спокойно»²¹². О масштабах исхода восточно-славянского населения свидетельствует то, что в Австро-Венгерской империи вводились на переселение в другие страны строжайшие меры запретительного характера²¹³. Наместник Галиции по этому поводу сделал следующее заявление: «Эмиграционное движение хочу задушить любой ценой. Мужик должен оставаться в крае, ибо ему здесь совсем не так плохо»²¹⁴.

Разъяснения властей и даже внушения духовенства не помогали. Намеревавшихся уехать старались под разными предлогами не выпускать. Общинные канцелярии не выдавали «свидетельства благонадежности и бедности», духовенство отказывалось выписывать метрики. Униатские священники с амвонов в костелах позорили намеревавшихся «выехать из края»²¹⁵. Православное же русинское духовенство наместник Галиции как-то «заклеймил... как главного эмиграционного агента». В его адрес он высказался с «очень резким порицанием и

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 469.

²¹⁰ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 457.

²¹¹ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 469.

²¹² Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 458.

²¹³ Там же. С. 456.

²¹⁴ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 470.

²¹⁵ Там же. С. 464, 468.

угрозой»²¹⁶. Таможенные чиновники имели даже инструкции об изъятии «денежных средств», лишавшее возможности пересечь границу, так как их наличие являлось главным условием для разрешения. На переселенцев устраивали облавы жандармы²¹⁷. Отряды их размещали на постой у собиравшихся уехать²¹⁸.

Использовались для предотвращения выселения и аресты²¹⁹. Отдавался приказ эмигрантов заключать в тюрьму, в тех же, кто не подчинится, разрешено было стрелять²²⁰. Распоряжения об арестах жандармам разрешено было отдавать даже органам управления на местах («старостам»)²²¹. На границе с Россией помимо подразделений жандармерии размещаются также военные кордоны. Для расследования причин массового переселения в восточнославянские провинции направляются «судебно-политические комиссии», наделенные полномочиями производить допросы. Объявляется по итогам их работы розыск «московских агентов». Однако все предпринимавшиеся меры не давали результата. В обход военных кордонов переход на русскую сторону осуществлялся в других местах. Тем не менее «основная масса», сталкиваясь с препятствиями, вынуждена была возвращаться обратно. В ее среде высказывалось по поводу неудачи сожаление: «Россия не желает нас!»²²². Но в сложившихся условиях надежды возлагались именно на нее. В монархических иллюзиях преобладала, несмотря на существовавшие отклонения, вера в «русского царя»²²³.

Разные способы удержать «украинских крестьян» использовали со своей стороны и «владельцы больших массивов земли», опасавшиеся потерять «рабочие руки»²²⁴. По инициативе польских депутатов из Галиции принимается закон об уголовной ответственности за попытки «без разрешения властей заниматься эмиграционными делами»²²⁵. Государственный

²¹⁶ Там же. С. 470.

²¹⁷ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 456–457.

²¹⁸ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 467.

²¹⁹ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 456–457.

²²⁰ Там же. С. 460.

²²¹ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 467.

²²² Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 460.

²²³ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 464.

²²⁴ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 459.

²²⁵ Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции. С. 462.

совет Австро-Венгерской империи его утвердил в ускоренном порядке. Преследование «нелегальных агентов» тем самым получило правовое прикрытие²²⁶.

Представители польского шляхетства просили «русских пограничных стражников» не пропускать переселенцев без паспортов. Но эти обращения отвергались. Русские пограничники «ссылались на право свободного перехода», и, руководствуясь гуманными соображениями, предоставляли возможность для выходцев из Галиции его осуществлять «по обычным пропускам»²²⁷. Предпринимались попытки остановить выселение и при помощи оказания воздействия на общественное мнение. В польских газетах размещались статьи о «московских агентах», занимавшихся подстрекательством «крестьян к эмиграции в Россию». Между тем переселение восточнославянского населения в ее пределы, несмотря на это, к концу XIX в. разрасталось «до ужасающих размеров»²²⁸.

Положение восточнославянского населения Австро-Венгерской империи усугублялось и этнической дискриминацией («недостатком прав»). Происходила она и в сфере образования, где преобладали польские и немецкие учебные заведения²²⁹. В восточнославянском населении Австро-Венгерской империи уровень просвещенности был очень низкий²³⁰, что делало его более восприимчивым к внешним воздействиям. Происходило вследствие этого формирование иной этнической специфики. Значительный поток таких переселенцев в течение длительного времени направлялся и на «русскую Волинь»²³¹. Данное определение охватывало тогда, следует заметить, всю правобережную Украину. Вследствие массового притока восточнославянского населения из сопредельного зарубежья в ее пределах создавались дополнительные условия для усиления различий.

Переселение австро-венгерских подданных происходило и в другие части Российской империи. Помимо галицийских

²²⁶ Там же.

²²⁷ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 459.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. С. 453–454.

²³⁰ Там же. С. 453.

²³¹ Там же. С. 455.

и карпатских русин, в славянскую колонизацию оказались вовлеченными поляки, словаки, словенцы, сербы и др. В составе переселявшихся, как установлено специальными исследованиями, преобладали чехи. Переписью населения в Российской империи 1897 г. австро-венгерских подданных в ее пределах зафиксировано 20,1% (более 100 тыс.). Переселения происходили на Кавказ и другие регионы²³². Но в этом случае существенно повлиять на формирование особой восточнославянской этничности они не могли. На правобережной же Украине, «русской Волыни»²³³, колонизация «галицийских крестьян» привносила в нее иные начала. Тенденция на формирование «украинства» и смену русинской (русской) идентичности с 70-х гг. XIX в. оказалась наиболее выраженной именно в их среде.

Усилению способствовали как естественные условия (отрыв от общего этнонационального контента), так и проводившаяся политика в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. Не случайно русинская идентичность в Галиции впоследствии исчезла и сохранилась только в Прикарпатье, где поддерживавшееся Веней польское влияние было не столь мощным. Объясняется это, на мой взгляд, не только насаждением различными способами иной культуры и тяжелыми экономическими условиями, которые для двух частей региона были одинаковыми. Немаловажную роль играл и демографический фактор. Восточные славяне (русины, русские) составляли в Галиции 43,7%, на еврейское население приходилось 11,8%²³⁴. Поляки, как видно, существенно преобладали, что обеспечивало неравные условия и для межэтнического контакта. При таких обстоятельствах происходит естественное подавление иных культур, что можно видеть на примере формирования российского казачества.

Но в Галиции такой результат достигался в том числе при помощи целенаправленной политики, способствовавшей про-

²³² Птицын А.Н. Переселенцы из славянских земель Австро-Венгрии на Северном Кавказе в конце XIX начале XX веков // Мир славян Северного Кавказа / ГНТУ «Кубанский казачий хор», Центр славянских исследований Кубанского государственного университета. Вып. 5. Краснодар, 2009. С. 96–97.

²³³ Франко И. Эмиграция галицких крестьян. С. 455.

²³⁴ Широкопад А.Б. Тайная история Украины. С. 291.

никновению польских элементов в одну из разновидностей восточнославянского диалекта и культуру. Происходившая трансформация порождала и в этом случае не учитывавшуюся специфику. На нее как раз между тем и наслаивалась пропаганда отождествления «украинцы». Сложившиеся предпосылки для нее были более благоприятными, чем на «русской Волини» или других частях правобережья Днепра. По наблюдению И.Я. Франко, именно существовавшие обстоятельства в восточнославянских провинциях Австрийской империи, в том числе выражавшиеся в нищенском существовании из-за постоянной крайней нужды, и ломали характер народа²³⁵, ослабляли его пассионарность. Надлому этничности способствовали и демографические показатели.

Если в Австрийской империи проживало 19,6% восточнославянского населения, а в малороссийских губерниях на правобережье и левобережье 80,4%, то к 1857 г. в первом случае доля сократилась до 17,2%, во втором – возросла до 82,8%²³⁶. Следует заметить, что в советский период при обращении к статистике считали возможным привнесение в нее более поздних наименований. Это допускал и В.М. Кабузан, автор изложенных выше подсчетов. Но в действительности украинской идентичности в первой половине и середине XIX в. еще не существовало. При исторических реконструкциях такие замены недопустимы, так как вследствие них искажается достоверность передаваемой информации и выводов. В систематизациях фактов должны применяться понятия, имевшие практическое применение в изучаемой действительности²³⁷. Использование обозначений, возникших «в одной социокультурной среде для описания ситуации в другой», по критериям научности, неправомерно²³⁸.

В среде восточнославянского населения, соприкасавшегося с польским, в пределах Российской империи процессы

²³⁵ Франко И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке. С. 488.

²³⁶ Кабузан В.М. Указ. соч. С. 146.

²³⁷ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 67.

²³⁸ Там же. С. 65.

складывания предпосылок для изменения направленности этнонациональной консолидации развивались медленнее. Но меры по защите русской идентичности принимались со значительным опозданием. Подтверждением, в частности, может служить выделение из Царства Польского Холмской губернии с преобладавшим восточнославянским населением. Необходимость ее образования обсуждалась в Петербурге более 50 лет, получив в конечном итоге государственную поддержку только в 1912 г. Восстановление же в крае «полуподавленной... русской народности» началось задолго до этого. С 1815 г., когда по решениям Венского конгресса он оказался в составе России, польское влияние стало постепенно ослабевать. В 1875 г. на Холмщине упраздняется униатская церковь, и все верующие объединяются православными приходами²³⁹.

Наиболее последовательно интеграция стала производиться в начале XX в. при поддержке П.А. Столыпина. Преобразование вызывалось и тем, что по указу от 17 апреля 1905 г. «Об упразднении начал веротерпимости» сняты были запреты на возможность перехода из православия в иные христианские исповедания. Вследствие этого обострился вопрос «быть или не быть русским в Холмской Руси, исчезнуть ей с лица земли или остаться русским авангардом» на Западе²⁴⁰. Обсуждение его состоялось на собрании местного православного Свято-Богородицкого братства 1 ноября 1905 г., которое, так или иначе, отражало существовавшие массовые настроения. Участники организационного мероприятия высказались «единодушно» за обращение к правительству с ходатайством о «выделении Холмщины в отдельную губернию»²⁴¹.

В Петербург была направлена специальная депутация. Под переданной ей в правительственные инстанции запиской «О необходимости выделения из состава Царства Польского Холмской Руси» стояли подписи большинства жителей. Поэтому процедура принятия решения была вполне демократичной. В нем учитывалось, прежде всего, мнение самого населения. Во

²³⁹ Борзова Е.С. История образования Холмской губернии // Славяноведение. 2014. № 5. С. 75.

²⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 77.

²⁴¹ Там же.

внимание была принята также «этнографическая и вероисповедная карта» с подсчетами соотношения «поляков и русских» в каждой местности («гмине»), составленная профессором Варшавского университета В.А. Францевым²⁴². По оценке попечителя Свято-Богородицкого братства епископа Люблинского и Холмского Евлогия, она отображала реальную ситуацию. Со стороны же различных польских группировок, в том числе и научных, были предприняты попытки опровергнуть этнографическую и религиозную статистику В.А. Францева, из которой следовал вывод о «русском большинстве Холмщины»²⁴³.

Дискредитация результатов его исследования не прекращалась в польских изданиях на протяжении ряда лет. В 1909 г. в Варшаве была выпущена даже книга С. Дзевульского «Статистика населения Люблинской и Седлецкой губерний по поводу проекта образования Холмской губернии»²⁴⁴. Опора в ней делалась на исповедальный признак. По приверженцам католицизма отмечалось преобладание польского населения. Епископ Евлогий в поддержку расчетов В.А. Францева заметил, что принадлежность к конфессии не отражает «принцип этнографический». По его утверждению, «многие католики» в Холмском крае «сохраняют русскую речь» и соответствующую ей идентичность²⁴⁵. По методикам определения национальной принадлежности в тот промежуток времени язык как раз и являлся основным показателем. Борьба «сторонников и противников» образования Холмской губернии происходила и в правительстве.

Проект неоднократно отвергался. В том, что он был все-таки принят, заслуга П.А. Столыпина, осознавшего раньше, чем другие представители руководства страны, важность его принятия для ограждения населения Холмской Руси от дальнейшей полонизации и обращения в католицизм. Поддержку ему в этом отношении оказывал и «Союз 17 октября», выносивший обсуждение вопроса даже на партийные съезды²⁴⁶.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же. С. 78.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ См. подробнее: Документы и материалы 3-го Всероссийского съезда «Союза 17 октября». Москва, 4–8 октября 1909 г. // Партия «Союз 17 октября». М., 2000.

На них также обосновывалась необходимость защиты интересов восточнославянского населения «Забужской Руси» и выделения Холмского края из «Царства Польского»²⁴⁷. В 1909 г. законопроект об образовании губернии из Министерства внутренних дел поступил в Государственную думу на рассмотрение комиссии законодательных предположений. Однако оно затянулось.

Для обсуждения создавалась подкомиссия, переименованная впоследствии в «Холмскую комиссию». В 1912 г. большинство ее членов все-таки согласилось с мнением о том, что выделение необходимо «в интересах коренного русского населения» и «целях предупреждения его ополячивания»²⁴⁸. Разграничительные работы в Холмском крае предварительно еще по распоряжению П.А. Столыпина уже проводились. В порядке управления Холмский край был переподчинен административным структурам Киевского генерал-губернаторства²⁴⁹. В одном из высказываний по ходу обсуждения в Государственной думе содержалось указание на то, что восточнославянское население в нем «более русское, чем польское»²⁵⁰. По нему можно проследить специфику состояния этнической эволюции на момент принятия решения. В нем существовала двойственность.

Образование же Холмской губернии усиливало и в этом крае тенденцию на формирование общерусского единства. Последствия процесса полонизации между тем административно-территориальным преобразованием не были устранены. Оно создавало лишь условия для последующих перемен. Укрепление восточнославянской личности на основе полонизации в Австро-Венгерской империи продолжалось. За счет этого и происходило становление альтернативы украинства, являвшейся составной частью проводившейся официальной политики. Разрушение же исторической кодификации под воздействием славянского фактора происходило наиболее интенсивно.

Самосознание также оказалось подверженным деформации. Но перегруппировка его, как показывает предшествующий

²⁴⁷ Там же. С. 113.

²⁴⁸ Борзова Е.С. Указ. соч. С. 80.

²⁴⁹ Документы и материалы 3-го Всероссийского съезда «Союза 17 октября». С. 113.

²⁵⁰ Борзова Е.С. Указ. соч. С. 80.

анализ по периоду Первой мировой войны, тем не менее не завершилась. Восточнославянское население оказывалось в Галиции более податливым к восприятию европейского националистического идеала. В зонах смешанной колонизации на юге Российской империи, напротив, в этнической эволюции преобладающими в силу ряда объективных причин оказывались неизменно интегрирующие для восточных славян начала при существенном ослаблении дифференцирующей тенденции. При этом языковой контент до 1917 г. не играл определяющей роли.

Глава III

Различия в восприятии действительности

§ 1. Малороссийская специфика

Одним из источников реконструкции существовавших в прошлом срезов реальности являются те или иные отображения этнографизма¹. Запечатленные в литературных произведениях, они также позволяют делать определенные научные наблюдения. То, что обращение к истории и этнографии, создание литературы на родном языке укрепляют степень «отдельности и автономии малороссийской народности», известно было и во второй половине XIX в.² Проводившаяся в Российской империи политика, вопреки утвердившимся представлениям, не способствовала подавлению самобытности, но наряду с сохранением особенностей в восточнославянской среде, создавались вследствие ее проведения и условия взаимности³. Этнографизм же в консолидационном процессе являлся показателем незавершенности.

Однако малороссийское измерение не воспринималось при его отображении как нечто обособленное. Именно оно использовалось в свое время в качестве дифференцирующей восточнославянскую этничность конкретизации. Н.С. Трубецкой более точным считал применение в данном случае названия «западнорусский»⁴, поскольку с иным объединительным смыслом обозначений в восточнославянской среде не существовало. Между тем указание «малороссийский» контент отображало исторически сформировавшуюся специфику. С таким же оттенком вошло в обиход наименование «белорусский». Для подтверждения своей точки зрения Н.С. Трубецкой ссылался на то, что специфика с дифференцирующими субэтническими признаками наблюдалась «в разных казачьих областях... Сибири и т.д.»⁵.

¹ Баранов А.В. Методы исследования пограничных сообществ в исторической географии (на материалах Юга России). С. 70.

² Аксенова Е.П. Т.Г. Шевченко и национальный подъем украинского народа во взглядах А.Н. Пыпина // Славяноведение. 2014. № 6. С. 75.

³ Там же. С. 77.

⁴ Трубецкой Н. К украинской проблеме. С. 499.

⁵ Там же. С. 507.

Обратимся к анализу наиболее значимых вариантов творчества, в которых воспроизводился, так или иначе, малороссийский контент. В соответствии с критериями исторической справедливости нераздельность восточнославянского сообщества своеобразно, как писатель, обосновал еще Н.В. Гоголь, отмечая наличие «обеих природ» в своей душе, «хохлацкой» и «русской»⁶. Их связь, по его убеждению, нераздельна. Сродность русских и малороссов Н.В. Гоголь образно охарактеризовал как «души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные»⁷.

Согласно его представлениям, «для всех родных племен» должен утвердиться один язык. Писатель подвергал сомнению и использование малороссийского наречия в литературных произведениях, отдавая предпочтение варианту «писать по-русски»⁸. Современники воспринимали Н.В. Гоголя «как малоросса по происхождению», но «русского по духу»⁹. Однако привязанность его к родному краю была не менее сильной, что также заметно по его произведениям. Как малоросс по происхождению, в великорусских реалиях Н.В. Гоголь видел и нечто отдаленное. Этим объясняется и сатиризм в их передаче¹⁰.

В 40-е гг. XIX в. Т.Г. Шевченко, знавший местную специфику и передававший ее в своих литературных произведениях, с учетом существовавших настроений не допускал возможности разъединения восточнославянского сообщества. Мнение об этом по различным поводам он излагал неоднократно. Между тем сложилось представление, что именно Т.Г. Шевченко сформулировал украинскую национальную идею. В некоторых случаях это оговаривается тем, что он не отрывал ее от русской¹¹.

⁶ Корнилов Д.В. Дух Переяславской Рады и общественно-политическая мысль Украины конца XIX–XX вв. // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов Вып. 2. Донецк, 1994. С. 10.

⁷ Цит. по: Широкопад А.Б. Тайная история Украины. С. 286.

⁸ Там же.

⁹ Линниченко И. Малорусский вопрос и автономия Малороссии // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998. С. 267.

¹⁰ Пыпин А. Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) // В кн.: Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Ранние статьи. 1831–1833. М., 2009. С. 19.

¹¹ Мирошниченко П.Я. Эволюция украинского национализма и взаимоотношения Украины с Россией // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф.

Однако данное утверждение нуждается в уточнении. Стихи Т.Г. Шевченко действительно писал, как было принято говорить в то время, на «наречии», а прозу, в том числе и дневник, – на общерусском языке, обобщавшем диалектные различия¹².

Такой подход в восточнославянской среде был распространен в Российской империи и имел официальную поддержку. Тем самым подтверждалась правомерность существования «двуязычия», совмещения дифференцирующих малорусских (украинских) и общих (русских) начал в этническом развитии. Вполне конкретно свое мнение об этом Т.Г. Шевченко выразил в таком пожелании: «Пускай... не размежеванною остается навеки от моря и до моря – славянская земля». Ему же принадлежит и изречение «все мы славяне»¹³, в котором можно усмотреть указание на идею панславизма, весьма популярную в тот промежуток времени в определенных кругах творческой интеллигенции.

Вместе с тем указание «от моря и до моря» свидетельствует все же о том, что имелась ввиду неделимость именно территории исторической Руси, превратившейся по мере роста в восточнославянскую и евразийскую империю. В специальных исследованиях высказывалась даже научная гипотеза, согласно которой название «Русь» имело собирательное значение и отображало процессы этнической консолидации. Таким притяжением, но уже в евразийском масштабе, впоследствии стала обладать Россия, превратившись в своего рода идею государственного объединения для сопредельных народов.

Сложилось мнение, что в своем творчестве Т.Г. Шевченко «давал... выражение националистическим чувствам»¹⁴. Однако в нем содержатся при общем преобладании мотивов любви к Украине и упоминания, в которых можно усмотреть признание общерусского единства восточных славян. На это, в частности,

Тезисы докладов Вып. 2. Донецк, 1994. С. 22.

¹² Шевченко Т. Стихотворения и поэмы. 1847–1861 // В кн.: Шевченко Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1977; Шевченко Т. Дневник (с 12 июня 1857 по 13 июля 1858 года) // В кн.: Шевченко Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М., 1977. С. 5–221.

¹³ Шевченко Т. Кобзарь. С. 157.

¹⁴ См. подробнее: Армстронг Д. Украинский национализм. Факты и исследования. Пер. с англ. М., 2008. С. 5.

указывает содержание одного из сюжетов об освоении «азиатской пустыни», с вполне конкретным отображением этнической общности: «мы нашли к ней путь»¹⁵. И это вряд ли можно свести к ничему не значащему эпизоду. «Националистические чувства», судя по всему, стали Т.Г. Шевченко приписывать позже. Касаясь прошлого восточных славян, он употреблял, так же как и другие, вполне определенно отражавшую код единства историческую классификацию «русская земля»¹⁶. Сам же термин «Украина» имеет давнее происхождение, о чем свидетельствует народный фольклор, запечатленный в творчестве Т.Г. Шевченко¹⁷ и других литераторов. Такое определение использовал и русский писатель А.П. Чехов, в соответствии с существовавшей практикой называя население «малороссами»¹⁸.

Наименование «украинцы» Т.Г. Шевченко также не употреблял. По отдельным его произведениям можно заметить, что восточнославянское население Российской империи он воспринимал как единое сообщество¹⁹. То, что слово «Украина» длительное время не соотносилось с народом, подтверждено и современными исследованиями²⁰. Анализ литературного наследия Т.Г. Шевченко показывает, что никакой украинской национальной идеи сформулировано в нем не было. Автор являлся сторонником единства всех славянских народов, достижение которого должно было произойти, как и предусматривалось соответствующим учением, под эгидой России. Это как раз и отображено в различных фрагментах его творчества²¹.

Да и население Украины Т.Г. Шевченко причислял к русскому народу²². Объединенное же в границах империи пространство, как можно судить по восприятию классика, являлось для него «православным отечеством»²³. В ответ на заявление А.И. Герцена «о праве Украины на независимость», опубли-

¹⁵ Шевченко Т. Кобзарь. С. 371.

¹⁶ Там же. С. 622.

¹⁷ Шевченко Т. Кобзарь. С. 303, 313, 324, 326.

¹⁸ См. подробнее: Чехов А.П. Остров Сахалин. М., 2004.

¹⁹ См. подробнее: Шевченко Т. Кобзарь. С. 371.

²⁰ См. подробнее: Толочко П. Указ. соч. С. 6.

²¹ Там же. С. 157, 215.

²² Автобиография. (Письмо Т.Г. Шевченко к редактору журнала «Народное чтение»). С. 22.

²³ Шевченко Т. Дневник. М., 1954. С. 34, 50.

кованное в журнале «Колокол», видный историк Н.И. Костомаров, взгляды которого разделял и Т.Г. Шевченко, высказал возражение²⁴. С опорой на знание преобладавших настроений у населения края он обратил внимание на следующее несоответствие действительности: «Никто из нас не думает об отторжении Южной Руси от связи с остальной Россией. Напротив, мы бы желали, чтобы все другие славяне соединились с нами в союз, даже под скипетром русского государя»²⁵.

В сюжете о необходимости устранения для достижения такого объединения «всепожирающей татаро-немецкой московщины», отнюдь не безупречном по стилю, Н.И. Костомаров запечатлел и оппозиционность по отношению к российскому монарху. Но вместе с тем он выразил надежду, что он может все же сделаться «государем свободных народов» (1859)²⁶. Несмотря на существовавшие отклонения, важность сохранения этнической общности восточных славян поддерживали в XIX в. многие видные деятели отечественной культуры. Вызвавший дискуссию вывод профессора Гарвардского университета Г.Ю. Грабовича о том, что Т.Г. Шевченко не является «национальным поэтом»²⁷, подтверждается между тем содержанием его творческого наследия.

Однако он не был и космополитом. Такое определение в XIX в. имело далеко не всегда точное применение. Американский ученый заимствовал его с опорой на источники, относящиеся именно к тому периоду. Между тем Т.Г. Шевченко являлся порождением российской действительности, и его творчество передавало с относительной достоверностью одно из процессуальных состояний этнической эволюции, в которой прослеживалась сохранявшаяся в тех условиях восточнославянская специфика. Превращение же его литературного наследия в «национально-консолидирующий миф Украины» произошло впоследствии без анализа всех его аспектов. Объективное восприятие в нем, как

²⁴ Заславский Д. М.П. Драгоманов. (К истории украинского национализма). С. 62.

²⁵ Цит. по: Там же.

²⁶ Цит. по: Там же.

²⁷ Цит. по: Байдалова Е.В. «Лицом к лицу лица не увидать?» Исследования жизни и творчества Т.Г. Шевченко в постсоветской Украине и за ее пределами // Славяноведение. 2014. № 6. С. 71.

и при любых других искажениях, отсутствовало. В привнесенных дополнениях в советскую эпоху «воображаемое сообщество и оказалось сконструированным в нацию»²⁸.

Поэзия Т.Г. Шевченко содержит, безусловно, мотивы малороссийского патриотизма. Но в ней отображалось отнюдь не национальное. Такой реальности в то время не существовало. В поэзии, как и в других видах творчества Т.Г. Шевченко, воплощался восточнославянский субэтнический контент. Универсальное же имело не «космополитическое», а общероссийское обобщающее содержание. Разница в восприятии восточнославянского сообщества тем не менее в художественном творчестве прослеживается. Н.В. Гоголь, например, отображал настрой у населения Украины на общерусское единство, а Т.Г. Шевченко – особенность его этничности, которая вдали от родных мест была ему наиболее близка. Но из таких противоречий состояла и реальность.

Возведение провинциальных мотивов в преобладающие стандарты творчества Н.В. Гоголь считал недопустимым. По его представлениям «малороссам и русским... нужна одна поэзия, спокойная и сильная... нетленная поэзия правды, добра и красоты»²⁹. Изложенные суждения относились к оценке стихотворного творчества Т.Г. Шевченко, в котором Н.В. Гоголь видел «дегтю много»³⁰. Критические размышления писателя опирались лишь на часть действительности. А в ней одного измерения не существовало. Подходы в отображении реалий в XIX в. поэтому имели различия. В отечественной литературе, так же как и в исторической науке, происходила в связи с этим борьба мнений. Восточнославянская идентичность на левобережье и правобережье Малороссии имела исторически сложившиеся отличия, которые как раз и воспроизводили в своих произведениях Н.В. Гоголь и Т.Г. Шевченко. Но они оба не чужды были идеи общеславянской федерации (панславизма), пользовавшейся в период их творческих исканий широкой популярностью³¹.

²⁸ Там же.

²⁹ Цит. по: Широкоград А.Б. Тайная история Украины. С. 286.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

В восточнославянской среде между тем продолжали встречаться сложившиеся за века разъединения противопоставления «мы – они». Соприкасавшиеся с действительностью между тем отмечали, что «настоящей племенной вражды у добродушных южнорусов никогда не было к москвичам»³². Схожие же противоречия из-за внутренних этнических различий существовали и между восточнославянским населением великорусских губерний³³. Сохранившиеся противопоставления «мы – они» в южных ареалах как раз и употреблял в ряде произведений Т.Г. Шевченко, достоверно отображая реалии народного фольклора. Распространенным в нем было и название «москали»³⁴. Использование его с сопроводительным пояснением «чужие люди» в повествовании «Катерина» (1838)³⁵ доказательством наличия «националистической романтики» в творчестве Т.Г. Шевченко не является.

Слово «москали» являлось наследием польского влияния и соотносилось со всеми, кто служил в русской армии³⁶, в том числе и с рекрутами из местных, которые в описываемый период привлекались уже в ее состав. Исключением не становились и помещики («паны»), получавшие офицерские звания. Они также назывались «москалями», хотя в массовом сознании, как можно судить по анализу сюжетов, смысловая оппозиция имела отношение к «Московщине»³⁷. В.И. Даль установил ее распространенность именно на юге. В его передаче слово «москаль» означало «москвич, русский, солдат, военнослужащий»³⁸. Конкретный персонаж в повествовании «Катерина», достигший на службе начальствующего положения и более высокого благосостояния, как можно судить по тексту, являлся выходцем из «Малороссии». Так что мотивы творчества Т.Г. Шевченко позволяют видеть и иные реалии в восточнославянском сооб-

³² Царинный А. Указ. соч. С. 265–266.

³³ Там же.

³⁴ Шевченко Т. Кобзарь. С. 48, 52.

³⁵ См. подробнее: Там же. С. 48–67.

³⁶ Там же. С. 411, 655.

³⁷ Там же. С. 52.

³⁸ Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 2: И–О. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. СПб., М., 1881. С. 349.

ществе, обретавшем при сохранении различий так или иначе национальное единство.

Выражение это находило и в исполнении с момента введения рекрутской повинности. Желание «защищать отечество», как известно, является важнейшим показателем подданства (гражданства), то есть устойчивой связи с государством. Распространение этой обязанности на население малороссийских губерний каких-либо осложнений не вызывало. Подсчеты, производившиеся в середине XIX в., показывали, что рекрутские наборы происходили «очень уравнительно по числу ревизских душ» с центральными районами страны. Восприятие же повинности каких-либо отличий от великорусских губерний не имело³⁹. Такое же отношение прослеживалось и в период, когда она стала всеобщей.

Встречавшиеся в восточнославянской этнической среде противопоставления между тем являются, безусловно, показателем незавершенности консолидации. Об этом свидетельствует, в частности, письменное обращение накануне польского восстания 1863 г. представителя генерал-губернаторства Г.П. Галагана к высокопоставленному администратору края М.В. Юзефовичу. В нем сообщалось следующее: «никогда и ни за что не могу изменить своей глубокой любви к родному племени; но верьте мне, не менее вас чувствую себя русским, и племенная отдельность от москаля дает себя чувствовать во мне в нашем семейном русском кругу и умолкает лицом к лицу с ляхом, перед которым я жму к сердцу москаля, как брата, и благословляю Переяславский договор»⁴⁰. Г.П. Галаган в обращении пояснил, что «малороссийский элемент может служить самым верным оплотом против врагов, посягающих на русскую народность»⁴¹.

Сведения, содержащиеся в послании, отражали, безусловно, этнополитическую ситуацию в генерал-губернаторстве,

³⁹ Чернышевский Н.Г. Из № 6 «Современника». Труды комиссии, высочайше учрежденной при императорском университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Том третий. Киев. 1855 // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. М., 1948. С. 609.

⁴⁰ Цит. по: Заславский Д. Указ. соч. С. 61, 236, 239.

⁴¹ Там же. С. 61.

так как автор относился к «помещичьему классу», который непосредственно занимался проблемами управления на местах. Настроенность масс ему была известна. Ее носителем являлся и сам Г.П. Галаган. Принадлежность его к «украинофильским» кругам Малороссии неслучайна. Однако радикальные взгляды, предполагавшие в той или иной форме ослабление связанности восточных славян, Г.П. Галаган осуждал. Эти течения в среде студенческой молодежи он считал опасными, призывая редакцию журнала «Основа», издававшегося в Петербурге, вести с ними борьбу⁴². Из текста вместе с тем видно, что в условиях второй половины XIX в. местная восточнославянская специфика рассматривалась как составная часть общерусского национального контента. Самобытность частей в восточнославянском сообществе не подавлялась.

Наименование «украинцы» в XIX в. употреблялось редко. Поскольку в произведениях Т.Г. Шевченко оно не встречается вовсе, можно предполагать, что в обиход определение входит позже. Переселявшиеся на восточные окраины в начале XX в. по столыпинской аграрной реформе из «малороссийских губерний» во всяком случае обладали уже таким самосознанием. Вдали от «родных мест»⁴³, безусловно, стремление к сохранению личности могло обостряться. Это прослеживалось и у казачества, представители которого также, попадая в различные регионы Российской империи, испытывали повышенную приверженность к своей самобытности. В восприятии восточнославянского сообщества дифференциация внутренних этнических различий стала производиться только с середины XIX в. В качестве альтернативы зарождается и идеология украинского национализма. Формировавшие ее представители интеллигенции, тем не менее «считали Киевскую Русь общей колыбелью русских, украинцев и белорусов» и, соответственно, не допускали возможности их разъединения. Предлагалась лишь автономия в составе России⁴⁴.

⁴² Там же. С. 61–62.

⁴³ Голушко Н.М. Моя украинская семья. С. 22.

⁴⁴ Ткаченко Г.С. Фашизм и русофобия – основа идеологии украинского национализма // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008. С. 19, 21.

В описании вариаций украинской самобытности каких-либо объективных причин для ее отрыва от общерусского национального контента не видел, как можно судить, и представитель восточнославянской интеллигенции Австро-Венгерской империи И.Я. Франко. По убеждению писателя, «отделить украинскую землю от России» невозможно «даже в самой буйной фантазии», и на это те, у кого «есть хоть капля политического здравого смысла», решиться не могут⁴⁵. О том, насколько компетентны критические замечания И.Я. Франко по поводу разъединяющей восточных славян теорий, свидетельствует хотя бы то, что он занимался не только разнообразным художественным творчеством, публицистикой, но и наукой. Систематизации автора опирались, как правило, на различные источники, в том числе и непосредственные наблюдения за жизнью.

Родившись и прожив всю жизнь в Галиции, И.Я. Франко относился как раз к тем, кто на основе сохранявшейся у части населения исторической памяти воспринимал восточных славян, несмотря на разделенность границами, в качестве единого сообщества⁴⁶. Как представитель интеллигенции зарубежной Руси, понимавшей местную специфику и настроения масс, он вел борьбу против экспансии католицизма, направленной на насаждение прозападного вектора развития. За свои убеждения И.Я. Франко подвергался преследованиям как со стороны австрийских властей, так и украинских националистов⁴⁷. Несмотря на это, он продолжал выражать существовавшие тогда в Галиции преобладавшие в народных массах настроения. «Мы любим великорусский народ, желаем ему всяческого добра, любим и изучаем его язык и читаем на этом языке... И русских писателей, великих светочей в царстве духа, мы знаем и любим»⁴⁸, – писал И.Я. Франко.

Если Н.В. Гоголь и Т.Г. Шевченко передавали в своем творчестве различия в состоянии восточнославянской этничности

⁴⁵ Франко И. Из писем. Е.К. Тригубову // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 471, 685.

⁴⁶ Крыжановский С., Турганов В. Иван Франко (1856–1916) // В кн.: Франко И. Стихотворения и поэмы. Рассказы. Борислав смеется. Пер. с укр. М., 1971. С. 5–6, 9–10.

⁴⁷ Там же. С. 9–10

⁴⁸ Цит. по: Франко И. Искренность тона и искренность убеждений. С. 257.

на левобережье и правобережье Малороссии, то И.Я. Франко отображал ее специфику в Галиции. В их описаниях прослеживаются три вариации, имевшие в XIX – начале XX вв. еще признаки общерусского единства. При этом, если Н.В. Гоголь и Т.Г. Шевченко не употребляли определения «украинцы, украинский народ», то И.Я. Франко использовал весьма часто эти конкретизации. На основе этого можно сделать вывод, что они вошли в обиход именно в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. Происходило это преимущественно со второй половины XIX в.

Анализ различных вариантов творческого наследия показывает, что Н.В. Гоголь являлся сторонником более прочных форм восточнославянского единства. Т.Г. Шевченко, как установлено в том числе современными исследованиями, не чужд был идеи федерализма⁴⁹, которая тем не менее в его представлениях не имела четких очертаний. Она соединялась нередко с возможностью создания общеславянского государства. И.Я. Франко, отстаивая необходимость усиления связей с Россией, делал ставку на оформление украинской культуры в среде русинов Галиции, не исключая нахождения восточнославянских провинций в составе Австро-Венгерской империи и в дальнейшем. Однако преобладающими там в среде народа, в том числе и в определенных кругах интеллигенции, были все же настроения на установление этнонационального единства «от Карпат и до Камчатки». Массовое их выражение как раз и наблюдалось в экстремальных условиях.

§ 2. Восточнославянский федерализм

Варианты отображения единства восточнославянского сообщества во второй половине XIX в. оказывались преобладающими и в различных научных форматах творчества. Воспроизводились в нем вместе с тем и особенности. На «этнографизме» основывались, как показывает предшествующий анализ, создававшиеся на малороссийском наречии литературные произведения. Уделялось внимание его осмыслению и в

⁴⁹ Задорожнюк Э.Г. Тарас Григорьевич Шевченко и идея славянского единения // Славяноведение. 2014. № 6. С. 62.

отечественной исторической науке. Изучением местного права, колонизации, запорожского казачества, «инородческого» населения южных степей и федерализма в Древней Руси занимался коллектив ученых Киевского императорского университета⁵⁰.

Работавшая в нем профессура во второй половине XIX в. продолжала отстаивать концепцию «единого русского народа», населяющего пределы «Малой, Белой, Черной и Червонной» Руси⁵¹. Разработкой ее, в частности, занимался профессор А.А. Котляревский, преподававший славянскую филологию⁵². Имея малороссийское происхождение, он знал и местную языковую специфику⁵³. Сравнения же восточнославянских наречий указывали на наличие этнической общности. История самоуправления и областей (главным образом малорусских и сибирских) приоритетной являлась для Харьковского императорского университета⁵⁴.

Так что самобытность внутренних восточнославянских различий, равно как и элементы федерализации в их объединении на разных этапах, так или иначе, становились предметом исследований. Одним из тех, кто специализировался по проблеме восточнославянского федерализма, был представитель исторической школы Киевского императорского университета М.П. Драгоманов. Являясь его выпускником, а впоследствии и преподавателем, он наиболее последовательно отстаивал необходимость утверждения такой модели этнического объединения.

Вхождение Украины в состав России М.П. Драгоманов рассматривал как воссоединение и высоко оценивал вклад Б. Хмельницкого в это свершение. У переяславских решений, как считал ученый, существовала широкая народная поддержка. До 1654 г. она уже находила выражение в массовом перемещении восточнославянского населения из Польши в «московские земли», где обеспечивался тогда для исповедо-

⁵⁰ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 444–446.

⁵¹ Царинный А. Указ. соч. С. 166.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). С. 444–446.

вавших православие спасительный приют от угнетения и притеснений за веру⁵⁵. Осуждая «обрусение», М.П. Драгоманов не видел вместе с тем, что оно носило естественный характер и было связано с процессами этнонациональной консолидации, усилившейся во второй половине XIX в. Следствием проводившейся политики она не являлась.

Не случайно усиление тенденции «обрусения» наметилось с 1863 г., когда ограниченным оказалось польское влияние, особенно в сфере образования. Исключалась после отмены крепостного права и ее материальная поддержка шляхтой. Заинтересованность во вложении средств с освобождением крестьян была подорвана. Начальное звено в образовании ранее и в великорусских губерниях финансировалось помещиками и, так же как местное управление, от них, соответственно, зависело. Польское шляхетство, получившее все права русского дворянства, в этом отношении не являлось исключением. Это сохраняло за ним, по сути, прежние возможности по насаждению «украинства».

В восточнославянском сообществе сложилась, как уже отмечалось на примере казачества, особая традиция восприятия пространства. Представления о нем складывались по факту расселения. Осваивавшиеся территории, в том числе в народном самосознании, отождествлялись с Русью. Однако в малороссийскую среду со второй половины XIX в. стали приноситься представления иного рода. Основывались они на копировании европейского опыта, отображавшего процессы формирования национальных государств. Заимствование его производилось через публицистику и отдельные группировки, объединявшиеся в кружки. Малороссийская специфика проецируется на европейские реалии. Популярностью пользовались и соответствующие теории о «сущности нации»⁵⁶, получавшие в тот промежуток времени широкое распространение в странах Запада.

Между тем в отличие от них в Российской империи с раз-

⁵⁵ Сокуренок В.Г. Демократические учения о государстве и праве на Украине во второй половине XIX века. (М. Драгоманов, С. Подолинский, С. Терлецкий). С. 123–124.

⁵⁶ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. С. 52.

личной степенью интегрированности происходило формирование согражданства. Она становилась отечеством для многих народов. Восточнославянское сообщество и при сохранении различий консолидировалось в этнонацию. Показателем этого являлось, в частности, солидарное взаимодействие в различных событиях. Субэтническая же специфика восточнославянских различий при этом унификации не подвергалась. Именно на нее и переносился европейский опыт создания национальных государств, описание которого широко было представлено в публицистике. Из-за непонимания особенностей этнополитических трансформаций в Российской империи и наметилось заимствование теорий, появлявшихся за рубежом. Националистическая доктрина среди них во второй половине XIX в. была самой востребованной.

Под влиянием связанных с ней идей в тот промежуток времени предпринимаются попытки и обозначения принадлежащих якобы Украине территорий. В определенных кругах производилось обсуждение и ее границ. М.П. Драгоманов также принимал в этом участие. Отстаивая необходимость сохранения государственного единства восточных славян, он осуждал вместе с тем любые проявления сепаратизма. По убеждению ученого, при помощи выверенной в разумных пределах федерализации связей сохранение самобытностей в восточнославянской среде возможно⁵⁷.

В польском восстании 1863 г. М.П. Драгоманов видел стремление к отделению от России. Однако намерения отдельных вдохновителей мятежа восстановить границы, существовавшие до 1772 г., он рассматривал как заблуждения, идущие в разрез с критерием исторической справедливости. Организаторы восстания добивались, как известно, наряду с предоставлением независимости Польше признания за ней права на Галицию, Белоруссию, Литву и всю правобережную Украину⁵⁸. М.П. Драгоманов считал эти притязания необоснованными и выступил с их критикой. Идеалом его являлось преобразование Российской империи в федерацию. Признаки такого устройства

⁵⁷ Сокуренько В.Г. Указ. соч. С. 29.

⁵⁸ Там же С. 41.

М.П. Драгоманов находил во взаимосвязи с государством древнеримских общин. Обеспечивалась она договором, допускавшим свободу во внутреннем самоуправлении и определенную самостоятельность. Категория же «податных общин» в противоположность отмеченной имела ограничения. Их функционирование регламентировалось более жестко⁵⁹.

«Федеративные общины» в римских провинциях, напротив, пользовались «административной независимостью». Для них сохранялось «собственное законодательство и судопроизводство». На своей территории «федеративные общины» обладали полнотой прав и от римского наместника не зависели⁶⁰. Выделяя эти особенности, М.П. Драгоманов, как историк, специализировавшийся когда-то по античности, склонен был воспринимать именно этот опыт в качестве образцового. Между тем он был весьма разнообразен. В обустройстве территорий «древний Рим» использовал и централизующий принцип, рассматривая в качестве государственных все «вновь завоеванные земли»⁶¹.

В современных ему практиках М.П. Драгоманов замечал немало недостатков⁶². В европейских реалиях подходящего варианта федеративного устройства он не находил. В «коронных краях» Австро-Венгерской империи к недостатку М.П. Драгоманов относил наличие преимуществ для какого-либо меньшинства. Федерализация в этой стране сочеталась с националистическими устремлениями, в которых нередко автономия провинций определялась, по его выражению, «соответственно историческим воспоминаниям»⁶³. Осуждая наметившуюся централизацию в Швейцарии после 1848 г., частично уменьшившую самостоятельность кантонов, М.П. Драгоманов в качестве положительного результата преобразований считал сохранение «большого простора» для местных правительств и общинного самоуправления. Однако усиление общего надзора центральной власти, укрепившего ее «законодательную и административную силу», ученый ошибочно, на мой взгляд,

⁵⁹ Там же. С. 78, 87.

⁶⁰ Там же. С. 87.

⁶¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. Пер. с сербо-хорватского. М., 1992. С. 215.

⁶² Сокурено В.Г. Указ. соч. С. 87.

⁶³ Цит. по: Там же. С. 78.

признавал отрицательным явлением, сужавшим параметры федерализации⁶⁴.

Введение «административного децентрализма и автономии мест», в соответствии с воззрениями М.П. Драгоманова, должно произойти и в России. Препятствий каких-либо для этого он не видел. Предпосылки к установлению федеративных связей в России, по представлению М.П. Драгоманова, содержались в земствах, к деятельности которых «тянется все самое разумное»⁶⁵. Преобразование же государственного устройства должно затронуть, в том числе и окраины, населенные «неславянскими» народами. За основу же российского федерализма М.П. Драгоманов предлагал взять «особенности географического, экономического и этнографического характера»⁶⁶.

С учетом же региональных различий, по его проекту, страну следует разделить на «20 земель». Особым статусом в нем предусматривалось наделить такие территории, как «северную, озерную, балтийскую, литовскую, польскую, белорусскую, полесскую, киевскую, одесскую, харьковскую, московскую, нижегородскую, казанскую, уральскую, саратовскую, кавказскую, западносибирскую, восточносибирскую». Автономию в составе России должны были обрести также «казацьи земли и земли Средней Азии»⁶⁷. При этом М.П. Драгоманов считал, что «интересы разных народов» империи «общие». Национализм, распространявшийся с 70-х гг. XIX в. в Галиции способен, по его заключению, принести только вред и «заслепляет глаза»⁶⁸.

М.П. Драгоманов предупреждал, что «украинство нельзя замыкать в круг казацкого романтизма»⁶⁹. Восточнославянское население Галиции и Буковины он также относил к малорусам, считая правомерным вместе с тем использование имевшего распространение там в тот промежуток времени наименования «русины». Классификацию «украинцы», входившую в употребление во второй половине XIX в., М.П. Драгоманов считал

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 79.

⁶⁶ Цит. по: Там же. С. 90, 93.

⁶⁷ Там же. С. 93.

⁶⁸ Там же. С. 120, 135.

⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 120.

искусственной, обращая внимание на то, что она появилась под влиянием поляков, в среде которых бытовали представления, что «русины... только разновидность» их нации⁷⁰. На этом основывались и притязания на «исторические границы... 1772 г.»⁷¹, проводившиеся идеологами по Днепру.

После пребывания в зарубежной научной командировке от Киевского университета с 1870 по 1873 гг. и знакомства с западноевропейской литературой националистического содержания М.П. Драгоманов в публикациях предпринимает, так или иначе, попытки ее осмысления⁷². В предисловии к изданному в Женеве сборнику «Громада» он впервые произвел обозначение границ Украины⁷³. Выпуски производились с 1878 по 1882 гг. Издано всего пять номеров, следовательно, обозначение границ Украины отображено в предисловии М.П. Драгоманова к четвертому⁷⁴. Появление его писатель и ученый из Галиции И.Я. Франко в переписке датирует 1880 г.⁷⁵ Требование «самоуправления, автономии, отделения» от России М.П. Драгомановым и в этом случае не выдвигалось. Предусматривалось лишь разделение территории на самостоятельные области: «Украина правобережная, левобережная, новороссийская»⁷⁶. Каждая из них, по мнению М.П. Драгоманова, имела свою этнокультурную восточнославянскую специфику.

Объективные отечественные исследования на этот счет отсутствовали. Русские историки не придавали этому факту какого-либо значения и не признали необходимость их проведения. При формировании восточнославянской этнической общности колонизация сопредельных пространств являлась обычной, на какие-либо субэтнические составляющие она не подразделялась. При совмещении населения преобладающими

⁷⁰ Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. С. 41–43.

⁷¹ Там же. С. 61.

⁷² Заславский Д. М.П. Драгоманов. (К истории украинского национализма). С. 112–113.

⁷³ Франко И. Из писем. Элизе Ожешко. Львов, 31 марта 1886 // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 566–567.

Примечание: слово «громада» в переводе с украинского означает «община». Заимствовано оно из польского языка.

⁷⁴ Заславский Д. Указ. соч. С. 167.

⁷⁵ Франко И. Указ. соч. С. 566–567.

⁷⁶ Заславский Д. Указ. соч. С. 150.

становились общерусские начала. Между тем в отрыве от того, что было на самом деле, появлялись и не соответствовавшие действительности оценки процесса восточнославянской колонизации, находившие, в том числе мифологизированное отражение в массовом сознании. Фиксировалось оно и в литературных произведениях.

В соответствии с распространявшимися представлениями о характере смешанной восточнославянской колонизации в пространство Украины стали включаться территории Слобожанщины (Харьковской, Воронежской и Курской губерний) и Новороссии (Екатеринославской, Бессарабской, Херсонской, Таврической и других южных губерний). К городам же ее были отнесены Одесса и даже Кишинев⁷⁷. Такое восприятие не соответствовало складывавшейся ситуации на юге Российской империи. Население здесь вследствие объективных обстоятельств обретало иную восточнославянскую идентичность, основывавшуюся на общерусской национальной консолидации. В пределах новороссийских губерний связанные с ней процессы развивались наиболее интенсивно. С включением их в состав Украины при определении границ М.П. Драгоманов вместе с тем противопоставил свои взгляды устремлениям сепаратистов. Полемизируя с ними, он указал на то, что «московское царство все-таки выполнило» для нее «элементарную географически-национальную задачу»⁷⁸.

В восточнославянской федерации для Новороссии, имевшей смешанную заселенность, как видно, предусматривался особый автономный статус. М.П. Драгоманов был сторонником сохранения единства «сильной великой» России, отстаивая лишь необходимость образования в ее составе автономных областей⁷⁹. Разделял он также идею Кирилло-Мефодиевского братства, в которое входил когда-то и Т.Г. Шевченко, о необходимости образования «общеславянской федерации»⁸⁰. В популярных в свое время периодических изданиях «Киевский

⁷⁷ См. подробнее: Франко И. Русско-украинский театр. (Исторические очерки). С. 159, 166, 169; Шевченко Т. Дневник. С. 77.

⁷⁸ Заславский Д. Указ. соч. С. 8.

⁷⁹ Там же. С. 72, 74.

⁸⁰ Там же. С. 111.

телеграф» и «С.-Петербургские ведомости» печатались написанные М.П. Драгомановым статьи на эту тему. При помощи них по сути велась пропаганда необходимости установления «общеславянского единства»⁸¹. М.П. Драгоманов, как ученый, заявлял и о стремлении «относиться беспристрастно ко всем проявлениям взаимодействия племен и сословий в... отечестве»⁸².

В ответ на размещение в газете «Правда», органе формировавшегося в Галиции «украинского движения», нескольких статей, содержавших «резкие нападки на русское правительство» за якобы допускавшееся в его политике «угнетение Украины», он из-за границы направил входившему в редакционную коллегию В. Навроцкому осуждающее письмо. В нем М.П. Драгоманов подверг критике требование автономии и «предоставления большей самостоятельности» Украине. В письме указывалось, в частности, на то, что она «как национальность... еще не выступила в России и сама себя не знает»⁸³. Внимание представителей украинского движения в Галиции обращено и на помощь русского правительства в организации мероприятий по изучению особенностей восточнославянского населения западных областей⁸⁴. В заключении письма М.П. Драгоманов адресовал редакции такую просьбу: «Оставьте нам самим вместе с великороссами реформировать Россию»⁸⁵.

Некоторые идеологи украинского проекта второй половины XIX в. включали в него и Белоруссию. М.П. Драгоманов, тем не менее, за ее населением признавал все же «право на самостоятельное национальное развитие». Однако, по его мнению, становление культуры белорусского народа происходило под огромным влиянием «польских и украинских элементов»⁸⁶. Выступая с критикой зарождавшегося «украинского государственного сепаратизма», М.П. Драгоманов обращал внимание его немногочисленных сторонников, что для осуществления

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Франко И. Указ. соч. С. 567.

таких намерений «нет никакой почвы»⁸⁷. Свои наблюдения на этот счет ученый отразил в письме от 26 февраля 1888 г. В нем в категоричной форме он в очередной раз вместе с тем заметил: «малорусского сепаратизма никогда не было»⁸⁸.

Такой вариант этнонационального развития, по оценке М.П. Драгоманова, «был уже погребен в 1846 г. в Костомаро-Шевченковском братстве»⁸⁹. В качестве подтверждения этому приводился «киевский панславизм»⁹⁰, ничего общего не имевший с сепаратистскими вожделениями. По поводу попыток разъединения восточных славян, находивших предварительные обоснования в националистических теориях, М.П. Драгоманов в 1890 г. опубликовал в журнале «Народ» специальную статью, в которой изложил свою точку зрения по этому вопросу. В категоричной форме в ней сделано предупреждение, что такая цель может быть достигнута только вследствие «всемирного катаклизма»⁹¹. По утверждению М.П. Драгоманова, «политически оторвать украинцев от великороссов» по-другому не получится⁹².

Наличие обобщающей федералистской тенденции при их национальной консолидации, как видно по его публицистике, выделялось и для последующих периодов. В отношении же взглядов М.П. Драгоманова распространялась ироничная оценка «гадячский сепаратизм». Привязывалась она к месту рождения в г. Гадяч Полтавской губернии⁹³. Однако в систематизированном виде его взгляды складывались в теорию, в наибольшей степени соответствовавшую реальности Малороссии, которую он, безусловно, знал не понаслышке. Знание основывалось не только на прочтении книг, но и наблюдениях за жизнью и настроенностью масс. «Украинство» воспринималось М.П. Драгомановым, по уточнению одного из его биографов, «естественно и просто, как непосредственная и бытовая обстановка»⁹⁴.

⁸⁷ Сокурено В.Г. Указ. соч. С. 129.

⁸⁸ Там же. С. 131.

⁸⁹ Цит. по: Там же. С. 132.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 38.

⁹² Там же.

⁹³ Заславский Д. Указ. соч. С. 22.

⁹⁴ Там же. С. 25.

Сотрудники российской жандармерии из-за присущей им профессиональной подозрительности в донесениях с мест склонны были преувеличивать степень распространенности настроений на «малороссийскую обособленность» в помещичьей среде. Относившийся к ней М.П. Драгоманов являлся последовательным противником альтернативы какого бы то ни было разобщения восточнославянского сообщества. Его же симпатии к «малорусской автономии»⁹⁵ вряд ли можно отождествлять с сепаратизмом в таком понимании. Элементы федерализма в государственном устройстве действительно существовали и в эпоху Руси. М.П. Драгоманов в своих трудах достойно представлял научную школу, сложившуюся в Киевском императорском университете, хотя судьба его как ученого складывалась непросто. Между тем его вклад в разработку проблемы восточнославянского федерализма оказался самым существенным.

Представления же о возможности такого обустройства всего имперского пространства содержали суждения, не учитывавшие специфики остальных российских регионов. Внутренние этнические различия восточных славян не подвергались разрушению. Имея и тогда признаки федерализма, они не должны были исчезнуть и в дальнейшем. Малороссийский контент являлся ценным достоянием восточнославянского цивилизационного и этнонационального синтеза. Усилия М.П. Драгоманова, направленные на его сохранение, были оправданы и заслуживали всяческой поддержки. Представители научного сообщества и государственной власти не смогли понять их значение. Возражая против обвинений в сепаратизме, М.П. Драгоманов в свое оправдание ссылался лишь на то, что «среди австрийских русинов» столько русских книг, сколько он, не распространял никто⁹⁶. Достаточно долго память об этом сохранялась и в определенных кругах творческой интеллигенции.

Даже настроенные на обособленность ее представители делились впоследствии с долей осуждения воспоминаниями о том, что никто «так много не способствовал насаждению

⁹⁵ Там же. С. 16.

⁹⁶ Там же. С. 132.

знакомства с русским языком и литературой в Галиции, как Драгоманов»⁹⁷. Между тем этот патриотический порыв, опиравшийся на личную инициативу, как нельзя лучше характеризует и его теоретические построения, предполагавшие полное восстановление и сохранение восточнославянской федерации в союзе с другими народами, входившими в состав империи. В начале XX в. деятельность М.П. Драгоманова всеми представителями интеллигенции после знакомства с его публицистикой воспринималась в качестве «общерусской»⁹⁸. Отрыв Украины от остального восточного славянства, по его утверждению, приведет к попаданию ее «под власть иностранных держав» и ей будет «уготована участь колонии»⁹⁹.

Идеи М.П. Драгоманова, и по более поздним оценкам, «легли в основу взглядов всего образованного украинского общества»¹⁰⁰. Объединяющей для них являлась перспектива восточнославянского федерализма. М.П. Драгоманов отстаивал необходимость установления национального единства при сохранении внутренних этнических различий, что отвечало критериям исторической справедливости. Именно в этом контексте, а не в каком-либо ином, он говорил с опорой на знание малороссийской действительности «о мирном сожительстве двух языков... литератур... близких культур – при условии свободы развития одинаковом для обеих»¹⁰¹. Необходимость образования восточнославянской федерации как представитель отечественной исторической науки второй половины XIX в. отстаивал и Н.И. Костомаров.

Создаваться она, по его представлению, должна с сохранением сформировавшейся местной самобытности. Функционирование федерации должно обеспечиваться «правительствами областными и федеральным», так же как в случае, если произойдет установление общего славянского единства, что

⁹⁷ Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого. С. 540.

⁹⁸ Гронковский К. Предисловие // В кн.: Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. Дозволено цензурой. Г. Казань, 18 ноября 1905 года. Казань, 1906. С. I.

⁹⁹ Сокурено В.Г. Указ. соч. С. 133.

¹⁰⁰ Дорошенко Д.И. Указ. соч. С. 540.

¹⁰¹ Там же.

Н.И. Костомаров не исключал¹⁰². Разделение же России, по его замыслу, должно произойти «на политические области этнографические и географические»¹⁰³. В соответствии с этими критериями и предусматривалось объединение «областей малорусских и великорусских»¹⁰⁴. Взгляды М.П. Драгоманова имели как сходство, выражавшееся в признании необходимости образования восточнославянской федерации, так и отличия, предполагавшие невозможность включения в нее зарубежных ответвлений этнического сообщества. Для них, по мнению ученого, необходимо отстаивать преобразование Австро-Венгерской империи в «федеративное государство вроде Швейцарии». Но поскольку там «национальности... перемешаны» этнографический принцип в ее пределах не осуществим¹⁰⁵.

В отечественных реалиях такая ситуация наблюдалась, следует заметить, в Новороссии, Степном крае и в некоторых других южных ареалах. Восточнославянский федерализм, отражавшийся в исследованиях и публицистике М.П. Драгоманова, имел соответствие реальности. При попытках реализации в качестве варианта государственного обустройства он мог, безусловно, получить массовую поддержку. Исторические взгляды М.П. Драгоманова по проблеме сохранения формирующегося восточнославянского единства расхождений с итогами этнического развития не имели. Интерес к европейским теориям национализма, проявленный во время пребывания за границей, не оказал на них существенного влияния. Определяя границы Украины, М.П. Драгоманов не допускал возможности ее отделения от России, так как это вступило бы в противоречие с тем, что являлось наследием прошлого.

¹⁰² Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. С. 44.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 47.

§ 3. Оформление мифологии

Предрасположенность к пробуждению общерусского самосознания проявляется в XIX в. и у восточнославянского населения австрийских провинций. Усиление его прослеживается по многим показателям. Один из них находил выражение в культурном тяготении к основной части этнического поля. Увеличивается спрос и на «русскую книгу»¹⁰⁶. С 70-х гг. XIX в. в публицистике проявилась тенденция на закрепление внутренних обособленностей в среде восточных славян¹⁰⁷, что также отражало альтернативную направленность в их развитии. При этом, необходимо заметить, отнюдь не преобладавшую.

Тогда же наметился «поворот... части галицко-русской молодежи... от москвофильства к украинофильству»¹⁰⁸, что как раз и составляло две определившиеся вариации этнической эволюции. Существовавшее в восточнославянской среде дифференцирующее начало укреплялось под влиянием процессов, развивавшихся в европейских странах, где все перемены XIX в. происходили «под знаком принципа национальности»¹⁰⁹. Однако распространение соответствующих идей до поры до времени наталкивалось и у австрийских русинов на весьма ограниченное восприятие.

Восточный вектор притяжения оказывался для них наиболее сильным. В ряде зарубежных стран, вынашивавших враждебные намерения в отношении России, это вызывало обеспокоенность. Смещение в отображении этнического развития основывалось, по аналогии с европейскими реалиями, на придании внутренним различиям национальных свойств. Альтернатива на восприятие сегментации по такому принципу, не имея массовой поддержки в среде населения Малороссии и восточнославянских провинций Австро-Венгерской империи, на первых порах отстаивалась в качестве перспективы лишь отдельными представителями интеллигенции.

Становлению настроений на обособление способствовала в

¹⁰⁶ Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия. С. 299.

¹⁰⁷ Франко И. Искренность тона и искренность убеждений // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 255.

¹⁰⁸ Цит. по: Там же.

¹⁰⁹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. С. 105.

немалой степени подвергшаяся польскому влиянию профессура Львовского университета, воспринявшая идею об отдельном от русского народа этногенезе. В нем какое-то время работал и М.С. Грушевский, которому была предоставлена, в том числе, возможность с 1894 г. заведования кафедрой всеобщей истории¹¹⁰. Политической деятельностью, находясь в Галиции, он не занимался. В устных выступлениях и публикациях М.С. Грушевский лишь пропагандировал идею «соборной Украины от Кубани до Карпат». Реализация ее в соответствии с излагавшимся им планом должна была произойти «сначала под властью Австрии», а затем при благоприятном стечении обстоятельств «в виде... украинской социал-демократической республики»¹¹¹.

Свои взгляды М.С. Грушевский старался распространять в среде интеллигенции и учащейся молодежи. При помощи внедрения исторической мифологии фактически готовились «национальные кадры», способные увлечь за собой остальную массу населения Галиции¹¹². Идеология украинского национализма зарождалась, безусловно, и до появления его фальсифицированных систематизаций. Но именно М.С. Грушевский произвел ее оформление в особую теорию, не имевшую ничего общего с действительностью. Оторванная от нее перспектива разъединения восточнославянского сообщества получила обоснование именно в его трудах.

Контакт поколений как особое воздействие этнической среды сказался, судя по всему, и в становлении его взглядов. М.С. Грушевский являлся уроженцем Галиции, точнее именно той ее части, которая входила в состав «Царства Польского». Его родной г. Холм только в 1912 г. получил, как уже отмечалось, статус губернского центра. Выделенное при поддержке П.А. Столыпина пространство, имевшее преобладавшее восточнославянское население, превратилось в особое административное образование. Однако в сформировавшейся там

¹¹⁰ Дегтярев А.К. Украинский национализм: «галичанство» против русскости // Южнороссийское обозрение. Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д, 2007. С. 115; Романовский Ю.Д. Указ. соч. С. 399.

¹¹¹ Царинный А. Указ. соч. С. 183.

¹¹² Там же.

этнической специфике существовали, как можно судить в том числе по взглядам М.С. Грушевского, не только настроения на восстановление общерусского единства. Какая-то часть населения имела приверженность к сохранению обособленности. М.С. Грушевский стал одним из теоретиков украинского национализма¹¹³. Его вклад в оформление соответствующей мифологии, так или иначе, является самым значительным.

Со второй половины XIX в. в публицистике в пределах Галиции появляется обозначение «Русь-Украина», использовавшееся в определенные периоды как одно из противопоставлений «Руси Московской». В указанный промежуток времени оно также не носило разъединительного смысла для восточнославянского сообщества¹¹⁴. Появление понятия «Русь-Украина» обуславливалось конкретными историческими обстоятельствами. Между тем в нем зафиксирована не только разделенность в восточнославянской среде, но и этническая общность.

Концепция М.С. Грушевского основывалась на отрицании «общности трех восточнославянских народов». В ней противопоставлены их судьбы и цивилизационные векторы развития. Теория отдельного этногенеза в трудах М.С. Грушевского была подкреплена обозначением со ссылкой на произошедшую украинскую колонизацию границ «национального государства»¹¹⁵. Усилия М.С. Грушевский приложил и к созданию языка на основе галицийского диалекта, в наибольшей степени подвергшегося «полонизации» и «германизации». От полтавского варианта он имел существенные отличия¹¹⁶. В этом также просматривается попытка отрыва от общерусского лингвистического контента. Подчиненность этому имели и исторические обоснования М.С. Грушевского¹¹⁷, основывавшиеся на подмене понятий и грубом нарушении последовательности их употребления во времени. За счет этого признаки субэтнической разобщенности получили идеологическую подпитку.

¹¹³ Ткаченко Г.С. Указ. соч. С. 22.

¹¹⁴ Франко И. Из писем. М.П. Драгоманову. Львов, канун 20 марта 1885 // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959. С. 561.

¹¹⁵ Грушевский М.С. Кто такие украинцы и чего они хотят. (Б/и 1917 г.). Киев, 1991. С. 125. (Пер. автора).

¹¹⁶ Дегтярев А.К. Указ. соч. С. 115–116.

¹¹⁷ Там же. С. 115.

Обездоленная крестьянская масса восточнославянских провинций Австро-Венгерской империи имела, как уже отмечалось, предрасположенность к восприятию циркулировавших в ее среде различных утопий. Националистическая иллюзия налагалась на податливую почву. Взлом исторической кодификации обуславливался тяжелым социально-экономическим положением. Идеология, дополняя силу разрушения, придавала вместе с тем определенную перспективу. Субэтничности сообщалась иная направленность консолидации с заменой прежней идентичности. Раздвоенность самосознания населения с сочетанием русской и украинской составляющих между тем еще какое-то время сохранялась. Утверждение же вводившегося наименования потребовало еще немало времени. Это является показателем слабой развитости предпосылок. Для преодоления притяжения фактора общей этничности была выдвинута версия об особом происхождении украинского народа, не связанности его с русскими и белорусами¹¹⁸.

Распространение формулировки «Русь-Украина» являлось одной из ретроспективных подтасовок для ее подкрепления. Отрицалось вместе с тем наличие родства у восточнославянских субэтнических групп и существовавшее их государственное единство в киевский период. Критике подвергались и инициативы Б. Хмельницкого, направленные на воссоединение Руси. На этот счет выдвигалось возражение, что «украинский народ» к этому и не стремился¹¹⁹. В становлении же его культуры, по мнению М.С. Грушевского, существовал якобы некий «единый поток». На несоответствие данной теории критериям научности не раз обращалось внимание по различным поводам, выделялась и ее разрушительная для восточных славян сущность. Интерпретация М.С. Грушевского словосочетания «Русь-Украина» историческим реалиям IX–XIII вв. не соответствует¹²⁰. Такое название появилось позже и не противопоставлялось остальным восточнославянским землям.

В названии «Украина» в XVI–XVII вв. подразумевались

¹¹⁸ Ткаченко Г.С. Указ. соч. С. 22–23.

¹¹⁹ Сокурено В.Г. Указ. соч. С. 121.

¹²⁰ Толочко П. Киевская Русь. К., 1996. С. 5–6. (Пер. с укр. автора).

территории левобережья, охватывавшие незначительное пространство северо-восточнее Полтавы, а на правобережье – бывшего Киевского княжества, вплоть до Волыни и Подолии. Впоследствии такое восприятие распространилось и на часть других сопредельных восточнославянских земель, включая и Галицию. Расширение представлений об этническом пространстве происходило и по ходу освободительной войны против Польши в середине XVII в. М.С. Грушевский в проекте «украинского государства» обозначил не только территории, принадлежавшие Малороссии, но также «Пинское и Туровское княжества» на севере, а на юге – незаселенные до вхождения в состав России во второй половине XVIII в. степи, находившиеся когда-то во владении Османской империи¹²¹. При административном обустройстве это пространство и получило наименование Новороссии. Для всех соприкасавшихся с ним государств, в том числе и Османской империи, оно являлось ранее не более чем зоной влияния. Осуществляло его и восточнославянское казачество, прежде всего запорожское и донское¹²².

На основе систематических перемещений земледельческого восточнославянского населения русские историки середины и второй половины XIX в. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский сделали вывод о расширении государственных пределов именно за счет колонизации¹²³. Решающую роль при этом они придавали мирному заселению пустующих земель. Переселения в пределы российского государства из Польши происходили, как известно, из-за угрозы утраты православной веры и русской идентичности. Пространство Слобожанщины в значительной мере имело исторически сложившуюся заселенность великороссами, осваивалась ими и Новороссия. Участие в этом принимали и другие народы, в том числе и выходцы из зарубежных государств (болгары, греки, поляки, сербы, немцы и т.д.). Идея «преобладающей украинской колонизации» М.С. Грушевского основывалась на игнорировании действительности. В конкретизацию ее протяженности он вкладывал и расширенный смысл,

¹²¹ Волконский А.М. Указ. соч. С. 73–74.

¹²² Там же.

¹²³ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 186–187; Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. I. М., 1987. С. 50–51, 298.

включая в охват даже изолированные поселения¹²⁴.

Удаленные «колонии», по представлениям М.С. Грушевского, также относились к украинской национальной общности. Сплошная же протяженность занимаемой ею территории, состоящей из «сплоченных масс», по его описаниям, «окружает широкою полоскою северное побережье Черного моря... обнимает горную область по обеим сторонам Карпат... огибая нижнее Подунавье, занятое... румынскою колонизациею, охватывает бассейны Днестра и Южного Буга со смежными частями бассейна Сана, среднее и нижнее течение Днепра»¹²⁵. В составленной без учета результатов исторической кодификации схеме, таким образом, совмещались имевшие субэтнические различия пространства, в том числе со смешанной восточно-славянской заселенностью. Наименование Новороссия в ней не упоминалось вовсе.

Из ее ареалов помимо низовий Днепра к Украине М.С. Грушевский причислил «почти весь бассейн Донца», территорию, простирающуюся «в среднее течение Дона, и... значительные части бассейнов Кубани, Кумы и Маныча»¹²⁶. Проникала «местами» колонизация из ее пределов, как помечено при определении национальных границ, «глубоко в горную область Кавказа и прикаспийские степи». Южные их контуры, по теории М.С. Грушевского, «составляют берега Черного и Азовского морей»¹²⁷. Отметив в примечании, что «восточную границу можно обозначить только условно», он произвел тем не менее и ее определение. «Крайнюю территорию, где украинское население составляет большинство», по уточнению М.С. Грушевского, завершает «область средней Кумы», в частности Новогригорьевский уезд Ставропольской губернии. При этом он сослался на перепись 1897 г., по которой якобы там «насчитано 54% украинского населения»¹²⁸.

Но зафиксированные в ней статистические данные объективными для такого рода выводов, как уже отмечалось, быть

¹²⁴ См. подробнее: Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 5.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

не могут, так как восточнославянское сообщество в них по национальному признаку не делилось. В тот промежуток времени он отсутствовал, а субэтничности воспринимались как части целого. При обобщении результатов переписи 1897 г. выделялась соответственно общая рубрика «Русские», наполняемость которой производилась по наречиям. Подменяя понятия и даже периоды, что является грубым нарушением критерия историзма, М.С. Грушевский одним из первых произвел выделение «украинцев» из общего этнического контента. Искажения же, судя по всему, он допускал, руководствуясь отнюдь не заблуждениями. Свои предположения М.С. Грушевский без каких-либо подтверждений подкрепил указанием лишь на то, что якобы «многие исследователи принимают крайним пределом Каспийское побережье», так как украинская колонизация «в ослабленном виде» доходила и до него¹²⁹.

Малороссийское население, действительно принимавшее участие в освоении этого края, на самом деле не составляло большинства. При сборе сведений к малорусскому наречию относили и смешанный говор, который В.И. Даль классифицировал в качестве «новороссийского». На него в зонах смешанной колонизации нередко переходили и выходцы из центральных губерний. Для имевших этническую сродность восточных славян это являлось закономерным. Внутренние различия для них особого значения не имели и быстро преодолевались на общерусской основе. М.С. Грушевский не отрицал между тем «существование... средних, переходных украинско-белорусских говоров», не изученность которых, по его признанию, «вносит известную неясность... в представления об этнографической границе»¹³⁰.

Непонятно тогда, откуда у него появилась определенность в отношении ее прохождения на юге и востоке, где также происходило смешение колонизационных потоков, и в разных сочетаниях складывался синтез внутренних культурных различий. По наблюдению видного отечественного ученого В.М. Кабузана, изучавшего численность и этнический состав

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

населения Российской империи, восточные славяне легко утрачивали прежнюю особость в среде друг друга, забывая и «свой язык». В качестве примера он привел изменения в Саратовской губернии, где переселенцы с Украины перенимали даже «одежду русских крестьян»¹³¹. Чуждыми для себя они не считали и другие бытовые отличия.

Трансформации же субэтнических состояний в среде восточных славян носили обоюдный характер и наблюдались как в «дореформенный период»¹³², так и на последующих этапах. Это как раз и являлось отражением консолидационного процесса. «Русскому влиянию», по данным В.М. Кабузана, подвергалось и «компактно проживающее украинское население»¹³³. Используемая терминология, следует заметить, отражала особенности исследовательских подходов в советскую эпоху, на которую и приходилась его научная деятельность. Употреблявшаяся классификация в ряде случаев заимствовалась из пропагандистских предписаний и ничего общего с действительностью не имела. В воспроизводивших ее материалах статистики наименование «украинское население» отсутствовало. Появилось оно значительно позже. Замена понятий при исторических реконструкциях меняет и само содержание процесса. Несмотря на это, анализ источников позволял В.М. Кабузану, как и другим ученым, делать верные выводы. На основе подмены понятий М.С. Грушевский занимался прямым подлогом.

Освоение окраин позволяло и для малороссийских крестьян решать проблему малоземелья. С таким мнением в их среде М.С. Грушевский непосредственно столкнулся, когда в период учреждения Государственной думы приступил к пропаганде идеи «национально-территориальной автономии» Украины. У избравшихся от малороссийских губерний депутатов это вызвало неприятие, так как в субъектах, которые они представляли, такие настроения отсутствовали. Идея «национально-территориальной автономии» привносилась как бы извне вопреки воле народа. Кроме того, посланцы от малороссий-

¹³¹ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. С. 17.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

ских крестьян выражали обеспокоенность, что предлагаемый М.С. Грушевским проект исключит для сельского населения возможность «переселяться с Украины на свободные земли как колонизационные территории азиатской России и Уральской области»¹³⁴.

Первенство в обозначении границ «украинского национального государства», таким образом, принадлежит именно М.С. Грушевскому. Допуская неточности, М.П. Драгоманов выделял лишь области с малороссийским населением, объединенные в простирающуюся вплоть до Камчатки федерацию. В пределах «от Карпат и до Кавказа» территория «украинского государства» начала обозначаться с 1899 г.¹³⁵ К ней произвольно стали относить новороссийские и частично великорусские губернии, в которых сложилась смешанная восточнославянская заселенность. В описания пространства включался и ряд казачьих областей. Распространенность такие представления имели в среде интеллигенции Галиции, в том числе на «Русской Украине» (преимущественно правобережной)¹³⁶. С реальностью они также ничего общего не имели. Значительная часть восточнославянского населения этих земель идею обособленности отвергало.

По сравнению с версией М.П. Драгоманова границы «национального государства» были существенно расширены. Обозначенная М.С. Грушевским пространственная конструкция воспроизводила австрийский проект «Украина от Карпат до Кавказских гор». Составление его в Вене производилось, как уже отмечалось, для расчленения России. Теория М.С. Грушевского об «украинской колонизации», хотя она на этих направлениях преобладавшей не являлась, оказалась подходящей для обоснования намеченного. В дальнейшем версия, так или иначе, дополнялась подсказками из Вены о необходимости отображения сюжетов об этнической несовместимости великороссов и малороссов. Примечательно, что до Первой мировой войны обозначившихся со всей очевидностью

¹³⁴ См. подробнее: Широкопад А.Б. Утерянные земли России. С. 58.

¹³⁵ Смолин М.Б. Указ. соч. С. 16.

¹³⁶ Франко И. Русско-украинский театр. (Исторические очерки). С. 154, 158, 170.

сепаратистских взглядов М.С. Грушевский не высказывал¹³⁷. Подвижки в них в этом направлении стали происходить лишь по ходу ее событий под влиянием австрийского фактора. Некоторые направления творчества М.С. Грушевского, опиравшиеся на источники, имели, впрочем, все же признаки научности¹³⁸.

Был у него и определенный авторитет в профессиональных кругах русских историков. На отношении к теории М.С. Грушевского сказались, видимо, и распространявшиеся оппозиционные настроения в среде интеллигенции. Именно этим можно в какой-то мере объяснить то, что она не подверглась своевременному доказательному опровержению. Вопиющим и наиболее опасным для единства восточных славян оказалось в ней положение о том, что Россия – «главный враг Украины», и для ее населения «все напасти идут с Севера»¹³⁹. Ставка делалась, как видно, на разъединение восточного славянства. Особое значение этому в определенных кругах придается с началом Первой мировой войны. Не случайно большинство издававшихся трудов «по украинскому вопросу» на различных языках выпущено после 1914 г. Местом их публикации являлся преимущественно Берлин¹⁴⁰.

Издание же трудов с такой направленностью, как отмечалось впоследствии, являлось показателем «необычайной энергии Германии в деле пропаганды украинского сепаратизма»¹⁴¹. На ее средства производились в преобладающей степени и издания. Помимо немецкого такие труды издавались на английском и французском языках. «Научная и историческая ценность» их подвергалась сомнению¹⁴². Разрушительный потенциал тем не менее оставался недооцененным. Своевременной аргументированной критики не последовало и в отношении теории М.С. Грушевского, оформление которой происходило именно в период Первой мировой войны. Только И.Я. Франко в 1915 г. в одном из отзывов осудил «фальшивые исторические кон-

¹³⁷ Волконский А.М. Указ. соч. С. 101.

¹³⁸ См. подробнее: Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 14–15.

¹³⁹ Ткаченко Г.С. Указ. соч. С. 24.

¹⁴⁰ Романовский Ю.Д. Указ. соч. С. 306.

¹⁴¹ Цит. по: Там же.

¹⁴² Там же.

струкции проф. М. Грушевского», указав на их «слабость и непрочность»¹⁴³.

Различия в восприятии исторического процесса становления Руси как общей восточнославянской государственности превратили М.С. Грушевского в «заклятого врага» его взглядов на прошлое¹⁴⁴. Нелестные отзывы о нем оставил в воспоминаниях и занимавшийся политической деятельностью в начале XX в. русский историк П.Н. Милюков. Сталкиваясь с М.С. Грушевским в Государственной думе, он замечал, что профессор «хитрил... скрывая... свои истинные намерения»¹⁴⁵. Отстаивая в российском парламенте как представитель партии кадетов возможность «украинского национального самоопределения», П.Н. Милюков вместе с тем поддерживал отождествлявшиеся тогда с ним «сравнительно умеренные... требования»¹⁴⁶.

Среди них обозначалась необходимость «украинизации школьного просвещения, прав украинского языка в судебных и правительственных учреждениях, устранения ограничений для украинского печатного слова, улучшения условий легального существования украинских национальных учреждений»¹⁴⁷. Формулируя эти требования, М.С. Грушевский соглашался исключить «сепаратизм». Вопрос об образовании «федерации» он переносил на отдаленную перспективу. Однако в общении с коллегами депутатами в российском парламенте, как заметил П.Н. Милюков, скрывал «свои истинные намерения»¹⁴⁸. Поддержка «умеренных требований» между тем являлась показателем непонимания существа происходившего.

М.С. Грушевский и его окружение через российский парламент проводили «галицийский вариант украинства», отстаивавшийся отдельными группами, но не пользовавшийся широкой поддержкой даже в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. Он отражал одно из переходных состояний этнической эволюции, отвергавшееся общим ходом

¹⁴³ Цит. по: Ткаченко Г.С. Указ. соч. С. 23.

¹⁴⁴ Франко И. Из писем. Е.К. Тригубову. С. 471, 685.

¹⁴⁵ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. С. 188.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Цит. по: Там же.

¹⁴⁸ Там же.

консолидационного процесса. Население же «русской Волыни», не говоря уже о левобережных губерниях Приднепровья, относилось к нему настороженно. Но на общественное мнение ставку тогда никто не делал.

При помощи исторических обоснований М.С. Грушевского, допускавших отрыв прошлого от общих восточнославянских истоков, предпринимались попытки конструирования между тем отнюдь не только «украинской нации». Этот прием использовался и отдельными идеологами белорусского сепаратизма. Достижение намеченных целей совершалось также с нарушением сложившегося тяготения к общему восточнославянскому этническому контексту. Однако на массовом уровне и в начале XX в. популярностью продолжала пользоваться идея о «триединстве русского народа»¹⁴⁹. Зарождавшийся субэтнический сепаратизм широкой поддержкой и в этом случае не пользовался и соответственно не являлся движением.

Миф о распространении таких форм протеста на окраинах Российской империи отражен был в условиях революции 1905 г. в публицистике В.И. Ленина и впоследствии без подтверждения фактами вошел в отечественную и зарубежную историографию. Основывался он исключительно только на заметке по поводу кризисных событий: «Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение»¹⁵⁰. В данном случае заимствовалось то, что наблюдалось в европейских империях.

Движения же в кризисных условиях в России в начале XX в. имели направленность на сохранение ее целостности как полиэтнонационального евразийского государства. Национализм как зарождавшееся явление опирался лишь на незначительные по численности группы, оторванные от масс и существовавших отечественных реалий. Проявления русского национализма не являлись исключением. С.Ю. Витте как государственный деятель начала XX в. верно заметил, что черносотенство «ничего,

¹⁴⁹ Гронский А.Д. Попытка конструирования белорусской национальной героики в начале XX в. // Южнороссийское обозрение. Вып. 53. Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 48, 55.

¹⁵⁰ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 323.

кроме вреда, принести не может»¹⁵¹. Данная разновидность национализма, в отличие от «украинства», не обрела четкой теории. Отсутствие исторической мифологии в этом случае сыграло не последнюю роль.

Распространение же черносотенство имело преимущественно в южных ареалах Российской империи. Опасность его и разрушительный потенциал для государства осознавались на разных уровнях. За подозрения в «симпатиях» осуждали даже Николая II. Организации черносотенцев преследовали губернаторы и полиция. Они попадали под запрет и распускались¹⁵². Однако главным в исходе противостояния являлось все же, на мой взгляд, отсутствие в этом случае мировоззренческого фактора, опиравшегося на исторические обоснования. Программные установки не могли восполнить пробела. Идеологи зарождавшегося украинского национализма имели возможность использовать ретроспективные фальсификации, составленные М.С. Грушевским. Руководствовались они и теорией отдельного этногенеза.

Употребление же во всем восточнославянском сообществе «одного и того же имени», воспринятого от «Киевской державы», М.С. Грушевский, чтобы в фальсификации свести концы с концами, объявил «путаницей». В его понимании, оно существует «в разных значениях»¹⁵³. Сохранявшееся и в начале XX в. наименование «русские» М.С. Грушевский относил на счет «внешних оболочек», не имеющих никакого отношения к «реальным народностям, жившим под их покровом»¹⁵⁴. В них, по его уточнению, «с полной отчетливостью выступают вполне определенные этнические индивидуальности, запечатленные совершенно ясными чертами личности»¹⁵⁵. Отличия от «великорусов» он выразил в констатации: «Перед нами, несомненно, две народности, две истории»¹⁵⁶. Каких-либо подтверждений фактами М.С. Грушевский и в этом случае не приводил.

¹⁵¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 30.

¹⁵² Лакер У. Черная сотня. Пер. с англ. М., 1994. С. 54.

¹⁵³ Цит. по: Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 15.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

Положившего же начало составлению свода событий общей для восточных славян истории летописца, объединившего их расселение понятием «русская земля», он не без раздражения упоминал с припиской «так называемый Нестор»¹⁵⁷. И это вполне закономерно, так как подтверждений своей теории в «Повести временных лет» М.С. Грушевский найти не мог. Признавая наличие отличий в северных и южных частях расселения восточного славянства, Н.И. Костомаров объединил их в формулировке «две русские народности»¹⁵⁸. Изучение источников позволило ему установить, что их «своеобразные типы» порождали «переходы из края в край», происходившие еще в «глубокой древности»¹⁵⁹. За населением юго-западных частей этнической общности, по разъяснению Н.И. Костомарова, и «усваивается название южнорусского, или малороссийского»¹⁶⁰.

Определения же «Украина, Малороссия, Гетманщина», распространившиеся с XVII в., по его заключению, по ходу консолидации «невольню сделались... архаизмами»¹⁶¹. В длительном и сложном процессе формирования общерусского единства происходила, безусловно, борьба противоречивых тенденций. Исключение же из динамики этого взаимодействия преобладавшего объединительного контента искажает восприятие прошлого. В теории отдельного этногенеза «украинского народа» на это, судя по всему, как раз и делалась ставка. Состояния переходности в восточнославянской среде, являвшиеся отражением незавершившихся трансформаций этничности, из-за своей сродности в противоречия с устанавливавшимся национальным сплочением не вступали.

¹⁵⁷ Там же. С. 21.

¹⁵⁸ Костомаров Н.И. Из истории Центральной и Южной Руси // Костомаров Н.И. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. М., 2010. С. 336.

¹⁵⁹ Там же. С. 337.

¹⁶⁰ Там же. С. 341.

¹⁶¹ Там же. С. 343.

Глава IV

Соотношение тенденций в 1917–1920 гг.

§ 1. Украинский сепаратизм

Незадолго до Февральской революции 1917 г., замечая наметившиеся центробежные тенденции, представлявшие тогда незначительную еще угрозу для целостности государства, русский ученый В.И. Вернадский с сожалением констатировал: «Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории». В ней он не без основания видел «первоисточник силы» не только восточного славянства, но и других народов, населявших пространства России¹. Накануне революционных перемен восточнославянское сообщество составляло единую имперскую нацию. Однако в начале XX в. появляются публикации о «южнорусском сепаратизме»², отображавшие в той или иной форме складывавшуюся реальность, на которую не обратили своевременно внимание из-за состояния исторических знаний.

Проблема сводилась тогда лишь к отстаиванию культурной самобытности. Программные установки, как правило, явно выраженную мотивацию на разъединение восточнославянского сообщества не содержали. В публицистике отображения «южнорусского сепаратизма» сводились преимущественно к описаниям деятельности кружков соответствующей направленности³. Только в части из них «революционная острота» сочеталась с наличием националистических намерений⁴. В преобладающей же степени возможность отделения от России не допускалась. Когда же с 1917 г. наименование «украинцы» под воздействием пропаганды вводилось в употребление, население даже собственно «малороссийских губерний» воспринимало такую идентичность с недоумением. Насаждение ее предпринималось, по мнению А. Волконского, специально для

¹ Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 9.

² См. например: Щеголев С. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.

³ Там же.

⁴ Заславский Д. Указ. соч. С. 95.

устранения свидетельства о складывавшемся национальном единстве восточнославянского сообщества⁵.

Именно в условиях революционной трансформации, как заметил А.И. Радзиевский, обобщение «русский народ» стало утрачивать «свою прежнюю определенность»⁶. Общепризнанная украинская идентичность до 1917 г. отсутствовала. При попытках утверждения она соответственно воспринималась как явление «чужеродное». Украинский сепаратизм имел значительно меньшую поддержку, чем движение за объединение всего восточнославянского сообщества в границах России. Ее государственное пространство, например, русинскими идеологами в Австро-Венгерской империи, в отличие от М.С. Грушевского, рассматривалось в качестве единого «от Карпат до Камчатки». Свою общность они связывали только с русским народом⁷. Наименование «украинец» в 1917 г. отображало «национально-политические» устремления, опиравшиеся на меньшинство. Присутствовала в них и антирусская направленность⁸, со ставкой на разделение восточнославянского сообщества.

Между тем предпосылки для изменения исторической кодификации на уровне незавершившихся процессуальных состояний этнической эволюции в действительности существовали. При консолидации восточнославянского сообщества в Российской империи сохранявшиеся в нем внутренние особенности унификации не подвергались. Оставались различия и в культуре, но они не имели дифференцирующей организации. Данная реальность, как уже отмечалось, являлась лишь одной из тенденций этнической эволюции. Наиболее сильной альтернативой ей выступало формировавшееся «единство русского народа». Условия для объединения на такой основе всего восточнославянского сообщества были и на бывших территориях Руси, находившихся в составе Австро-Венгерской империи.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! С. 44.

⁷ Марчуков А.В. «Не было, нет и быть не может». Проблемы национально-культурного развития русинов Галиции и Закарпатья в освещении украинской историографии. С. 53, 57, 59.

⁸ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 18.

Сепаратистские же идеи как в восточных, так и в западных частях расселения не получали поддержки, и перспектива для их реализации в этой связи была весьма проблематичной.

У представителей местных элит существовало понимание, что проект отрыва от России, насаждавшийся, в том числе, усилиями Вены и Берлина, не соответствует народным интересам. В «малороссийских губерниях» в начале XX в. поддерживались именно те политические партии, которые признавали нераздельность восточнославянского сообщества, воспринимавшегося в массовом сознании в качестве единого народа. Возможность установления автономии поддерживалась лишь малочисленными группами, финансировавшимися из-за рубежа. Населением же их намерения не воспринимались⁹. Именно при внешнем содействии усиливается в тот период и тенденция формирования «украинства». Носители соответствующих идей стали проявлять активность в отстаивании необходимости становления связанного с ним «культурного процесса»¹⁰.

На этой основе пробуждались особая разновидность патриотизма и «национальное сознание», не имевшие ранее ярко выраженных проявлений в малороссийских слоях восточнославянского сообщества. Наблюдавшаяся специфика относилась на счет сохраняющегося местного сельского «этнографизма». С 1917 г. насаждение сепаратистской альтернативы происходило при помощи «отрицания всех достижений прошлого»¹¹. Населению навязывалось чувство обиды за «обрусение края», хотя этот процесс был естественный и не опирался на принудительные меры. Таким образом, «на переломе эпох»¹², в условиях революционной трансформации, одно из переходных процессуальных состояний восточнославянской этнической эволюции получило иную направленность.

Посетивший вскоре после Февральской революции Россию французский журналист Клод Онэ, наблюдая результаты деструктивной деятельности различных радикальных сил, с недоумением был вынужден был сделать весьма неутешительное

⁹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 119.

¹⁰ Смолич Ю. Указ. соч. С. 319–320.

¹¹ Там же. С. 321, 348–349, 463.

¹² Там же. С. 321.

для сохранения ее целостности заключение. Размышляя над увиденным, он писал: «Странная, непонятная нам психология у русских: для них чуть не преступление любовь к отечеству, и они с легким сердцем готовы допустить унижение, а то и разрушение их родины»¹³. Инертным отношением русского общества «к отторжению окраин, даже русских по духу», отсутствием по этому поводу «сокрушительного народного гнева» был удивлен и организатор белого движения на Юге России А.И. Деникин¹⁴.

Объяснение этому сводится, на мой взгляд, отнюдь не только к проводившейся разрушительной революционной пропаганде. Сталкивавшийся непосредственно с действительностью в кризисных для государства условиях генерал А.А. Брусилов констатировал, что «знакомство со своим отечеством» заканчивалось лишь на знании уезда и губернии¹⁵. Вскрывались, судя по всему, упущения в передаче информации о прошлом через систему образования, в которой так и не был задействован наиболее массовый сегмент: просвещение народа с использованием соответствовавших реалиям исторических технологий, мобилизующих самосознание на конструктивные свершения.

Инертное отношение «к отторжению окраин» в условиях революционного кризиса вызывалось тем, что для русского и других, связанных с ним общегражданскими узами народов, организующим и направляющим началом всегда выступала государственная власть. В ситуациях, когда она способствовала наступлению фаз стабилизации или даже подъема, отвечавшего стратегическим интересам страны, русский народ представлял как вполне патриотичный, при возникновении кризиса и в прошлом неоднократно наблюдалось то, на что обратили внимание французский журналист Клод Онэ, явившийся очевидцем революционных событий в стране в 1917 г.

Роль разрушительного фактора обрело в тех условиях и отсутствие исторической концепции об особенностях российской государственности. Проявляясь по ходу событий, они не встре-

¹³ Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 9. С. 84.

¹⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917 г. (Б/и.: Париж, 1921). М., 1991. С. 88.

¹⁵ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 75.

чали понимания. Соприкасавшиеся с происходившими на окраинах процессами, делали признания: «Мы не знаем России». Во многом импровизированный характер имела и политика Временного правительства. Деятельность его осуществлялась методом проб и ошибок, которые лишь способствовали усугублению революционного кризиса. Принимавшиеся Временным правительством решения оказывались вынужденными и на опережение не работали. В их оформлении, как правило, сказывалось давление обстоятельств. Так, в ответ на объявление Германией еще в 1916 г. о предоставлении независимости Польше было провозглашено создание с ней «свободного военного союза»¹⁶, хотя статус ее части в составе России после Февральской революции определен еще не был.

При активизации сепаратистских группировок в Финляндии Временное правительство также не смогло предложить конструктивные меры урегулирования ситуации. Заместитель министра-председателя 18 августа 1917 г. сделал заявление представителям печати, что никакого «умаления суверенных прав России» допущено не будет. Временное правительство, по его заверению, в «финляндском вопросе... по-прежнему будет стоять на строго конституционной точке зрения»¹⁷. Между тем и в этом случае существовала необходимость в исторических обоснованиях, основанных на объективных данных. С помощью интерпретаций, обладавших негативным смыслом, кстати говоря, свое влияние расширяли националистические группировки и на этой окраине.

Угрозу же ее отторжения роспуск прежнего сейма не предотвратил. Большинство вновь избранных депутатов стояло за полную «независимость... от России». Это вынужден был отразить в направленном в Петроград сообщении генерал-губернатор Финляндии Н.В. Некрасов¹⁸. Адекватного разрешения не получала и складывавшаяся ситуация на Украине. Объективные исторические познания в этом случае тем более могли сыграть решающую роль в противостоянии намерениям

¹⁶ Голиков А.Г. В канун Октября: Нарастание общенационального кризиса. М., 1977. С. 38.

¹⁷ Цит. по: Там же.

¹⁸ Там же. С. 69–70.

сепаратистов. Предпринимавшиеся Временным правительством усилия проясняли лишь отсутствие понимания специфики. Вследствие этого защита государственной целостности России происходила вслепую.

Не имевшие опыта руководства государством члены Временного правительства своими действиями лишь способствовали усугублению кризиса в стране. Представления о невозможности проведения экономических реформ в условиях войны были оправданными. Даже декларация о решении аграрного вопроса могла развалить армию, в составе которой существенно преобладали крестьянские массы. Преобразования же Временного правительства в сфере государственного управления лишь революционизировали обстановку, так как политические реформы не могут преобладать над экономическими, тем более проводиться в одностороннем порядке. Одной из ошибок Временного правительства являлось разрешение под прикрытием «демократии» запрещенной ранее деятельности. Вследствие этого нарушалась преемственность в управлении государством, чем и воспользовались придерживавшиеся сепаратистских взглядов группировки.

После Февральской революции они стали действовать открыто. Из Симбирска в Киев возвращается М.С. Грушевский. Временное правительство проигнорировало собранные следствием материалы о враждебной в отношении России деятельности А. Шептицкого в Галиции, о его связях с Берлином, и освободило его. Вместо высылки за границу, о чем поступали просьбы от знакомых с содержанием дела, ему предоставляется «полная свобода», вплоть до возможности передвижения по России. Пропаганда украинского сепаратизма возобновилась. По всей Малороссии распространялись идеи о необходимости ее отделения. Однако агитация за это в тех условиях натолкнулась на резкое неприятие населением. Первый отпор сепаратистские замыслы получили со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов г. Киева, отражавшего так или иначе настроения масс. Влияние большевиков, программные установки которых могли оказать идеологическое содействие сепаратистам,

в нем тогда отсутствовало¹⁹.

От М.С. Грушевского в жесткой форме потребовали разъяснений. После этого подлинные сепаратистские намерения он стал завуалировать. В разъяснениях М.С. Грушевский сослался на то, что его «не так поняли». Столкнувшись с неприятием своих взглядов, он в качестве конечной цели объявляет культурную автономию Украины «в тесном единении с Россией». Обвинения же в связи с Германией М.С. Грушевский назвал «злостной клеветой реакционеров»²⁰. Однако создание «самостоятельного Украинского государства» впервые было обозначено в качестве перспективы Центральной рады, образование которой произошло по инициативе соответствующих националистических групп 4 марта 1917 г.²¹ Эта перспектива была обозначена еще накануне представителями Галиции, к которым относились в том числе М. Грушевский и А. Шептицкий²².

Об этих целях в известность поставили из-за опасений недовольства только узкий круг лиц в Центральной раде. Рядовым членам говорилось о необходимости реализации программы, в которой лишь «выдвинут федеративный принцип и культурная автономия»²³. Председателем Центральной рады становится М.С. Грушевский. Под его влиянием она сразу же встала на путь обретения особого статуса для Украины. На том этапе автономия ее рассматривалась в составе России и не предполагала выделения в отдельное государство²⁴. Создавалась Центральная рада как координирующий орган для партий, разделявших это требование. Несмотря на то, что ее никто не избирал, она стала осуществлять и при отсутствии легитимных полномочий властные функции. В действительности Центральная рада опиралась лишь на немногочисленных сторонников, и ее влияние не выходило за пределы Киева²⁵.

Созванный в начале мая 1917 г. в этом городе I «Все-

¹⁹ Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия. С. 307.

²⁰ Цит. по: Там же.

²¹ Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 252.

²² Романовский Ю.Д. Указ. соч. С. 307.

²³ Цит. по: Там же.

²⁴ Голиков А.Г. Указ. соч. С. 39.

²⁵ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 120–121.

украинский войсковой съезд» сформировал специальную делегацию для переговоров с Временным правительством о предоставлении автономии «украинскому народу». Получив соответствующие инструкции, она была направлена в Петроград. На приеме у Временного правительства был поставлен также вопрос о признании Центральной рады в качестве его полномочного органа власти на Украине²⁶. Одобрения эти пожелания не получили. Центральной раде разрешено было лишь временно исполнять организационные функции. На все остальные поставленные вопросы Временное правительство, по сути, ответило отказом²⁷.

В начале июня Центральная рада проводит II «Всеукраинский войсковой съезд». В первом же изданном универсале провозглашается автономия края. Одновременно формируется правительство, получившее наименование «Генерального секретариата». На него возлагается управление самопровозглашенной автономией. Реакция со стороны Временного правительства последовала неодобрительная²⁸. По поводу издания Центральной радой 11 июня 1917 г. принятого Всеукраинским войсковым съездом «акта об устройении Украины» В.И. Ленин дал противоположную оценку. В ней упор делался на то, что универсал «представляет собой прямое разоблачение» политики Временного правительства «и документальное свидетельство ее краха»²⁹.

В отклике В.И. Ленина выражено вместе с тем признание «полнейшей законности украинских требований»³⁰, хотя выдвинувшая их группировка не пользовалась поддержкой у населения. По нему прослеживается и восприятие понятий, вводимых в оборот в связи с ее намерениями создать национальное государство. В.И. Ленин применяет без каких-либо оговорок наименование «украинцы», высказываясь за необходимость агитации установления «вольного союза» с великороссами и «добровольное соединение в одно государство двух наро-

²⁶ Голиков А.Г. Указ. соч. С. 39–40.

²⁷ Там же. С. 40.

²⁸ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 121.

²⁹ Ленин В.И. Украина // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341.

³⁰ Там же. С. 342.

дов». Объединение же рассматривалось, как можно судить по изложению, проявлением интернациональной солидарности «рабочих всех стран против капиталистов и “своих” и всех вообще стран»³¹.

Именно поэтому, по представлениям В.И. Ленина, «русский рабочий» должен поддерживать «право отделения украинцев, не навязывая им своей дружбы... завоевывая ее отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм»³². В оценке произошедшего определялся, таким образом, и классовый подход с нацеленностью на мировую революцию. С действительностью он не имел ничего общего. Временное правительство в противостоянии с представителями украинского сепаратизма занимало более взвешенные позиции, соответствовавшие существовавшей возможности сохранения общерусского единства. Вводимые в оборот понятия, заменявшие выработанные по ходу предшествующего совместного исторического развития восточнославянского сообщества, оно использовало, в отличие от заинтересованных политических группировок, не так часто.

Занимавший во Временном правительстве первого состава должность министра иностранных дел историк П.Н. Милюков отзывался об активистах «украинского движения... во главе с проф. Грушевским» с нескрываемым чувством горечи. Назвав их «фанатиками», он отметил, что они «избрали путь фактического захвата главных позиций», воспользовавшись «незнакомством русских властей с вопросом... добились значительных достижений, наделяя свои местные учреждения государственными правами»³³. В короткий промежуток времени, по оценке П.Н. Милюкова, у группировки М.С. Грушевского «уже имелось свое правительство («Рада»), свое министерство («секретариат»), даже своя первая конституция («универсал»)»³⁴. В действиях же сепаратистов присутствовало стремление к обладанию полнотой власти³⁵.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Цит. по: Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. С. 336.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Столкнувшись с несогласием Временного правительства по поводу предпринимавшихся радикалистских инициатив, Центральная рада составляет второй универсал, в котором установление автономии ставилось уже в зависимость от решений Учредительного собрания³⁶. Тем самым вертикальная подчиненность была восстановлена, во всяком случае в том объеме, который сложился по ходу революционных событий. После заявлений о поддержке Временного правительства Центральную раду в Петрограде начали воспринимать в качестве государственной структуры, что явилось, безусловно, стратегическим просчетом. Но таких ошибок в условиях революционной неопределенности допускалось немало.

В июле 1917 г. между Временным правительством и Центральной радой было достигнуто соглашение. В основу его был заложен компромисс. Временное правительство пошло фактически на официальное признание Генерального секретариата в качестве краевого органа власти. Центральная рада в свою очередь дала обещание отложить введение автономии Украины до Учредительного собрания. Однако на практике соглашение нарушалось. Это порождало новые кризисные ситуации в отношениях между Временным правительством и Центральной радой³⁷. Компромисс тем самым превращался в фикцию. Соответствовавшие действительности позиции Временное правительство занимало на переговорах с представителями Центральной рады в вопросе о границе, предлагая автономию в пределах собственно «украинских областей», вошедших в состав России по переяславским решениям 1654 г. и отчасти в другие периоды, с правом на проведение только в них соответствующей языковой и культурно-образовательной политики³⁸.

Провозглашение же автономии Центральной радой предусматривало именно то пространство, которое было обозначено в описаниях М.С. Грушевского, изложенных еще раз в небольшой брошюре, издание которой как раз и было произведено в 1917 г. Вместе с тем в ней получили обобщение в качестве

³⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 121.

³⁷ Голиков А.Г. Указ. соч. С. 40.

³⁸ Красный Архив. 1928. № 5(30). С. 51–55.

обоснований его предшествующие теоретические построения, отрицавшие наличие общей этничности в восточнославянском сообществе. В границы украинского национального государства М.С. Грушевским включены часть Курской, Воронежской губерний, а также практически в полном составе Область Войска Донского, Кубань и Ставрополье³⁹. Геополитический проект распространялся на Харьковскую губернию, бывшую когда-то западной малозаселенной окраиной Московии, куда принималось бежавшее из Польши православное население, а также Новороссию, состоявшую после административных преобразований во второй половине XIX в. из Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний⁴⁰.

Подход Временного правительства, исключавший радикализм, соответствовал интересам и большинства самого восточнославянского населения Малороссии. По записи № 62 заседания Юридического совещания от 13 июня 1917 г. можно с полным основанием констатировать, что Временное правительство не было противником его автономии. Оно настаивало лишь на соблюдении законных параметров при ее реализации органами власти всех уровней, включая обязательность волеизъявления народа путем всеобщего голосования, и было против удовлетворения требований организации, полномочия которой сомнительны. Принцип легитимности, как проявлял предшествующий европейский опыт, «оставляет без внимания национальные притязания». В условиях же революций действовали иные подходы, при которых они, как правило, принимались⁴¹.

Временное правительство так или иначе пыталось остановить процесс дальнейшего разбалансирования сложившихся связей центра с периферией. Значительная часть населения даже собственно малороссийских губерний была в 1917 г., переломном и потому весьма показательном, против идеи автономии и украинизации. Из-за ставки именно на них и иные «национальные ценности», а в дальнейшем и выход из

³⁹ Грушевский М.С. Кто такие украинцы и чего они хотят. (Б/и 1917 г.). С. 125.

⁴⁰ Россия. Энциклопедический словарь (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898.). С. 83.

⁴¹ Лорд Актон. Принцип национального самоопределения. С. 41.

состава России, «Украинская Центральная Рада» не получила поддержки местного самоуправления, наиболее широко отражавшего настроения масс, ни в одном городе Украины, в том числе и в Киеве⁴².

Для ведения переговоров об автономии при Временном правительстве была создана комиссия из товарищей министра внутренних дел Н.Н. Щепкина и С.Д. Урусова, достаточно известных профессоров истории права С.А. Котляревского и Н.И. Лазаревского, обладавших необходимой квалификацией для подготовки взвешенных решений. Последние к тому же имели малороссийское происхождение. Комиссия подготовила карту автономной Украины, согласно которой в ее состав могли войти только следующие губернии: Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская. Таким образом, всего пять «собственно малороссийских» административных образований. По мнению современного специалиста по проблеме российско-украинских отношений Д. Бондаренко, эти пределы являлись «исторически и этнографически справедливыми», так как это именно та территория, которая вошла в состав России в разных пропорциях в 1654 г., 1793 и 1795 гг., и большинство населения ее составляли те, кто имел особую, восточнославянскую субэтничность⁴³.

Слобожанщина и Донбасс ей в полной мере не соответствовали. Они имели, так же как и Новороссия, смешанную заселенность с существенным преобладанием населения, приверженного восточнославянскому единству. Отличало их, кроме того, то, что они изначально складывались как полиэтнонациональные субъекты империи, для каждого из которых русский язык и культура издавна служили скрепляющим и централизующим началом, своего рода устойчивым цивилизационным измерением. Территории Слобожанщины и Донбасса принадлежали России еще до воссоединения в 1654 г. В протоколах заседаний Временного правительства по поводу «декларации Украинской центральной рады» излагалась следу-

⁴² Бондаренко Д. Временное правительство и Украинская Центральная Рада: федерализация или распад государства? // Россия. XXI в. 1999. № 5. С. 151–153.

⁴³ Там же. С. 156–158.

ющая позиция: «Временное правительство не является правомочным в предоставлении автономных прав части государства Российского, ибо разрешение подобных вопросов принадлежит компетенции Учредительного собрания»⁴⁴.

Практика «удовлетворения... культурно-национальных нужд», сложившаяся в имперский период, признавалась целесообразной. Временное правительство также считало, что данная задача «должна лежать, прежде всего, на местных органах самоуправления»⁴⁵. В этой связи, можно сказать, Временное правительство защищало интересы всего русскоязычного населения губерний, где оно составляло большинство, и вполне оправданно, исходя из реальности, исключало их из предполагаемой «украинской автономии»⁴⁶. Такая позиция в значительной мере совпадала в тот период с настроениями и на местах. «Самочинное» провозглашение автономии Украины в протоколе заседания Юридического совещания при Временном правительстве названо «актом открытого мятежа, подвергающим опасности государственное единство России»⁴⁷.

Воспользовавшись углублением кризиса государственной власти, Центральная рада, несмотря на достигнутые ранее договоренности, в июле 1917 г. объявила ее введение для девяти губерний⁴⁸. Временное правительство такую возможность ограничивало пятью административными субъектами в соответствии с критерием исторической справедливости. Центральная рада провозгласила автономию Украины в составе Слобожанщины и Новороссии, включая значительную часть Донбасса. Границы ее на том этапе она произвольно определила на востоке по административным пределам великорусских губерний и Области Войска Донского. Решение о них принималось под непосредственным влиянием М.С. Грушевского, являвшегося вдохновителем всех начинаний Центральной рады. Пространство «до Кавказских гор» оставлено было до более

⁴⁴ Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация // Док. и матер. М., 1959. С. 254.

⁴⁵ Там же. С. 255.

⁴⁶ Бондаренко Д. Указ. соч. С. 157–158.

⁴⁷ Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация // Док. и матер. С. 257.

⁴⁸ Царинный А. Указ. соч. С. 191.

благоприятных обстоятельств. Во всяком случае от притязаний на него в соответствии с теорией М.С. Грушевского украинские националисты и в тех условиях не отказывались.

Временное правительство из-за своей слабости вынуждено было пойти на признание провозглашенной автономии. Без согласования с центральной властью Центральная рада учредила «Кабинет генеральных секретарей», во главе которого был поставлен «председатель» В.К. Винниченко. В качестве надзорного органа за ним в структуре управления автономией создается Малая рада⁴⁹. Однако значительная часть населения к этим преобразованиям относилась с подозрением. Во включенных произвольно в состав Украины губерниях Новороссии происходили стихийные акции протеста. Заявления Центральной рады об учреждении автономии всерьез там не воспринимались.

События проясняли, что вопреки теории М.С. Грушевского население ряда включенных в нее местностей имело иную идентичность и «украинство» ему фактически приписывалось. Для доказательства использовался разговорный язык, являвшийся смешанным говором и по свойствам отнесенный еще В.И. Далем к категории «новороссийского наречия». Состояние самосознания при этом не учитывалось. Значительная же часть населения считала себя русским. Какая-то его часть имела, безусловно, предрасположенность и к восприятию «украинства». Но она не являлась преобладающей. Объективность в оценке ситуации могла бы быть установлена только с получением результатов референдума. Но Временное правительство при А.Ф. Керенском отходило от прежних позиций в вопросе об автономии и проявляло склонность делать неоправданные уступки. При его согласии А. Шептицкому был возвращен весь архив, изъятый для проведения расследования деятельности, представлявшей угрозу для России⁵⁰.

Между тем прежние позиции Временного правительства в вопросе об «украинской автономии» поддерживались не только населением. 27 июля 1917 г. через прессу была предпринята попытка довести до сведения руководства страны и обществен-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Романовский Ю.Д. Указ. соч. С. 307.

ности мнение Совета Киевского университета имени Святого Владимира. Изложенное в специально составленной записке, оно отображало состояние научных представлений по проблеме восточнославянского единства. В ней обращалось внимание на то, что между великороссами и малороссами исторически сложилась теснейшая связь⁵¹. Важнейшим скрепляющим фактором, по утверждению ученых, являлся «общегосударственный язык», становление которого происходило за счет заимствований из всех восточнославянских наречий.

Поэтому русский язык все представители сообщества, как говорилось в записке, «с законной гордостью и почти на равных правах могут назвать своим»⁵². Обращение опубликовала весьма популярная газета «Киевская мысль»⁵³, что также указывало на распространенность настроений в среде малороссийского населения. Об этом знали и сотрудники редакции, учитывавшие их при принятии решения о размещении «Записки Киевского университета Временному правительству» с таким содержанием⁵⁴. Тенденция на создание независимого от России «национального украинского государства», как видно, не являлась преобладающей. Но в условиях революционной трансформации происходило ее усиление.

Воспользовавшись осложнением ситуации в стране, Центральная рада приступила и к созданию вооруженных формирований. Рекомендации об этом, судя по всему, поступали из-за рубежа. Организованные подразделения должны были стать опорным звеном украинских националистов в реализации сепаратистских замыслов. Несмотря на это, разрешение дал и А.Ф. Керенский. В качестве еще военного министра в мае 1917 г. он присутствовал на совете в ставке главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова, где было принято решение о формировании трех «украинских корпусов»⁵⁵. Оказавшись во главе государства, А.Ф. Керенский,

⁵¹ Революция и национальный вопрос. Т. III. К., 1930. С. 176.

⁵² Там же.

⁵³ Киевская мысль. 1917. 27 июля.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Щавлинский Н.Б. Белорусский национальный комиссариат в Одессе: предпосылки создания и деятельности в 1918 году // Славяноведение. 2014. № 1. С. 94.

судя по всему, не отказался от такого рода революционных иллюзий, осуществление которых способствовало лишь разложению армии.

По всем военным округам России Центральной радой была разослана телеграмма, содержащая призыв к украинцам создавать национальные части. Подпись под ней поставил провозглашенный атаманом С. Петлюра. Данная инициатива наряду с большевистской пропагандой, безусловно, способствовала подрыву боеспособности русской армии. Присягу на верность Центральной раде дали около 300 тысяч военнослужащих⁵⁶. Но и в национальных подразделениях служить они не хотели, проявляя при различных обстоятельствах склонность к дезертирству. Офицеры же «украинского происхождения» в подавляющем большинстве разделяли мнение о необходимости сохранения единой и неделимой России⁵⁷.

Организован был в Киеве и военный отряд из униатов, служивших до перехода в разряд пленных в армии Австро-Венгерской империи. Осенью 1917 г. из них создается так называемый «Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов»⁵⁸. Особенности этнополитических процессов, происходивших в пределах Червонной Руси, в воспоминаниях «Война и революция на Украине» отобразил профессор Д.И. Дорошенко, придерживавшийся впоследствии умеренных националистических взглядов. В 1917 г. он занимал «пост ответственного комиссара Временного правительства в Галиции и Буковине»⁵⁹.

Давая оценку деятельности «Союза освобождения Украины» в среде «русских военнопленных», Д.И. Дорошенко изображает ее исключительно как просветительскую⁶⁰, что отнюдь не соответствовало ее направленности. Содержание же ее под прикрытием культурных мероприятий имело сугубо сепаратистский характер. С. Петлюра вынашивал и намерение по введению на Украине собственного патриархата, независимого

⁵⁶ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 122.

⁵⁷ Там же. С. 122, 130.

⁵⁸ Там же. С. 122.

⁵⁹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 525.

⁶⁰ Там же.

от Москвы как религиозного восточнославянского центра⁶¹. Это разрушило бы единство русской православной церкви.

Именно фактор веры и этническое родство обеспечили в прошлом восстановление исторической справедливости и привели к объединению восточных славян в непростых геополитических условиях XVII в. Идея «собственного патриархата на Украине» в среде православного населения также не воспринималась и не имела, соответственно, поддержки. Какой-либо четкой определенности во взглядах С. Петлюры не прослеживалось. Не исключал он и вероятности создания «польско-украинского федеративного государства»⁶². Центральная рада для немедленного введения автономии предприняла попытку заручиться более широкой поддержкой.

По ее инициативе с 8 по 19 сентября 1917 г. в Киеве был для этого созван съезд «представителей народов и областей России по национальному вопросу»⁶³. Присутствовавший на нем представитель Петрограда, обозначая официальную точку зрения на возможность предоставления автономии, подчеркнул в выступлении, что Временное правительство «само является сторонником федеративного устройства»⁶⁴. Замыслы Центральной рады и на этом съезде не встретили понимания прибывших из различных мест делегатов. Вопреки намерениям организаторов провести радикальные сепаратистские решения, делегаты высказались «за федеративную связь всех народов» России⁶⁵.

Между тем по мере обострения кризиса в стране Центральная рада предпринимала все более радикальные шаги в достижении автономии и с Временным правительством фактически не считалась. В нарушение предшествующих договоренностей по ее инициативе 24 сентября 1917 г. Генеральный секретариат сделал заявление о вступлении в управление Украиной⁶⁶. Дан-

⁶¹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 196.

⁶² Дегтярев А.К. Украинский национализм: «галичанство» против русскости // Южнороссийское обозрение. Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д, 2007. С. 116.

⁶³ Терский край. 1917. 11 окт.

⁶⁴ Серебрякова З.А. Региональные советы национальных районов (март 1917 – март 1918). М., 1984. С. 78; Терский край. 1917. 11 окт.

⁶⁵ ЦГИА РФ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 316. Л. 16.

⁶⁶ Голиков А.Г. Указ. соч. С. 70.

ный акт являлся односторонним и с Временным правительством уже не согласовывался. Ситуация же и на данном направлении выходила из-под его контроля. Государственная система становилась все более разбалансированной. Временное правительство утрачивало возможности осуществлять властные функции.

Это и подстегивало, по заключению М.И. Терещенко, занимавшего в нем должность министра иностранных дел, «сильные центробежные тенденции» на всех российских окраинах⁶⁷. Этнополитические процессы с такой направленностью определялись между тем элитами, но не населением. В связи с этим Временное правительство было против удовлетворения и сомнительных требований Центральной рады. На всех этапах вплоть до октябрьских событий 1917 г. оно настаивало на соблюдении органами власти всех уровней законных параметров при попытках реализации федерализма, включая обязательность волеизъявления народа путем всеобщего голосования⁶⁸. Значительная часть населения даже собственно малороссийских губерний была в 1917 г. против идеи автономии и украинизации⁶⁹.

Из-за ставки именно на них и иные «этнические ценности», а в дальнейшем и выход из состава России, Центральная рада не получила поддержки⁷⁰. Населением «малороссийских губерний» она в качестве органа власти не воспринималась. Даже спустя несколько месяцев после образования его представители обращались в Петроград за разъяснениями, «что такое Рада?»⁷¹. На Слобожанщине и в Новороссии ее власть вообще не признавалась. Заявления Центральной рады о принадлежности данных территорий Украине встречали лишь неприятие в массах. Всерьез тогда они не воспринимались, так как российская субъектность существовавших в их пределах административных образований считалась неоспоримой.

⁶⁷ Там же. С. 69; Керенский А.Ф. Потерянная Россия. М., 2007. С. 496.

⁶⁸ Бондаренко Д. Временное правительство и Украинская Центральная Рада. С. 157–158.

⁶⁹ Бондаренко Д. Указ. соч. С. 156–158.

⁷⁰ Там же. С. 158.

⁷¹ Сталин И.В. Что такое Украинская Рада? // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 20.

Тенденция сохранения «единого русского народа» и в 1917 г. между тем являлась преобладающей. Условия для объединения на такой основе всего восточнославянского сообщества существовали и на бывших территориях Руси, находившихся в составе Австро-Венгерской империи. Сепаратистские же идеи как в восточных, так и в западных частях расселения не получали поддержки. Определившаяся украинская идентичность до 1917 г. отсутствовала. При попытках насаждения она воспринималась населением «малороссийских губерний» как явление «чужеродное». Украинский сепаратизм как альтернатива имел значительно меньшую поддержку, чем движение за объединение всего восточнославянского сообщества в границах России. Предпосылки же для изменения исторической кодификации на уровне незавершившихся процессуальных состояний этнической эволюции между тем существовали.

После октябрьских событий 1917 г. в Петрограде Центральная рада заявила об образовании «Украинской Народной Республики». Усилия националистов, таким образом, даже при отсутствии массовой общественной поддержки смогли воплотиться на практике. Проект же, основанный на большевистской программе, имел сходство. В проводившейся политике реализовывались идеологические установки о «маловажности государственных границ», поскольку неизбежна мировая революция и превращение «диктатуры пролетариата из национальной... в интернациональную... с решающим влиянием на всю мировую политику». Население России убеждали в необходимости «готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала». Пропагандой насаждались представления о «слиянии рабочих и крестьян всех наций» и образовании «единой всемирной Советской республики»⁷².

Проект В.И. Ленина исходил из неизбежности мировой революции и предполагал более аморфное государственное об-

⁷² Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115; Он же. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43; Он же. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 165–166.

разование, с постепенным включением в него всех зарубежных стран после утверждения в них «советского строя»⁷³. Вместо «полного политического единства государства» с сочетанием элементов унитарности и российского универсализма, заложенных в административно-территориальное обустройство еще до 1917 г., были предложены более слабые федеративные связи⁷⁴. Разграничение же «автономных областей» предусматривалось «по национальному признаку»⁷⁵. Предложенное В.И. Лениным с учетом его устройство⁷⁶ соответствовало европейским, но не российским реалиям. Наличие обширных территорий со смешанным составом населения, где из-за исторически сложившейся демографической ситуации нельзя было отдавать предпочтение какой-либо одной этнической группе, не учитывалось.

Экстерриториальный (внеземельный) принцип как форма пространственной организации отвергался⁷⁷, что способствовало переходу впоследствии на иной, более однообразный, уровень сплочения. В платформе «Совета народов России», принятой на съезде в Киеве в сентябре 1917 г., предлагалась более гибкая схема обустройства окраин. В ней предусматривалась широкая «национально-территориальная» автономия «для народов, имеющих свою территорию» и «персонально-национальная» автономия «для народов, не имеющих своей территории»⁷⁸. Политикой советской власти поддерживался, прежде всего, культурный сепаратизм⁷⁹, не игравший ранее сколько-нибудь существенной роли. Националистический принцип, воспроизводивший в преобразованиях европейские реалии, являлся определяющим наряду с этим при создании автономных, а впоследствии и союзных республик.

М.С. Грушевский с удивлением отмечал, что при реализации советской модели обустройства пространства бывшей

⁷³ Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 437–534.

⁷⁴ Там же. С. 42.

⁷⁵ Там же. С. 118.

⁷⁶ Ленин В.И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии латышского края // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209.

⁷⁷ Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. С. 172.

⁷⁸ ЦГИА РФ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 316. Л. 16.

⁷⁹ Трубецкой Н. К украинской проблеме. С. 520.

Российской империи сделано именно то, что намеревались ранее осуществить сторонники украинского сепаратизма. Сегментация восточнославянского сообщества производилась в соответствии с предусматривавшимся Центральной радой национальным критерием. На нем и основывались представления о праве наций на самоопределение. Поддерживалось большевистской пропагандой и отождествление «украинцы». Упоминания о них стали производиться как об отдельном народе, которому также должно быть предоставлено право на отделение и образование независимого государства.

В соответствии с притязаниями украинских сепаратистов большевистским режимом рассматривался и вопрос о границах. Признание получало то, на что, исходя из теории М.С. Грушевского, претендовала Центральная рада. В сознание масс при помощи публицистики и основанной на ней агитации внедрялось и наименование «украинцы», не имевшее ранее широкого распространения. Наряду с этим идентификации «малороссы» было придано дискриминирующее значение. Взлом восточнославянской исторической кодификации происходил под воздействием революционной идеологии, обладавшей не апробированной на практике новизной и неизведанной привлекательностью. Наслаивались на нее и националистические мифы.

Программа пришедшей к власти партии, провозглашавшая необходимость утверждения социальной справедливости, по важнейшим позициям оказалась притягательной. Отклонения же от идеала происходили еще по ходу гражданской войны. Но пропаганда РКП(б) сглаживала это противоречие, и ее получившая цельность на предшествующих этапах идеология превратилась в мощный фактор перегруппировки самосознания. Именно мировоззренческая составляющая, основанная на обещаниях утверждения идеала социальной справедливости, не в последнюю очередь и явилась залогом успеха. Идеал социальной справедливости имел в значительной мере совпадение с восточнославянским общинным кодом, хотя этническая среда в этом отношении также не являлась однородной. Все остальное было следствием привнесений, основанных на копировании опыта национальных государств Запада. Заимствованными

были и связанные с ним теории.

Программными положениями РКП(б) они были лишь вмонтированы в марксистские схемы, обобщавшие опыт европейских революций. Между тем декларируемое право на самоопределение в российском согражданстве широкого понимания не встречало. Сопротивляемость восточнославянского этнического поля в условиях кризиса оказалась ослабленной. Вследствие наступившей фазы надлома восприниматься стало и определение «украинцы», не имевшее ранее широкого распространения в губерниях Малороссии. Привносилось оно из восточнославянских провинций Австро-Венгерской империи, где тем не менее замена самоидентификации также не получила завершения. Но целенаправленная работа, проводившаяся на этом направлении сепаратистами, не проходила бесследно.

§ 2. Реалии самоопределения

По ходу переломных событий знавшие специфику «Малой Руси» высказывали тревожное предостережение, что коренное население там «никогда, на протяжении многих веков, не считало и не считает себя украинцами», самоопределение же его «всегда и неизменно» имело направленность на единство с русским народом⁸⁰. Об этом, в частности, писал А.И. Савенко, представлявший край в IV Государственной думе⁸¹. Общаясь с избирателями как депутат, ситуацию он воспринимал не только исходя из своего малороссийского происхождения. Сложившихся убеждений А.И. Савенко в период революции и гражданской войны не изменил. Малороссию он считал «исконной и самой древней русской областью... колыбелью русской государственности»⁸². При этом А.И. Савенко ссылался на «объективные научные данные», которые предоставляют «исторические, этнографические, лингвистические и иные» исследования⁸³.

В воспоминаниях современников событий революции и

⁸⁰ Цит. по: Савенко А.И. К вопросу о самоопределении населения Южной России. С. 291.

⁸¹ Там же. С. 422.

⁸² Цит. по: Там же. С. 291.

⁸³ Там же.

гражданской войны сохранилось упоминание о том, что именно большевики «усвоили... всю украинскую терминологию», а «малорусский народ» стали называть «украинским»⁸⁴. Как происходило ее насаждение прослеживается по публицистике В.И. Ленина, а также И.В. Сталина, возглавлявшего Народный Комиссариат по делам национальностей, образованный в структурах управления по декрету II Всероссийского съезда Советов, принятому 26 октября 1917 г.⁸⁵ В составленной впоследствии краткой биографии вождя сообщалось, что он «непосредственно руководил всей работой... в деле разрешения национального вопроса» до 1923 г. с «первых же дней существования Советского правительства»⁸⁶.

Наряду с В.И. Лениным в заслугу ему было поставлено создание советских республик «на месте царских колоний». Утверждалось также о принадлежности инициативы в этих свершениях «рабочим и крестьянам»⁸⁷, хотя преобразования производились при насаждении решений сверху и нередко при помощи насилия. Подразделениями Наркомнаца разрабатывались конкретные формы проводившейся политики и на подвергшемся сегментации восточнославянском направлении. Наполнение их основывалось на теоретических установках, в которых копировался европейский опыт. В речи на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г. И.В. Сталин сделал следующее разъяснение по поводу проявившихся, в частности, разногласий в понимании провозглашенной возможности самоопределения: «Рада предлагает установить в России федеративный строй. Совет же Народных Комиссаров идет дальше Рады, вплоть до права на отделение»⁸⁸.

⁸⁴ Царинный А. Украинское движение. С. 246.

⁸⁵ См. подробнее: Акопян В.З. К вопросу о деятельности подразделений Наркомнаца по делам национальных меньшинств на Юге России // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 12–13 декабря 2014 г. Пятигорск, 2014. С. 12.

⁸⁶ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. (Составители: Александров Г.Ф., Галактионов М.Р., Кружков В.С., Митин М.Б., Мочалов В.Д., Поспелов П.Н.). Госполитиздат. М., 1952. С. 67.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Сталин И.В. Об Украинской Раде. Речь на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 15–16.

В выступлении наркома по делам национальностей приводился на этот счет и конкретный пример: «Областные центры, построенные по типу Советов Народных Комиссаров (Сибирь, Белоруссия, Туркестан), обращались в Совет Народных Комиссаров за директивами. Совет Народных Комиссаров ответил: вы сами – власть на местах, сами же должны выработать директивы»⁸⁹. В одном из обращений к «украинскому народу» И.В. Сталин провозгласил и по отношению к нему возможность «свободного самоопределения», подчеркнув, что «Совет Народных Комиссаров... ничего не имеет даже против» выделения «в независимое государство»⁹⁰. В.И. Ленин сделал такое же заявление: «Национальные же требования украинцев, самостоятельность их народной республики, ее права требовать федеративных отношений, признаются Советом Народных Комиссаров полностью и никаких споров не вызывают»⁹¹. Наряду с этим он неоднократно подчеркивал, что «интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение»⁹².

Представления В.И. Ленина складывались, как видно, и по этому вопросу из взаимоисключающих противоречий. Связующими в них были лишь классовый подход и надежды на осуществление мировой революции. В понимании В.И. Ленина и федерация являлась только «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций»⁹³. Данное положение дополнялось разъяснением, что «интернационализм требует... подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе»⁹⁴. Во имя мировой революции В.И. Ленин призывал не опасаться распада России «на отдельные республики»⁹⁵. В сфере государственных преобразований политика советского правительства, таким

⁸⁹ Там же. С. 16.

⁹⁰ Сталин И.В. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 8.

⁹¹ Ленин В.И. Постановление СНК об ответе Рады Совету Народных Комиссаров // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 212.

⁹² Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251.

⁹³ Ленин В.И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 164.

⁹⁴ Там же. С. 165–166.

⁹⁵ Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115.

образом, оказалась более радикальной. С ее проведением в том числе связывали угрозу развала России, раздробление «ее на многочисленные независимые государства»⁹⁶.

В провозглашенном «праве наций на самоопределение вплоть до отделения» уже в тот период видели «пагубную ошибку»⁹⁷. В ответ на обвинения в развале страны В.И. Ленин заявлял о позитивном характере последствий перемен, обуславливавшихся захватом власти на ряде территорий сепаратистскими режимами, тем более если они объявляли себя «советскими»⁹⁸. При описании событий И.В. Сталин внес только уточнение, что «Октябрьская революция и Брестский мир лишь углубили и развили дальше процесс распада»⁹⁹. В своих геополитических интересах использовали эти последствия и зарубежные страны. Между Англией и Францией в конце 1917 г. была заключена тайная конвенция о разделе сфер в западных районах бывшей Российской империи. Осуществить это предусматривалось после завершения Первой мировой войны. Антанта рассматривалась в конвенции победившей стороной.

В соответствии с ней «балтийские провинции и прилегающие к ним острова, а также Кавказ и Закаспийская область» включены были в английскую зону, Франция же получала «права на Украину и Крым»¹⁰⁰. Дестабилизация российского государственного пространства в связи с реализацией большевистской программы по национальному вопросу продолжалась, что создавало благоприятные возможности для достижения изложенных выше замыслов. Сложившееся положение И.В. Сталин характеризовал следующим образом: «Взявшие тогда первенствующую роль австро-германские империалисты, ловко играя на распадении былой России, обильно снабжали

⁹⁶ Сталин И.В. Речь на съезде финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 3.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. С. 115.

⁹⁹ Сталин И.В. Политика правительства по национальному вопросу // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 225.

¹⁰⁰ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 354.

окраинные правительства всем необходимым для борьбы с центром, местами оккупировали окраины и вообще способствовали окончательному распаду России. Империалисты Антанты, не желая отстать от австро-германцев, пошли по тому же пути»¹⁰¹.

Совет Народных Комиссаров предпринял даже «официальное» признание «Украинской республики»¹⁰², несмотря на то, что проект не опирался на массовую поддержку. Заявлялось также о готовности сделать то же самое в отношении «любой национальной области России, при желании на то трудового населения»¹⁰³. Не исключалась вместе с тем возможность федеративного устройства страны¹⁰⁴. Это свидетельствует о том, что политика большевиков на начальной стадии не опиралась на продуманные меры и также имела импровизированный характер. В среде русской эмиграции за рубежом впоследствии появились оценки, что пришедшие к власти революционеры «совершенно не знали реальных проблем, призывали к всеобщему разрушению»¹⁰⁵. На путь государственного патриотизма они встали лишь под давлением обстоятельств по ходу гражданской войны. По практическим действиям после «октябрьского переворота» прослеживалось в течение продолжительного времени отсутствие какого-либо «конструктивного плана» и «позитивной идеи»¹⁰⁶.

Советским руководством допускалась как «приемлемая и желательная» даже возможность «национализации» армии¹⁰⁷. По его представлениям организованные по такому принципу войска смогут «наилучшим образом защищать свою территорию»¹⁰⁸. Реализация же оговаривалась лишь невозможностью немедленного осуществления из-за складывавшихся обстоятельств на фронте и перспективами подписания мирного договора с Германией¹⁰⁹. Это являлось прологом к развалу

¹⁰¹ Сталин И.В. Политика правительства по национальному вопросу. С. 225.

¹⁰² Сталин И.В. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте. С. 8.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 8–9.

¹⁰⁵ Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М., 2005. С. 31.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Сталин И.В. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте. С. 10.

¹⁰⁸ Сталин И.В. Об Украинской Раде. Речь на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г. С. 16.

¹⁰⁹ Там же.

армии. Применявшиеся теоретические установки имели оторванность от реальности. Советское руководство в тех условиях только осудило приказы С. Петлюры, который, воспользовавшись сложившейся ситуацией, перестал считаться со Ставкой и стал переподчинять «все украинские части армии и флота»¹¹⁰. Это создавало дополнительную угрозу дезорганизации фронта.

Однако случаи выполнения приказов С. Петлюры в тех условиях являлись редкими исключениями. Основная масса солдат и матросов, призванных в русскую армию на Украине, отказывалась им подчиняться и восприняла, несмотря на усталость от войны, необходимость в соответствии с директивами образованного в Петрограде после переворота правительства исполнять до конца свой долг перед родиной¹¹¹. Попытки разоружения советских формирований в Харькове и Одессе, предпринятые Генеральным секретариатом Рады с целью включения в проект украинского государства Слобожанщины и Новороссии, натолкнулись на ожесточенное сопротивление и получили отпор¹¹². Поддержки у населения сельской округи они также не получили. На вопрос о национальной принадлежности население давало тогда еще ответ: «Мы – русские»¹¹³.

Сепаратистские идеи оно встречало враждебно. «Народная масса», как писал впоследствии А.И. Савенко, «стояла... за единую Россию»¹¹⁴. На выборах в Учредительное собрание Украины в январе 1918 г. сторонники отделения от нее потерпели «самое жестокое поражение». Выступавшие под лозунгом независимости смогли собрать лишь «ничтожное число голосов». Им приходилось сталкиваться с тем, что «интеллигенция и вообще весь культурный класс Малороссии не сочувствует украинскому движению и относится к нему отрицательно»¹¹⁵. С мотивированными заявлениями против украинизации края выступили «Киевская Духовная академия, университеты Киевский, Харьковский и Одесский, Киевский политехнический

¹¹⁰ Сталин И.В. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте. С. 9.

¹¹¹ Там же. С. 10.

¹¹² Там же. С. 11.

¹¹³ Савенко А.И. К вопросу о самоопределении населения Южной России. С. 293.

¹¹⁴ Цит. по: Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 294.

институт и другие высшие учебные заведения»¹¹⁶. В проводившейся же большевистским руководством политике эта реальность игнорировалась.

В ней осуществлялся националистический, по сути, принцип «одна нация – одно государство». Прикрытием ему служила лишь универсалистская идея международной классовой солидарности (интернационализма), имевшая частичное совпадение со сложившимся кодом восточнославянского единства. Тем не менее ряд большевистских лидеров, реализовывавших проект украинского государства, стояли именно на националистических позициях (Н. Скрынник и др.)¹¹⁷. Составленная М.С. Грушевским геополитическая конструкция, не опиравшаяся на объективную реальность, насаждалась сверху. Преобразования правительства «Украинской Народной Республики» вызывали у населения «малороссийских губерний» ненависть. Сечевые стрельцы, принимавшие участие в реквизициях, воспринимались как «инородцы и иноверцы»¹¹⁸.

В среде восточнославянского сообщества историческая кодификация в тех условиях порождала и альтернативные проявления. Наряду с «Украинской Народной Республикой» в составе РСФСР были провозглашены Донецко-Криворожская, Одесская, Таврическая автономии, с соответствующими дополнениями «советские социалистические»¹¹⁹, указывавшие, в том числе, на вектор самоопределения. По такому же варианту произведено было декретирование Донской, Ставропольской, Терской и Черноморской республик¹²⁰. Это являлось отражением общего процесса установления федеративных отношений с центром. Настроения же на сохранение единства с Россией имели в условиях гражданской войны весьма широкое распространение и не менялись вплоть до окончания гражданской войны, показывая наличие нуждавшейся в реализации устойчивой тенденции.

Так, «Украинский национальный комитет», имевший связи даже с Галицией, всецело стоял на позициях неделимости

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 122–123.

¹¹⁸ Там же. С. 126.

¹¹⁹ Там же. С. 122–123.

¹²⁰ Сергеев В.Н. Донская республика (1917–1918). Ростов н/Д, 2005. С. 102.

России, отстаивая для Украины в будущем лишь местную автономию¹²¹. Входившие в него представители украинского народа признавали «гибельность самостийных течений», в их числе и движения под предводительством С. Петлюры, призывая к единению «русских сил»¹²². Из-за нараставшего радикализма, к сожалению, эти усилия оказались нереализованными. Объективные условия для их воплощения в действительности между тем существовали на всем пространстве расселения восточнославянского сообщества, в том числе и в западных ареалах. В 1918 г. лемками Холмщины была провозглашена «Русская Народная Республика». Функционирование ее как государственного образования продолжалось до 1920 г.¹²³ Это указывает на то, что проект опирался на сохранявшуюся еще в то время соответствующую самоидентификацию населения.

Разъединению восточных славян способствовали, как уже отмечалось, и зарубежные страны. Усилия для этого, в частности, продолжали прилагать Австро-Венгерская и Германская империи. Затягивание Первой мировой войны истощало экономические возможности этих государств для ее продолжения. Подчинение же Украины в качестве сырьевого придатка открывало возможность обладания ресурсами. Ставка делалась для достижения этой цели на поддержку сепаратистских группировок для отрыва региона от остальной России. В переданной по прямому проводу из Петрограда 24 февраля 1918 г. «Записке... Народному секретариату Украинской советской республики» на это как раз и обращалось внимание. По этому поводу в ней, к слову, говорилось, что власть «Винниченко... сама по себе не представляет для немцев ценности». При помощи ее, по утверждению наркома И.В. Сталина, оказывался «реальный нажим» на большевистское руководство для получения согласия на принятие договора «старой Рады с Австро-Венгрией», так как «немцам нужен не Винниченко, а обмен фабрикатов на хлеб и на руду»¹²⁴.

¹²¹ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 345.

¹²² Там же.

¹²³ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 27.

¹²⁴ Сталин И.В. Записка по прямому проводу Народному секретариату Украин-

После подписания в 1918 г. Брест-Литовского мирного договора Германия поспособствовала вместе с тем созданию «Белорусской Центральной Рады», также вставшей на путь разделения восточнославянского сообщества. Это нашло вскоре выражение в провозглашении независимой «Белорусской Народной Республики»¹²⁵. Однако и в этом случае разъединение с Россией не пользовалось поддержкой масс. В современных исследованиях в отдельных случаях преувеличивается, на мой взгляд, роль «национальных комиссариатов» и других немногочисленных белорусских объединений в выборе варианта самоопределения. Влияние же их на самом деле оказывалось весьма ограниченным и расходилось с этнополитическими предпочтениями населения, интересы которого они якобы представляли¹²⁶. Провозглашение Белорусской радой 24–25 марта 1918 г. «независимой республики»¹²⁷ происходило, во всяком случае, без учета преобладавших настроений.

Ликование в этой связи отнюдь не было всеобщим. По принимавшимся национальными группами в различных городах страны резолюциям и практическим действиям¹²⁸ нельзя делать вывод о выборе самого белорусского народа. Однако субэтническая кодификация прослеживалась в экстремальных условиях гражданской войны и в вариантах самоопределения в восточнославянской среде. Если в проектах «Украинской и Белорусской Республик» преобладающим являлось все же сепаратистское для восточных славян начало, то в Донецко-Криворожском, Одесском и Таврическом вариантах самоопределения прослеживался устойчивый российский вектор, отражавший иную реальность, которая между тем оказалась проигнорированной.

Попытки украинизации предпринимались заинтересованными силами и по ходу гражданской войны. Поддержка их со

ской советской республики // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 42.

¹²⁵ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 126.

¹²⁶ Щавлинский Н.Б. Белорусский национальный комиссариат в Одессе: предпосылки создания и деятельности в 1918 году // Славяноведение. 2014. № 1. С. 93–101.

¹²⁷ Там же. С. 97.

¹²⁸ Там же. С. 98.

стороны Германии вызывалась не только геополитическими расчетами. В период оккупации Малороссии ее руководство надеялось получить максимальное количество продовольственных и иных ресурсов. Изъятие их для собственных нужд вызывалось ситуацией голода, возникшей в этой стране из-за затягивания Первой мировой войны¹²⁹. Намерение же поправить ситуацию при помощи разъединения восточнославянского сообщества было изначальным и преобладающим. Проект государства в соответствии с положениями теории М.С. Грушевского навязывался населению украинскими националистами при поддержке Германии. Искусственный характер предусматриваемых в ней границ, определенных по критерию происходившей якобы колонизации, во внимание не принимался.

На отрыв теории М.С. Грушевского от исторических реалий указывало, в частности, то, что проводившаяся в соответствии с ней политика украинизации населением не принималась, вызывая протестные настроения не только в городах, но и в сельской местности. В 1918 г. даже в Киеве неоднократно срывались национальные флаги, а на их месте под общее одобрение присутствующих поднимался российский стяг. Разгрому подвергались и украинские организации. Для обеспечения разъединения восточных славян по ходу гражданской войны прилагались немалые усилия. В наиболее жесткой форме идеалы украинского национализма стали насаждаться во время правления Директории, которая 17 декабря 1918 г. выпустила распоряжение, запрещающее даже пропаганду федерализма. За ее проведение со ссылкой «на законы военного времени» предусматривались суровые меры наказания, вплоть до смертной казни¹³⁰.

Но и угроза таких карательных санкций не обеспечивала успешность проведения украинизации в «малороссийских губерниях» и тем более в сопредельных юго-восточных регионах, где историческая кодификация, несмотря на специфику смешанного диалекта, по сформировавшемуся самосознанию вообще исключала возможность разъединения восточнославян-

¹²⁹ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 128.

¹³⁰ Там же. С. 132–133.

ского сообщества. Стоявшие на позициях украинского национализма политические группировки, в том числе и Директория, сочувствием у населения не пользовались. От них происходил массовый отход «повстанческих отрядов», вступавших в Красную армию или принимавших совместно с ней участие в боевых операциях¹³¹. В период гражданской войны и в бывших малороссийских губерниях распространение получила поговорка: «В вагоне Директория, под вагоном территория»¹³², содержащая намек на отсутствие поддержки у населения.

Советская власть воспринималась в качестве общероссийской, получая, в том числе, вследствие этого широкое признание. На службу большевистскому режиму переходили и атаманы, возглавлявшие разнородные по своим целям движения. Принимали они участие в ликвидации и националистических формирований¹³³. Лозунг «прочь от Москвы» популярностью не пользовался¹³⁴. Руководство же советской России заявляло, что войну на этом направлении ведет «украинское правительство», представляющее независимое государство. И действительно на территории «малороссийских губерний» бойцы Красной армии набирались из местного населения¹³⁵. Националистические установки Центральной рады и Директории, таким образом, наталкиваясь на объективную реальность, и в условиях революционной экстремальности не срабатывали.

Массовой поддержки на том этапе они не получали. Тенденция на сохранение целостности России оказывалась тогда неизменно преобладающей. В 1919 г. С. Петлюрой издается приказ, в котором содержалось признание, что «украинские офицеры ненадежны, ибо почти поголовно стоят за объединение с Россией»¹³⁶. Проявлялась у части населения в этой связи склонность к участию в вооруженных силах А.И. Деникина, провозгласившего собиравшие пространства империи в качестве определяющей цели «белого движения». Включались в него и

¹³¹ Там же. С. 134.

¹³² Смолич Ю. Указ. соч. С. 72.

¹³³ Калашников М., Бунтовский С. Указ. соч. С. 134–135.

¹³⁴ Смолич Ю. Указ. соч. С. 72.

¹³⁵ Там же. С. 136.

¹³⁶ Волконский А.М. Указ. соч. С. 100.

отряды из Галиции¹³⁷. С учетом существовавших настроений в среде бывших австро-венгерских подданных А.И. Деникин отдал распоряжение, предписывавшее обязательность «дружелюбного» к ним отношения¹³⁸.

В условиях гражданского противостояния, когда нависла угроза над перспективой сохранения восточнославянского единства, какая-то часть жителей этой бывшей провинции Австро-Венгерской империи избавилась, судя по всему, от антироссийских настроений, усиленно насаждавшихся в предшествующий период. Поддержав генерала А.И. Деникина, формирование «галичан» подчинилось ему «через Командующего войсками Новороссийской области», как было помечено в согласительном документе, определявшем отношения сторон¹³⁹. Соответственно оно перешло под командование «Объединенных сил Юга России»¹⁴⁰. Гражданская война на всех восточнославянских территориях обрела, как и по всей стране, однотипные формы, что свидетельствовало о солидарном взаимодействии всего этнического сообщества.

Раскол на враждующие группы соответствовал общим закономерностям. Представители Галиции оказались не только в националистических формированиях С. Петлюры, но и в движении А.И. Деникина «за единую и неделимую» Россию. Какая-то их часть примкнула и к Красной армии. Такое же размежевание произошло вместе с тем в среде «Сечевых стрельцов», легионы которых формировались при поддержке из-за рубежа в противовес пророссийским силам. На сторону большевиков перешла часть военнослужащих «Галицийской армии», претерпевшей раскол, характерный для гражданских войн. Сформированное из ее представителей подразделение принимало участие в противостоянии с надеждой на воссоединение всего восточного славянства в границах России. Ему было присвоено наименование «Червоная украинская галицийская армия». Подразделения ее отличались дисциплинированностью, проявляли

¹³⁷ Смолич Ю. Указ. соч. С. 136.

¹³⁸ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 31.

¹³⁹ Смолич Ю. Указ. соч. С. 136, 138–139.

¹⁴⁰ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 31.

стойкость по ходу боевых действий¹⁴¹.

Такие же отзывы поступали и о тех «галичанах», которые включились в гражданское противостояние на стороне Белой армии А.И. Деникина¹⁴². Для достижения успеха на занимаемых ею территориях проводились преобразования, имевшие в том числе направленность на сохранение целостности сложившегося в имперских границах государства. Хотя обустройство, как помечалось в учредительных документах, объявлялось временным, вместе с тем оно имело нацеленность и на перспективу. В основу его на контролируемом Вооруженными силами Юга пространстве было положено «сохранение единства Российской державы» с предоставлением «автономии отдельным народностям и самобытным образованиям (казачеств)». Намечалась также децентрализация всего государственного управления¹⁴³.

Такие подходы, по утверждению А.И. Деникина, разделялись тогда «широкой русской общественностью», вследствие чего на них и делалась ставка командованием Вооруженными силами Юга. Поддержку они находили и в казачьих областях, населением которых воспринималась идея сохранения общерусского единства. Особые позиции занимали лишь отдельные представители. Сепаратистские намерения прослеживались у незначительных по численности групп на Кубани. Но основная масса казачества их отвергала. Попытки отторжения окраин от России в условиях гражданской войны, по свидетельству А.И. Деникина, опирались в значительной мере на внешнее вмешательство. Задействовались для этого и исторические технологии, содержавшие обоснования «давностью»¹⁴⁴. Однако простой народ, по словам А.И. Деникина, «чрезвычайно мало интересовался своей... родословной»¹⁴⁵. Теории В.О. Ключевского и М.С. Грушевского ему были «одинаково неведомы и чужды»¹⁴⁶.

Из ряда зарубежных стран, по свидетельству А.И. Деникина,

¹⁴¹ Смолич Ю. Указ. соч. С. 136, 138–139; Суляк С.Г. Указ. соч. С. 30.

¹⁴² Суляк С.Г. Указ. соч. С. 30.

¹⁴³ Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 книгах. Книга 3. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. С. 525.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Цит. по: Там же. С. 533.

¹⁴⁶ Там же.

последовали по мере усиления дестабилизации государственного пространства в условиях гражданской войны «щедрое посулы... признания... и благословление... окраинам на раздельное существование» от России¹⁴⁷. Всячески поддерживалось и сепаратистское движение, участники которого намеревались создать из девяти южных губерний «Украинскую Державу». В нее включалась и Новороссия. Такая перспектива и в тех условиях отторгалась населением края. Идея обособления не воспринималась и в малороссийских губерниях. Одним из ставленников немцев являлся С. Петлюра, вставший на путь разрушения единства России¹⁴⁸. С сепаратистскими вождями такого рода, как считал А.И. Деникин, не следует путать «деятельность, внушенную любовью к родному краю, к его особенностям, к его местной старине и его местному народному языку»¹⁴⁹.

По его представлению, «в основу устройства областей Юга России» именно с учетом таких реалий и должно ложиться «начало самоуправления и децентрализации при неперменном уважении к... особенностям местного быта». Недопустимым А.И. Деникин признавал и игнорирование в преобразованиях «малорусского народного языка». По этому поводу он отдавал даже соответствующие распоряжения. На «малорусском народном языке» разрешалось «говорить в местных учреждениях, земских, присутственных местах и суде». Допускалось его использование в сфере образования. Даже в «казенных школах» предусматривалось ввести специальные уроки, на которых народный говор можно было бы осваивать «в его классических образцах». Ограничения для «малорусского языка» снимались и для печати¹⁵⁰.

При наметившемся после публикации различного отношении к этому акту русская общественность на контролируемой Вооруженными силами Юга территории в целом восприняла его положительно. В нем обобщалось кое-что, следует заметить, и из практики, сложившейся еще в имперский период. В

¹⁴⁷ Там же. С. 526.

¹⁴⁸ Там же. С. 530–531.

¹⁴⁹ Там же. С. 531.

¹⁵⁰ Там же.

качестве дополнения последовали лишь предложения от некоторых организаций предоставить еще и «земским... городским самоуправлениям на Украине право открывать среднюю школу с преподаванием на малорусском языке, а в высшей школе допускать чтение лекций на этом языке в случае желания лекторов и слушателей»¹⁵¹. Последнее пожелание показывает вместе с тем неуверенность составителей в востребованности его в среде обучаемых. Однако в условиях гражданской войны открывались и полностью украинизированные учебные заведения, находившиеся «исключительно в руках сепаратистов»¹⁵².

В них было много пришлого элемента из Галиции. Такие школы как раз и служили, по оценке А.И. Деникина, «очагами самостийности и петлюровской пропаганды». Влияние «галичан» в них было очень сильным¹⁵³. Те же, кто вставал на путь сепаратизма, по наблюдениям генерала, занимавшегося, в том числе проблемами налаживания мирной жизни и государственного устройства, заблуждались насчет потери «национального самосознания» в восточнославянском сообществе. В реальности проявлялись лишь подвиги на расширение самостоятельности. Политика советской власти, по оценке А.И. Деникина, вступала с ней в противоречие, провоцируя процессы суверенизации. Что же касается «украинской постановке национального вопроса», он в воспоминаниях подтвердил, что возглавляемое им правительство южных территорий в намерениях сохранить целостность страны поддерживалось «общественным мнением и научными силами»¹⁵⁴.

В соответствии с этим оно придерживалось твердых убеждений в сохранении курса «на национальное, религиозное и культурное единство русского народа в лице трех ветвей его – великорусской, малорусской и белорусской». Не отрицалось при этом и то, что они имели местные отличия. Программой преобразований Вооруженных сил Юга предусматривалось их сохранение. Проектировавшимся административным устройством занимаемое ими пространство разделялось на Ки-

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. С. 532.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 526–527.

евскую, Харьковскую и Новороссийскую области¹⁵⁵. Как видно, наименование Украина для субъектов исключалось. Однако из-за отсутствия объективных научных данных допускалась ошибка, связанная с нарушением исторических границ Малороссии и Новороссии.

Киевская область, например, составлялась из принадлежавшей ей ранее как губернии территории, волыньских, значительной части подольских, полтавских и черниговских уездов, население которых обладало отличавшейся восточнославянской субэтничностью. В Харьковскую область с таким же несоответствием включались части Полтавской, Екатеринославской, Криворожский район Херсонской губерний и три северных Таврических уезда¹⁵⁶. Объединение в ней также производилось исходя из представлений общерусского единства. Соответственно игнорировались языковые и культурные различия в восточнославянской среде. Смешанные диалекты не были изучены и с самосознанием не соотносились. Такая необходимость в науке будет признана позже.

Намечавшимися преобразованиями Вооруженных сил Юга к Новороссийской области была отнесена Херсонская губерния. Из нее исключался только Криворожский район. Присоединен же был Балтский уезд Подольской губернии. В эту область предполагалось включить и Бессарабскую губернию после ее возвращения в состав России. Предоставлялось ей и свое «собственное расширенное самоуправление», казачьим же областям – «принципиальное право автономии»¹⁵⁷. В августе 1919 г. при подходе армии А.И. Деникина к Киеву было опубликовано «Обращение главнокомандующего к населению Малороссии». В нем говорилось о стремлении «вернуть русскому народу утраченное... единство». В составлении текста принимали участие сотрудники «Управления народного просвещения». Среди них была и профессура¹⁵⁸.

В одном из фрагментов получил отображение и языковой аспект, использовавшийся по ходу противостояния для пропа-

¹⁵⁵ Там же. С. 527–528.

¹⁵⁶ Там же. С. 528.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. С. 530.

ганды необходимости отделения Украины. В этой связи в обращении главнокомандующего к населению подчеркивалось, что «русская речь в равной доле» составлялась «вековыми усилиями Киева, Москвы и Петрограда»¹⁵⁹. К осени 1919 г. территория Вооруженных сил Юга достигла максимальных размеров¹⁶⁰. В связи с этим ее обустройство подверглось корректировке. В Харьковскую область были включены «малороссийские части» Воронежской, Курской и Орловской губерний¹⁶¹. Это создавало прецедент, который впоследствии так или иначе учитывался в преобразованиях в советский период. Между тем население этих частей, несмотря на смешанный диалект, имело двойственную восточнославянскую идентичность. Не учитывались ошибочно и исторические границы Новороссии, где происходили имевшие сходство процессы.

Не случайно А.И. Деникин в воспоминаниях с сожалением констатировал, что преобразования даже на стадии обсуждений наталкивались на ряд «серьезнейших затруднений, пагубно отразившихся на ходе борьбы»¹⁶². Однако трений по вопросу о единстве не возникало, так как это всецело соответствовало настроениям масс. Из казачьих областей пожелания поступали лишь «о порядке его осуществления и о пределах самоуправления». Особое мнение о «самостийности» при этом высказывали отдельные группировки на Кубани¹⁶³. Осуждая централизм, А.И. Деникин вместе с тем оправдывал то, что предусматривавшимся административным делением территории «бывшей гетманской Украины и Крыма не были сохранены в своих границах»¹⁶⁴.

Казачьи области на автономное положение должны были перейти «тотчас после заключения договора». Создававшиеся «прочие» субъекты на Юге России обретали свой статус в новых границах «по мере снятия в них военного положения». В их центрах высшими органами местного самоуправления намечалось

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. С. 530.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. С. 525.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 528.

сделать «областные думы»¹⁶⁵. В этом отношении копировались наработки реформ П.А. Столыпина. Они также основывались на идее децентрализации с совпадавшими наименованиями создававшихся управленческих структур¹⁶⁶. Возможность установления государственных связей с элементами федерации А.И. Деникин отвергал, опасаясь, что они «нарушат саму идею национального единства России»¹⁶⁷.

Формировавшееся на основе общей этничности национальное единство, как показывает предпринятый анализ, тогда еще осознавалось. В проводившейся политике с наступлением советской эпохи между тем под прикрытием принципа интернационализма стало производиться вычленение специфики¹⁶⁸, что так или иначе постепенно усиливало дифференцирующую составляющую. Именно при большевистском режиме и началась насильственная украинизация Малороссии. В среде населения такая политика встречала неприятие. «Поднятие национального» происходило по западноевропейскому варианту, с распределением народов в границах тех или иных государственных образований.

В создававшиеся республики уже по ходу гражданской войны включались территории со смешанным составом населения, что нарушало критерий исторической справедливости. Наряду с сепаратистами на радикальных позициях стояло также утверждавшееся у власти руководство РКП(б). Применявшиеся им теоретические установки имели оторванность от реальности и способствовали смещениям исторической кодификации. Существовавшие различия в восточнославянском сообществе и в тех условиях воспринимались как внутренние.

¹⁶⁵ Там же. С. 529.

¹⁶⁶ См. подробнее: Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... : Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991.

¹⁶⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 525.

¹⁶⁸ Там же. С. 174.

§ 3. Националистическая вандея

Командованию Белой армии в условиях гражданской войны приходилось сталкиваться с распространением в восточно-славянской среде южных ареалов антисемитских настроений. Проявлялись они в той или иной форме, по свидетельству А.И. Деникина, «в верхах и низах, в интеллигенции... народе... у петлюровцев, повстанцев, махновцев, красноармейцев, зеленых». Обострение же ситуации по «еврейскому вопросу» наблюдалось «задолго до вступления», по его уточнению, в административно определенную ранее «черту оседлости»¹⁶⁹. Сталкиваться с ним приходилось еще в период Первой мировой войны. Отдельными представителями Ставки по не поддававшимся проверке мнимым доносам допускалось тогда, как отмечалось в критических возражениях по ходу событий, «безобразное обращение с евреями в прифронтовой полосе»¹⁷⁰.

Меры по противодействию этому обсуждались на самом высоком уровне, но предотвратить страдания соотечественников так и не смогли. Представители евреев правильно ставили вопрос, что отвечать должны те, чья виновность доказана и отнюдь не высказывались против наказаний за измену¹⁷¹. Антагонизм с восточнославянским населением ряда российских губерний между тем являлся одним из неблагоприятных наследий прошлого и не всегда встречал при различных обстоятельствах правильное понимание. Закладывался он политикой, проводившейся в Речи Посполитой по отношению к православному восточнославянскому населению. Но только польским наследием явление это, безусловно, не исчерпывалось.

В историческом исследовании А.И. Солженицына «Двести лет вместе», в частности, помечено, что формированию антагонизма способствовали «сборщики податей, владевшие значительным имуществом», взимавшие неумеренные проценты «с бедных людей», а «в случае неплатежа» лишали должника вообще каких-либо средств к существованию и даже личной свободы¹⁷². Сведения об этом писатель, кстати говоря, по-

¹⁶⁹ Там же. С. 535.

¹⁷⁰ Катков Г.М. Февральская революция. Пер. с англ. М., 2006. С. 83.

¹⁷¹ Там же. С. 79–86.

¹⁷² Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 1. М., 2009. С. 23.

черпнул в «Краткой еврейской энциклопедии». Значительная часть народа была в этом неповинна и также страдала от ростовщичества, подвергаясь эксплуатации в тех же формах, что и остальные. Среди евреев существовали также беднейшие слои. Однако недовольство распространялось и на них, что и предопределяло особую восточнославянскую разновидность сепаратизма. По ходу событий гражданской войны при его проявлениях пробивалась стихия, вбиравшая сочетание разных причин. Среди них А.И. Солженицын выделил и религиозную нетерпимость, занесенную переселенцами из Европы, где связанные с ней сотрясения продолжались «несколько веков подряд»¹⁷³.

С включением части Польши Россия унаследовала и эту проблему. Существовала она и в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. Значительное переселение евреев из Польши и Центральной Европы на Украину происходило с XVI в. Тогда же оно обрело направленность и в Белоруссию¹⁷⁴. Со второй половины XVIII в. при непосредственной поддержке Екатерины II стало происходить водворение евреев в Новороссии. Без «чрезмерной официальной огласки» туда принимались выходцы «из Литвы, Польши, из числа турецких пленных и беженцев от гайдамаков». Немалая часть еврейского населения оказалась в составе России после разделов Польши¹⁷⁵. Именно в ее пределах происходило формирование антагонизма по религиозному признаку между православными и иудеями, когда «злоба крестьянина», по словам А.И. Солженицына, «направлялась и на католика-пана, и на еврея-арендатора»¹⁷⁶.

Из представителей еврейского народа назначали сборщиков налогов, а для повышения их собираемости отдавали ключи от храмов, что позволяло оказывать давление при помощи веры. Необходимо заметить, что делалось это на протяжении длительного времени в условиях высокой религиозности населения. По версии А.И. Солженицына, «ненависть населения»

¹⁷³ Там же. С. 29.

¹⁷⁴ Там же. С. 23.

¹⁷⁵ Там же. С. 32.

¹⁷⁶ Цит. по: Там же. С. 33.

Малороссии складывалась из следующих впечатлений: евреи при польских порядках служили «интересам землевладельцев и правительства», распоряжались различными отраслями помещичьего хозяйства, им были подчинены «православные церкви», а пошлины налагались при их управлении даже «на крещение младенцев»¹⁷⁷. Какой-либо «особо русской» враждебности к этому народу между тем, как удалось установить писателю при осмыслении источников и литературы, не существует. В качестве примера отсутствия дискриминации в государственной политике он сослался на «преследование старообрядцев», которое отличалось предельной жестокостью, хотя они были такими же православными¹⁷⁸.

Для предотвращения межэтнических столкновений в России и была определена «черта оседлости», за пределы которой перемещения еврейского населения ограничивались. Знакомые с ситуацией отмечали, что ни одно из ограничительных предписаний «не считалось абсолютно обязательным»¹⁷⁹. В действительности их обходили. Возможностей для этого существовало немало. Одной из них было принятие православия. Однако иудаизм, как и другие религии, находился в Российской империи под государственной защитой. Принцип веротерпимости распространялся и на него. В статье 67 свода законов констатировалось, что свобода веры присваивается и евреям¹⁸⁰. В иудаизме же понятия религиозной и национальной идентичности совпадают. Это обстоятельство учитывалось и в обозначавших «легальные ограничения» предписаниях. Определение «еврей» соотносилось с вероисповедной принадлежностью к иудаизму¹⁸¹. Государственная власть не вмешивалась во внутренние дела общинной жизни этого народа, что являлось показателем предоставления самостоятельности во внутренних делах¹⁸².

Официальное отношение к евреям в Российской империи

¹⁷⁷ Там же. С. 34.

¹⁷⁸ Там же. С. 29.

¹⁷⁹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 74.

¹⁸⁰ Полный свод законов Российской империи: В 2-х кн. / Под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1. Т. 1. СПб., 1911. С. 1, 6–7.

¹⁸¹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 75.

¹⁸² Там же. С. 72.

также основывалось на представлении, что они такие же подданные. Необходимость отмены ограничений осознавалась между тем на самом высоком уровне¹⁸³. Подтверждение этому содержится и в записях о применявшихся подходах в управлении страной С.Ю. Витте, занимавшего в начале XX в. высокую государственную должность премьер-министра. По его разъяснению, правительство никогда «не занималось науськиванием русского населения на евреев», погромы происходили «стихийно»¹⁸⁴. Вспышки их проявились еще в конце XIX в. Наиболее трагичным по последствиям оказался «кишиневский погром» в 1903 г.¹⁸⁵ Реакция власти на рецидивы насилия против евреев была предельно жесткой. Никаких действий, по убеждению правительственных инстанций, «против кого бы они ни были направлены – против русских или против евреев, – государство терпеть не должно»¹⁸⁶. Погромы рассматривались как беспорядки¹⁸⁷.

С ними, по свидетельству С.Ю. Витте, расправлялись, в том числе крайними силовыми способами: «Обыкновенно являлись войска, которые барабанным боем предупреждали толпу, чтобы она расходилась, и если толпа не уходила, то войско шло на толпу в штыки»¹⁸⁸. Об отношении в Российской империи к евреям, как и к остальным подданным, сохранилось немало и других свидетельств. Одно из них отражено, в частности, в мемуарах П.Г. Курлова, получавшего осведомленность о различных происшествиях в западных ареалах Российской империи в качестве губернатора, а впоследствии и генерала киевского отделения охраны. В них отмечено: «Еврейские погромы решительно пресекались военными и полицейскими мерами»¹⁸⁹. Отмена же ограничений предусматривалась и при проектировании реформ П.А. Столыпина¹⁹⁰.

С еврейскими погромами сталкивались и в Европе, причем даже в таких странах как Швейцария. Но только в России при

¹⁸³ Там же. С. 78.

¹⁸⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 99.

¹⁸⁵ Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 180.

¹⁸⁶ Цит. по: Витте С.Ю. Указ. соч. С. 99.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 79.

¹⁹⁰ Катков Г.М. Указ. соч. С. 78.

большевистском режиме трагические события были использованы в целях дискредитации государственной политики в целом. В кратком курсе истории ВКП(б) под влиянием оторванных и в этом случае от отечественной реальности оценочных суждений В.И. Ленина и И.В. Сталина было записано: «Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье»¹⁹¹.

Какие-либо подтверждения фактами, как и в других случаях, не приводились. Несмотря на это, утверждение широко использовалось в пропаганде и цитировалось в печатных изданиях, порождая чувство «обиды» на Россию. Между тем в ее государственных структурах существовало понимание, что положение, связанное с рецидивами погромов, усугублялось именно «чертой оседлости евреев». Представители русской администрации неоднократно признавали ее создание и существование ошибкой. Настаивали они и на отмене «черты оседлости», так как данное ограничение не давало «никакого практического результата»¹⁹². Смысла в ее сохранении никакого не было. Настаивая на отмене «черты оседлости», русские администраторы ссылались на то, что выехать за ее пределы «при помощи различных ухищрений все-таки удавалось»¹⁹³.

Сохранение же ограничений для евреев вызывало, по их наблюдениям, «раздражение со стороны целого народа»¹⁹⁴. Русские администраторы, соприкасавшиеся с непосредственным управлением в соответствующих ареалах, и высокопоставленные чиновники настаивали на введении и в этом отношении полного равноправия. Николай II поручил П.А. Столыпину, согласившись в конечном итоге с доводами по этому вопросу, «в административном порядке принять меры к облегчению ограничительных постановлений против еврейства»¹⁹⁵. В соответствии с российским законодательством религиозные

¹⁹¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. С. 6.

¹⁹² Цит. по: Курлов П.Г. Указ. соч. С. 62.

¹⁹³ Там же. С. 63.

¹⁹⁴ Там же. С. 62.

¹⁹⁵ Там же. С. 112.

интересы исповедовавших иудаизм соблюдались и ранее¹⁹⁶. На государственном уровне признавалось и то, что евреи «составляют часть населения Российской империи и принадлежат к числу русских подданных»¹⁹⁷.

За снятие черты оседлости высказывался и лидер партии октябристов А.И. Гучков, занимавший не особо благожелательные позиции в еврейском вопросе. Свое мнение он излагал и Николаю II, возражая тогда против допуска представителей от этого народа «в состав офицерства»¹⁹⁸. Став же военным министром Временного правительства, А.И. Гучков разрешил евреям занимать командные должности в русской армии. Практика же раздельного существования этнических общностей в ряде случаев способствовала предотвращению конфликтов. На северокавказской окраине, например, в пределах аульных обществ, не разрешалось селиться русским. Присутствие их ограничивалось лишь отдельными представителями структур управления, аппарат которых на местах был преимущественно «туземный». При помощи запрета охранялись и права на земельные угодья. В условиях революционного кризиса недовольство нередко распространялось и на предшествующий позитивный опыт.

Оппозиционные настроения в связи с дискредитацией государственного управления проникали и в среду российского казачества. Представители его при случае критически отзывались о «бесконечной службе», называя даже сословные привилегии фиктивными¹⁹⁹. Появились и отождествления с «чертой оседлости» традиционного способа наделения землей за службу, от чего подавляющая часть казачества не отказывалась и в условиях гражданской войны. О «черте оседлости» заявил на одном из совещаний в 1917 г. есаул А. Нагаев, представлявший тогда казачьи войска во «Всероссийском Исполнительном комитете

¹⁹⁶ См. подробнее: Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 2007.

¹⁹⁷ Курлов П.Г. Указ. соч. С. 62.

¹⁹⁸ Гучков А.И. Воспоминания председателя Государственной думы и Военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 48–49.

¹⁹⁹ Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах. (Под ред. М.Н. Покровского). М.:Л., 1930. С. 366–367.

Совета рабочих и солдатских депутатов». Делегирован он был от Кавказского фронта, в состав которого входили части семи казачьих войск России²⁰⁰.

В речи А. Нагаев выражал существовавшие в них настроения. К тому же выступление он начал с указания: «Я не большевик». Это являлось показателем отсутствия соответствующих политических предпочтений. Подытоживая свое выступление, А. Нагаев заявил: «Да, только у евреев и казаков была черта оседлости»²⁰¹. Критические же суждения о действительности в условиях кризиса не всегда отличались объективностью. Но в них была и доля правды. «Черта оседлости евреев» создавала препятствия для интеграционного процесса, замедляя становление общегражданской общности. Однако значительные массы еврейского населения, несмотря ни на что, также как и многие другие народы, признавали Россию своей родиной и являлись соотечественниками. Подтверждением служит, в частности, раскол, произошедший в их среде в период гражданской войны. Часть евреев поддержала в разных формах белое движение. Участие в нем принимали офицеры и солдаты из их среды.

В составе Добровольческой армии они совершали походы, откликались на мобилизационные мероприятия. Тем самым часть представителей евреев поддерживала идею «единой и неделимой России», вдохновлявшую белое движение. Желание служить не исчезало даже, несмотря на «пассивное сопротивление офицерской среды» пополнению подразделений представителями этого народа. По этому поводу к А.И. Деникину обращались с ходатайствами исправить ситуацию. Отражавшаяся в них неудовлетворенность касалась в том числе и того, что офицеры из евреев попадали в резерв. Негативное отношение к представителям этого народа в Добровольческой армии было несправедливым. В запасных батальонах, куда преимущественно направляли рядовых, на почве «резкой вражды» происходили нарушения дисциплины²⁰².

Между тем евреи являлись такими же гражданами России

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Цит. по: Там же.

²⁰² Деникин А.И. Указ. соч. С. 534–535.

и по-своему, как и все остальные, понимали характер развивавшихся событий. В их присутствии в Вооруженных силах Юга нельзя недооценивать и фактор мобилизации. Но она воспринималась как государственное мероприятие, направленное на защиту отечества. А.И. Деникин в связи с этим давал такое разъяснение позиций руководства: «Отбывание воинской повинности, будучи немалой тяготой, вместе с тем юридически являлось правом граждан. Лишение этого права целой национальности, прежде всего, поражало бы морально ее самосознание, являлось бы официальным ее осуждением»²⁰³. В разъяснении также отмечалось, что «еврейские контингенты не были многочисленны». В случаях же, когда производилось их рассредоточение во всех частях, по имевшейся у командующего информации, о «гонениях... слышать не приходилось». А.И. Деникин с сожалением относился к тому, что возглавлявшиеся им Вооруженные силы Юга «не избегли общего недуга и запятнали себя еврейскими погромами»²⁰⁴.

Однако «участие в борьбе белых армий» представители этого народа принимали, как заметил Г.М. Катков, даже «несмотря на эксцессы антисемитизма»²⁰⁵. Произошел и в этом случае раскол на «красных» и «белых». Против Добровольческой армии в отдельных случаях действовали отряды, «сплошь состоящие из евреев». Однако рецидивы преступлений, связанных с вспышками погромов, подвергались расследованию и сурово наказывались. Виновные предавались полемому суду, приговаривались к каторжным работам²⁰⁶. Руководство Добровольческой армии, как видно, принимало соответствующие меры. По еврейскому вопросу оно занимало такие же позиции, которые реализовывались в Российской империи, и прежде всего определившиеся в проводимой политике на более поздних этапах ее существования.

А.И. Деникин не раз подчеркивал, что необходимо неукоснительное соблюдение государственных интересов. За погромы, приводившие к человеческим жертвам, по его настоянию

²⁰³ Там же. С. 535.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Катков Г.М. Указ. соч. С. 76.

²⁰⁶ Деникин А.И. Указ. соч. С. 535.

применялась «смертная казнь». В Добровольческой армии исполнялись и такие приговоры. Ее командование придерживалось точки зрения, что осуждениями погромов, о чем просили уполномоченные от евреев, изменить ситуацию не удастся²⁰⁷. В офицерском корпусе Добровольческой армии тех, кто стоял за «еврейское равноправие», было немало²⁰⁸.

Конфликт, связанный с погромами на Юге России, можно с полным основанием отнести к редкой разновидности гражданской войны. В ней наблюдались признаки особого вида вандейского противостояния. В советской историографии его относили к категории «реакционных мятежей», имевших контрреволюционный характер²⁰⁹. Современный уровень знаний позволяет усомниться в правомерности таких односторонних оценок. На стороне соответствующих сил во Французской революции конца XVIII – начала XIX в., как признают ученые, была «своя правда». Особенностью южнороссийской вандеи между тем являлась не сословно-классовая, а этническая сплоченность, направленная на достижение чистоты территории и обособление.

Поэтому ее можно рассматривать как сепаратистское проявление и вместе с тем разновидность самоопределения. В классическом типе вандеи монолитом выступало крестьянство (зажиточное, среднее и беднейшее), боровшееся за реставрацию прежних порядков²¹⁰. В российских условиях националистическая вандея из-за общегражданской составляющей утратила этот важнейший признак, претерпев распад в соответствии с общими для страны процессами. Произошло это и на востоке северокавказской окраины, где столкновения в конце 1917 – начале 1918 гг. из спорадических стычек переросли в настоящую войну. Призывы сепаратистов тем не менее на всей протяженности Юга России не получали достаточной для осуществления замыслов поддержки. Раскол по общегражданским закономерностям происходил и в казачьей среде²¹¹.

²⁰⁷ Там же. С. 539–540.

²⁰⁸ Там же. С. 535.

²⁰⁹ Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 955.

²¹⁰ Там же. С. 952–954.

²¹¹ См. например: Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне. Ростов н/Д, 1992; Голубинцев А.В. Казачья Вандея. М., 2014.

Проявления националистической вандеи имели, безусловно, свои особенности. По вовлеченности масс они носили обоюдный характер. Как и во всех гражданских войнах, развитие событий по такому сценарию заслуживает сожаления. Восточнославянское сообщество между тем в конфликте, и это несложно заметить, не выступало монолитом. В нем наряду с солидарным взаимодействием в условиях гражданской войны проявлялись и субэтнические коды. Рецидивы погромов возникали в пределах малороссийских и новороссийских губерний. У великороссов антагонизм по отношению к евреям в таких обостренных формах отсутствовал. Объяснение этому можно найти не только, на мой взгляд, в особенностях концентрации населения.

Сказывалось и наследие прошлого, результаты проводившейся в польский период политики. Гражданские войны вандейского типа имеют свои разновидности. Этнические состояния в них могут претерпевать более ускоренную нежели при естественном развитии консолидацию, и конфликт обретает еще более жесткие националистические свойства. Именно это наблюдалось в погромах, осуществлявшихся петлюровцами. Предпринималась в них, по сути, попытка полной зачистки территории от «инородного» элемента. Таким образом, в гражданской войне на Юге России прослеживались вариации этнической и националистической вандеи, каждая из которых несла для сложившегося в условиях империи согражданства угрозу разрушения.

Но «петлюровщина» и другие разновидности «украинских движений» натолкнулись на массовое неприятие, прежде всего в среде самого восточнославянского населения. Отсутствовало в условиях гражданской войны единство и у евреев. Часть представителей этого народа, как видно из предпринятого анализа, сражалась в составе Добровольческой армии «за единую и неделимую Россию», немалое количество пополнило ряды революционных сил, отстаивая иные идеалы. В Красной армии, по отображенным в описаниях А.И. Солженицыным фактам, также «сражалось много евреев». В количественном выражении их было больше, чем в других движениях, в том числе и анархистских²¹².

²¹² Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 2. М., 2009. С. 127.

Однако, как верно заметил историк и философ Г.М. Катков, «нет оснований трактовать» роль в переломных для Отечества событиях «русского еврейства как исключительно революционную»²¹³. Такое участие является показателем, на мой взгляд, раскола по общегражданскому признаку, а отнюдь не национальному, что и предопределило по ходу событий распад вандейской разновидности противостояния на Юге России. Не наблюдалось единства в этом отношении и в восточнославянском сообществе. Большевицкая альтернатива опиралась в гражданской войне на демографический ресурс Великороссии, который государству и в прошлом обеспечивал геополитические успехи. В прежних границах страна смогла сохраниться не в последнюю очередь благодаря офицерам и государственным служащим, которые, несмотря на масштабы дестабилизации, продолжали отстаивать «достоинство и независимость России»²¹⁴.

Свой вклад вносили в это и другие народы, в том числе и окраин отечественного Востока. Евреи и в этом случае не являлись исключением. Раскол же в среде великороссов в условиях гражданской войны тоже имел пропорции, складывавшиеся в конечном итоге не в пользу белого движения. И в этом случае он происходил не всегда под воздействием осознанного выбора. Сходные очертания дифференциация на противоборствующие силы обрела и у населения Малороссии. Субэтнические коды, существовавшие в восточнославянском сообществе тем не менее накладывали свой отпечаток на характер развивавшихся событий. Государственное же обустройство по варианту, основанному на принципе интернационализма, воспринималось также как возможность сохранения прежней целостности страны. Именно эта тенденция и явилась при кризисных для российской государственности обстоятельствах определяющей.

Поддержкой она пользовалась и у евреев. На них не смогла опереться «украинская власть» при попытках реализации

²¹³ Катков Г.М. Указ. соч. С. 71.

²¹⁴ Сталин И.В. О Петроградском фронте // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 269.

сепаратистских замыслов²¹⁵. Провозглашение отделения от России они восприняли с настороженностью, делая уступки лишь под давлением. Евреи боялись, по заключению А.И. Солженицына, украинства и даже в условиях революционной неопределенности сохраняли веру в «русское государство и... русскую культуру»²¹⁶. Не оставляли без внимания эти настроения и петлюровцы. В проводимой ими пропаганде констатировалось, что евреи «подчеркивают свое знание русского языка», игнорируют усилия по созданию «украинской государственности»²¹⁷.

Так называемое «правительство Петлюры-Винниченко» получало между тем одобрение в своей деятельности только у сионистов, даже несмотря на организовывавшиеся им еврейские погромы. Такие же оценки в его адрес высказывали и другие националисты из среды этого народа²¹⁸. Однако значительная его часть и в тех непростых условиях на стороне «красных или белых» продемонстрировала выбор в пользу российской государственности. С мнением о том, что этого никогда не было²¹⁹, проведенный анализ позволяет не согласиться. Сделан же выбор был, конечно, не в условиях гражданской войны. Произошел он значительно раньше, еще в имперский период.

В деятельности советских карательных органов, где сразу же установилось преобладание представителей национальных меньшинств, можно, безусловно, усмотреть антирусскую направленность. К такому выводу при знакомстве с источниками и публикациями по теме наряду с другими авторами пришел и А.И. Солженицын. Но от развязанного «красного террора» страдали также и евреи, попадая, по образному выражению писателя, «под колесницу торжествующего большевизма»²²⁰. В их среде также при обретении варианта самоопределения в условиях ситуации неопределенности срабатывали факторы, свидетельствовавшие об отсутствии национальной сплочен-

²¹⁵ Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 2. М., 2009. С. 145.

²¹⁶ Цит. по: Там же.

²¹⁷ Там же. С. 147.

²¹⁸ Там же. С. 148.

²¹⁹ Катков Г.М. Указ. соч. С. 72.

²²⁰ Солженицын А.И. Указ. соч. С. 136–137.

ности. Обобщающим для них, так же как и для восточнославянского сообщества, являлось российское согражданство. Солидарное его взаимодействие в тот период распалось, к сожалению, на полюса притяжения противоположающихся сил «революции и контрреволюции».

Свои различия субэтнические коды имели и на российских окраинах. Специфика прослеживалась и в Новороссии. Историческая кодификация в ее пределах с малороссийской разновидностью полного совпадения не имела, несмотря на некоторые языковые сходства. Служившие в Красной армии бойцы, набранные из губерний Новороссии, интернационализм понимали не иначе как идею единой и неделимой России²²¹. Предполагавший внешнюю солидарность на классовой основе этот критерий сплочения сложившегося в имперский период согражданства, как отмечалось уже в моих исследованиях²²², налагался на существовавший общегражданский синтез. Для восточных славян он имел вместе с тем свойства происходившего установления этнонационального единства. В новороссийском варианте этот процесс оказался наиболее глубоким. Региональная же специфика края вбирала и иные этничности, которые также становились сродными. Они также впитали общерусское государственное обобщение.

Интернационализм сыграл конструктивную роль в противодействии украинскому национализму и после завершения гражданской войны. Перспективу такого объединения поддерживала значительная часть населения бывших малороссийских губерний. «Украинский контрреволюционный сепаратизм» не находил поддержки в его среде²²³. В период гражданской войны и на последующих этапах, как отмечали очевидцы, националистическая перспектива на Украине популярностью не пользовалась. Организовать ее сторонников не удавалось, несмотря на поддержку из-за рубежа, в том числе и материальными ресурсами. Националистические идеи не воспринимались

²²¹ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 649.

²²² См. подробнее: Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.): историография, источники, методология. Монография. Ростов н/Д, 2012.

²²³ См. подробнее: Смолич Ю. Указ. соч. С. 16, 32, 51–52.

населением, отношение к ним оказывалось враждебным²²⁴.

Вплоть до окончания гражданской войны между тем тенденция на сохранение национальной консолидации восточнославянского сообщества имела устойчивое проявление. Прослеживалась она и в западных ареалах. Солидарное взаимодействие, несмотря на попытки насадить националистические проекты, сохранялось и на уровне российского согражданства. Альтернатива разобщения в условиях гражданской войны населением отвергалась. Распад претерпела и такая разновидность гражданской войны, как националистическая вандея. Сплочения в противостоянии по этническому признаку не произошло. Полюса притяжения в ходе противоборства сил революции и контрреволюции воспринимались в общегражданском преломлении. Российский вектор самоопределения между тем в дальнейшем не учитывался.

²²⁴ Там же. С. 85, 87.

Глава V

Установление национальных границ

§ 1. Классификация итогов

Особенности у имевших отличия групп восточнославянского населения, как видно, в том числе по событиям революции и гражданской войны, вызывали разноречивые интерпретации. И это вполне закономерно, так как они нередко являются отражением незавершившихся этнополитических трансформаций. Полного сплочения восточнославянских различий ни во время государственного объединения русского народа в XIV–XV вв., ни на последующих этапах не произошло. В составе его складывавшейся этнической целостности, помимо малороссов и белорусов, сохранялись и другие своеобразные группы, обладавшие специфической культурой и ментальностью, выражением которой являлось устойчивое противопоставление даже в родственной этнической среде по дифференцирующему принципу «мы – они», применимому лишь в идентификации международной. Иногда эти группы в зависимости от ситуативной настроенности предрасположены отождествлять себя с народом¹.

Но внутренние различия восточных славян не воспринимались в качестве иной этничности. Наряду с «великороссияцами» в XVIII в., например, русскими себя считали малороссы и белорусы². Известно, что на ранних стадиях этногенеза отождествление с народом происходило и на уровне переходных состояний незавершившихся трансформаций. Так идентифицировали себя, например, община и племенная общность³. На этапе общеэтнической консолидации оно перемещается уже в национальное измерение: нация – народ. Последняя представляет собой не что иное, как консолидированный этнос или сплоченную группу утративших своеобразие этносов⁴. Этническое начало, таким образом, в классическом варианте

¹ См. подробнее: Матвеев В.А. С чего начинать возрождение? Российское казачество: опыт этнонациологической идентификации феномена и современные перспективы // Проблемы казачьего возрождения. Сборник науч. ст. Ч. 1. Отв. ред. А.И. Козлов. Ростов н/Д, 1996. С. 27–28.

² Сковорода Г. Указ. соч. С. 73, 78.

³ Лескинен М.В. Указ. соч. С. 56.

⁴ Матвеев В.А. Указ. соч. С. 32–33.

выступает для нации как базисное и исходное⁵. Однако степень внутреннего единства при этом бывает различна.

У народов Западной Европы, раньше других прошедших через этап государственной консолидации и подвергшихся унификации (англичан, немцев, французов, шведов и др.), этнические начала в значительной мере трансформировались в национальные и выражены слабо. В Российской империи существовали иные исторические реалии, при которых самобытность различных частей насильственной унификации не подвергалась. Неустойчивые подвижки отдельных групп восточнославянского населения сопоставлять себя с народом происходило, как можно судить, на уровне этнокультурной самобытности. В национальном измерении они устойчиво идентифицировали себя в массе своей только с русским народом. Незавершенность этнической консолидации находила выражение в проявлявшихся время от времени устремлениях к автономному обособлению частей от целого, внутреннего этнического сепаратизма.

Имперская всеобщность при этнонациональном сплочении в России имела доминирующее значение, равно как и государственная консолидация. Культурная самобытность при этом не подавлялась. Совпадения же этнического и государственного полей, в отличие от Западной Европы, не сложилось. Российское совмещение обрело универсалистские свойства, единство формировалось и при сохранении многообразия, в том числе и в восточнославянской среде. Несмотря на дифференцированность этнического поля, государственное начало представляло собой консолидированную, хотя и неравномерную, целостность. Показателями консолидированности этих полей являются: этнического – национальное самосознание, государственного – общегражданское. В Российской империи складывалось их относительно устойчивое совпадение. Но в зависимости от исторических обстоятельств самосознание, сохранявшее непреодоленную обособленность, становилось преобладающим, повышая в отдельных случаях предрасположенность к сепаратизму.

⁵ Ерасов Б.С. Этническое – национальное – цивилизационное в пространстве Евразии // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. М., 1995. С. 92.

У восточных славян это становилось возможным и за счет внутренних различий. Субэтнические поля в России вследствие проводившейся политики не утрачивали свои особенности. Между тем государственное поле представляло собой более или менее устойчивую общегражданскую целостность. Единого же этнонационального поля в России не сложилось. Этнические поля сохраняли свои различия, объединяясь российским государственным началом. При ослаблении или прекращении его действия по тем или иным причинам равновесие нарушалось, и ситуации развивались иногда даже по конфликтным сценариям. Воздействие государственного поля на одну и ту же этническую среду проявлялось неодинаково.

Примером может служить и само восточнославянское общество с существовавшими в нем различиями по ареалам. Дисбаланс этнополитического равновесия наблюдался и по регионам России. Наиболее сильным его государственное поле было в ряде контактных зон, где в прошлом устойчиво сохранялись экстремальные ситуации. В этих условиях отечество воспринималось и ощущалось по-особому, а выживаемость самого населения возможна была только при его поддержке. К таким зонам относились главным образом южные, бывшие приграничные территории (фронтиры), соприкасавшиеся с агрессивным сопредельным зарубежьем, и прежде всего казачьи.

Российское государственное поле, оставаясь само по себе достаточно сильным, обладало притяжением и для других. На формирование силы государственного поля оказали влияние, прежде всего сложные геополитические условия контактных ареалов. В свою очередь именно это обстоятельство помогло России выстоять во враждебном окружении и превратиться в могучую полиэтнонациональную державу, оказавшуюся способной отразить многочисленные вторжения беспокойных воинственных соседей, объединить и спасти тем самым многие народы, не подавляя их самобытности. Развитие же российской государственности в постмонгольскую эпоху еще в большей степени, чем на более ранних этапах, происходило при конструктивном, а не взаиморазрушающем, как на Западе, взаимодействии иноэтнических начал, европейских и азиатских струк-

турообразующих элементов. Поэтому державное могущество России нельзя воспринимать как проявление негативное.

На высокие интегративные возможности российского государственного поля оказывало влияние еще одно важнейшее обстоятельство. Этнонациональное развитие неизбежно связано с определенными геополитическими и цивилизационными совмещениями, достигавшимися в ходе длительной исторической кодификации. В границах Российской империи прослеживались две ее наиболее оформившиеся вариации. До недавнего времени внимание обращалось лишь на евразийскую разновидность. Но преобладавшей являлась тенденция на формирование российского государственного сообщества⁶. Соответствующая терминологическая условность, как когда-то и евразийство, встречает неприятие. В Европе происходило формирование замкнутых этнонациональных систем с вполне определившимся распределением по тем или иным государственным образованиям.

Этнонациональная система русского народа на протяжении многих веков, можно даже сказать изначально, была открытой, что способствовало приобщению к его «национальному акту», по выражению философа И.А. Ильина, других народов, «самых разных вер и исповеданий». Вместе с тем не происходило в отличие от государств Европы, по его заключению, подавление и разрушение их самобытности⁷. Те же, кто отрицает в развитии России до 1917 г. наряду с евразийством наличие еще одной тенденции, связанной с формированием российского согражданства, становятся в восприятии отечественного исторического процесса на позиции одномерности (монизма). Такое же явление, как «европейскость», отражающее целостность со специфическими, то распадающимися, то возрождающимися внутренними связями, истоки которых уходят еще в эпоху функционирования империй Рима и Карла Великого, существует и вполне подходит для соответствующей обобщающей классификации.

⁶ Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа) / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 1999.

⁷ Ильин И.А. О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь, 1991. С. 165, 272–273.

Евразийство и российскость – это не взаимоисключающие противоположности, а вариации в формировании континентальной государственности, или, по определению Ю.А. Жданова, «государства-континента»⁸. Они имели, кроме того, геополитическое (свои пространственные параметры) и цивилизационное (становление своего рода культурной общности) измерение. Их существование подтверждают, например, неоднозначные альтернативы, отчетливо проявившиеся еще при восстановлении былого единства державы после революционных потрясений 1917 г. В них прослеживалась как более прочная и устойчивая континентальная государственная сплоченность (российскость), так и не сложившаяся в нее в полной мере взаимоувязанность (евразийство). Эти тенденции – не взаимоисключающие противоположности, а вариации интеграционного процесса, имевшие как совпадения, так и отличия. Евразийство до 1917 г. выступало лишь одной из тенденций в становлении российского государства, и отнюдь не преобладавшей⁹.

Таким образом, евразийство отличается от российскости прежде всего менее устойчивой государственной совмещенностью. В этой вариации определяющую роль играют геокультурные реальности, но вместе с тем сохраняются зоны двойственного тяготения к цивилизациям Запада и Востока. Такие реальности складывались с глубокой древности, примером чему может служить скифский разнородный союз и другие, на что одним из первых обратил внимание такой видный теоретик евразийства, как П. Савицкий¹⁰. В чем-то похожие целостности формировались и в пределах империй Александра Македонского (эллинизм), Византии, Чингисхана и т.д. Евразийство существовало также в Османской империи.

Отличительной чертой евразийства, формировавшегося

⁸ Жданов Ю.А. Государство-континент // Стратегия национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе: Сб. матер. целевого семинара. Октябрь 1994 г. Ростов н/Д, 1995. С. 21, 24.

⁹ Матвеев В.А. Итоги российской политики на Северном Кавказе к 1917 г. (Классификация изменений) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11 / под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Киторова. М.: Армавир, 2006. С. 19, 26–27.

¹⁰ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 180; Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 86.

в Российской империи, выступала, на мой взгляд, именно общегражданская совместимость, основанная на установлении равноправного, не подавляющего, цивилизационного и государственного синтеза. Это способствовало постепенной интеграции не только восточного славянства, но и «инородческого» населения в согражданство. Историческая кодификация самосознания имела при этом свои различия. В ней сочетались элементы российскости, евразийства и региональной специфики. Вместе с тем неустойчивость и незавершенность синтеза сохранялась.

В пределах восточнославянского этического поля в южных ареалах империи историческая кодификация самосознания и культуры для родственных, имевших совместное прошлое, колониционных составляющих происходила преимущественно на российской основе, и даже есть основание утверждать – с существенным преобладанием данной тенденции. Это находило выражение в соответствующей самоидентификации населения. Предпринятый ретроспективный анализ позволяет заметить, что российское сообщество народов не имеет признаков «суперэтнического»¹¹, так как культурные различия в нем сохранялись. Между тем этническая система постепенно восстанавливалась в восточнославянском сообществе и обретала признаки национального сплочения.

Понятие «суперэтнос» вбирает иные исторические реалии. Однако процессы в Евразии имели отличия. Применительно к этому геополитическому и цивилизационному пространству, имевшему свою специфику, требуются не только уточнения важнейших понятийных этнологических характеристик, но и других связанных с ними определений либо даже их замена новыми терминологическими условностями. К тому же возможности этнологии для описания всего спектра эволюционных преобразований в развитии народов крайне ограничены. Современные исследования позволяют заметить, что народ может выступать, исходя из тенденций формирования, и как этническая, и как территориальная общность¹². Коренным дол-

¹¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. С. 498.

¹² Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 7, 17,

жен признаваться не только тот, кто имеет «давние истоки»¹³. Это в полной мере доказывает и исторический опыт колони-зационных перемещений восточнославянского населения на окраины, совместное их освоение. Взаимодействие в этом процессе оказывалось солидарным.

По данным современной этнологии, коренными должны признаваться все, кто длительно и постоянно проживает на той или иной территории¹⁴. Таковыми для Северного Кавказа, являлись, например, терские казаки¹⁵, равно как и остальные группы восточнославянского населения. В Новороссии коренными становились все этнические общности, для сохранения культурной самобытности которых в имперский период были созданы благоприятные условия. Так же, как в местах расселения казачества, восточнославянское этническое поле здесь было достаточно сильным. На это указывают и смешанные браки. Даже в «иностранческой» среде они давали преимущественно русское потомство. В отечественных реалиях складывались и более сложные идентичности.

Вследствие этого правомерно признание двойственной или даже тройственной принадлежности к различным этническим внутренним вариациям или самобытным сообществам, имеющим универсалистскую государственную сплоченность. В среде восточного славянства до 1917 г. сложились, например, такие отождествления, запечатленные в самосознании: «русский – великоросс», «русский – малоросс», «русский – казак», «русский – кавказец» и т.д. Унификация в этом тем не менее не прослеживается. Такие самоназвания являются своеобразным историческим наследием и сохранились как его уникальное достояние.

По поводу вошедшего в обиход под воздействием революционной трансформации слова «украинец» генерал Ю.Д. Романовский, знавший малороссийскую специфику, заме-

33, 49–50.

¹³ Там же. С. 50.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001; Она же. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001; Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. Армавир, 2001.

тил, что оно составляет «понятие географическое, а отнюдь не национальное и ничем не разнится от понятий пскович, москвич, сибиряк и т.д.»¹⁶. Такие же противопоставления воспринимали проживавшие в различных восточнославянских губерниях евреи, немцы, латыши и др. Однако даже поляки, по утверждению Ю.Д. Романовского, за исключением приверженцев националистических иллюзий, «не отрицали русского происхождения населения Украины»¹⁷.

Обобщая итоги этнонациональной трансформации восточнославянского сообщества в имперский период, Н.С. Трубецкой пришел к выводу, что «русский народ вообще есть абстракция». Конкретное выражение имеют лишь его составные части. Даже «великорусы» существуют «со своими разновидностями»¹⁸. В их среде выделяются, по уточнению Н.С. Трубецкого, северная, южная, поморская, сибирская, казачья и другие субэтничности. Но такие же отличающиеся друг от друга категории населения существовали у малороссов и белорусов. Все эти разновидности составляли между тем единый народ. По убеждению Н.С. Трубецкого, сама природа «требуется сотрудничества всех русских племен»¹⁹. При их государственном сплочении должны совмещаться, по его терминологии, нижний (дифференцирующий) и верхний (консолидирующий) уровни («этажи») культуры. В национальном варианте, как считал Н.С. Трубецкой, «племенных и краевых перегородок быть не должно»²⁰.

На субэтническом уровне («нижнем этаже») «племенные и краевые перегородки должны быть сильно развиты и отчетливо выражены»²¹. Организующим принципом для всех уровней и разновидностей восточнославянской культуры, по утверждению Н.С. Трубецкого, является православие²². Российское единство выражалось в многообразии и выдержало испытание на прочность в условиях революционного кризиса²³. На

¹⁶ Цит. по: Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия. С. 297.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: Трубецкой Н. К украинской проблеме. С. 516.

¹⁹ Там же. С. 516–517.

²⁰ Там же. С. 518.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 519.

²³ Тишков В.А. Указ. соч. С. 8, 43, 62, 70–71.

выделении такого результата построена, в частности, теория В.Б. Виноградова, предложенная в начале 90-х гг. XX в. в качестве концептуальной парадигмы в осмыслении особенностей отечественного государственного интеграционного процесса²⁴. То, что данная его классификация становилась предметом дискуссий²⁵, свидетельствует лишь о ее перспективности. Проецируется она и на феномен казачества, не имевшего одного какого-либо устойчиво определившегося измерения, так же как и в других восточнославянских субэтнических ответвлениях.

У него также складывалась сложная самоидентификация. Распространение получило, например, определение «кубанский казак, русский»²⁶. Известный краевед начала XX в. Ф.А. Щербина выделял в собственном самосознании еще более неоднозначные отождествления. Прослеживались в ней типичные для отечественной практики универсалистские свойства. По признанию Ф.А. Щербины, в зависимости от складывавшихся обстоятельств он ощущал себя «черноморцем, русским, украинцем, кавказцем, казаком»²⁷. Историческая кодификация отражала и такие субэтнические особенности. Они сказывались на динамике развития региональных процессов. Трансформация их в ходе перемен наступившей советской эпохи сопровождалась взломом, прежде всего, субэтнических вариаций исторической кодификации.

Показательна в этой связи запись в графе о национальной принадлежности, сделанная в 1923 г. Х.В. Ермаковым, послужившим, как полагают специалисты, прообразом главного героя в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». При заполнении анкеты, предназначенной для следствия, он оставил при ответе на соответствующий вопрос пометку «русский», но далее

²⁴ Виноградов В.Б. О формировании новой концепции всемирной истории // Российский исторический журнал. 1996. № 1. С. 8.

²⁵ Матвеев О.В. «Кому суворовская лавра венков сплела...». Граф И.Ф. Паскевич-Эриванский в народной памяти // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 209.

²⁶ Шаульская В. Грозненская черешня, или мечтательная повесть о счастье. Сценарий простой жизни. М., 2004. С. 14.

²⁷ Цит. по: Голованова С.А. Этничность и сословность как универсальные категории характеристики казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010. С. 291.

сделал уточняющую приписку: «донской казак». Спустя четыре года, под влиянием происходивших в стране перемен, Х.В. Ермаков при заполнении такого же документа после возбуждения против него очередного уголовного дела за участие в одном из мятежей в годы гражданской войны определил себя уже только как русского²⁸. В этом так же, судя по всему, проявился в среде казачества психологический надлом, как и в судьбе составителя записи, указывающий на возникшую в тот период угрозу исчезновения целой субэтнической группы в составе русского народа, имевшей сложную из-за особенностей формирования идентичность.

Смещение же в исторически сложившейся кодификации, безусловно, не отвечало критериям справедливости. Русское начало обобщающим может выступать и при сохранении внутренних восточнославянских и трансформированных в них в прошлом евразийских самобытных различий. В ряде случаев оно распространяется и на другие народы: «русский – татарин», «русский – еврей», «русский – немец» и т.д. Но обобщающим, судя по всему, в бывших контактных зонах, где время от времени возникали условия повышенной экстремальности, служило и специфическое восточнославянское обособление, воплощенное в казачестве, соединившем в себе не только русские, но евразийские интегрирующие свойства.

Именно этим объясняется наличие таких иноэтнических групп в его сообществе, как «донские казаки-калмыки», «зайкальские казаки-буряты» и т.д. Скрепляющим стержнем для них выступала принадлежность к единому отечеству, то есть объединительное государственное начало. При этом конфессиональные различия не создавали препятствий. Подтверждением этому служит и одно из признаний, сохранившееся в качестве археографического свидетельства: «я калмык, идущий за Буддой», горжусь «своим братством с казаками»²⁹.

²⁸ Козлов А.И. Хроника трагедии Харлампия Ермакова (или документальный эпилог «Тихого Дона»). По материалам ФСБ // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 98.

²⁹ См. подробнее: Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2003. № 3–4. С. 15–16.

Однако нередко в отечественных реалиях встречалась разнovidность типологии самосознания, имевшая универсалистские свойства. Более же узкая восточнославянская этническая первооснова воспринималась в части русской культуры и языка, общегражданской сплоченности, но на национальном уровне происходит в целом ее отторжение и воспринимается преимущественно лишь государственное единство. По этой причине некоторые народы проявляли склонность к самоопределению «россияне», но лишь в качестве дополнения к этническому названию, что показывает наличие многовариантной интеграции с сочетанием признаков этнонаций и российской нации согражданства. По ним можно также судить о том, что процесс формирования последней не достиг своего завершения и его переходный характер оказался не преодоленным.

Если в первой вариации прослеживаются относительное консолидированное национальное начало, основанное на русской культуре, и субэтнические составляющие, то во второй проявлялись признаки государственного сообщества, сплоченного в солидарное согражданство. Обе эти тенденции имели историческую предопределенность, обретенную вследствие проводившейся политики в Российской империи. Закладывавшиеся в нее принципы до 1917 г. способствовали становлению нации согражданства при сохранении этнической самобытности других народов. В последующий период акцент был смещен на формирование этнонаций. Причем по такому критерию было предпринято разделение и восточнославянского сообщества.

Укрепление тенденции на обособленность населения Украины достигалось путем устранения настроенной на сохранение общерусского единства интеллигенции и замены ее теми, кто придерживался иных взглядов. Определяющим критерием при отборе кадров являлась поддержка национальной политики советской власти. Украинский проект опирался и на выходцев из Галиции, имевших уже соответствующее самосознание³⁰. Создававшиеся условия в 20–30-е гг. XX в. способствовали подавлению малороссийского субэтнического кода. Сторонникам украинизации, не обладавшим ранее массовой поддержкой у

³⁰ Там же. С. 520–521.

населения, по свидетельству Н.С. Трубецкого, «предоставили полную свободу действия»³¹. Наблюдая характер происходивших перемен непосредственно, в их оценках он ошибся лишь в том, что насаждаемое «ретивыми националистами... обречено на гибель и забвение»³².

В разрабатывавшейся евразийской теории в противовес проводившейся советской политике, способствовавшей сегментации восточнославянского сообщества, содержался призыв к обретению национального идеала, выражающегося в единстве «всех русских... великорусов... белорусов и украинцев»³³. И такие положения, следует заметить, соответствовали действительности, хотя и они отражали одну из тенденций в этнической эволюции восточнославянского сообщества. Но именно эта направленность до преобразований советской эпохи являлась преобладающей. Сторонники ее сохранения, оказавшись в эмиграции, необходимо отдать должное, заметили угрозу национальной переорганизации восточнославянских субэтнических и разрушения их общности.

Однако часть интеллигенции поддержала альтернативу украинизации. Ее представители критически отнеслись к теории Н.С. Трубецкого. С опровержением ее выступил, в частности, профессор Д.И. Дорошенко. По его утверждению различия между украинцами и русскими существенны и они прослеживаются не только в языке и культуре. Несовпадения существуют даже на уровне «антропологического типа и психики». О отрицание этого лишь способствует, по представлениям Д.И. Дорошенко, «политическому сепаратизму Украины от России (так же как и от Польши)»³⁴. Под ним понималась как раз возможность отделения. Отличия в «языке и бытовом укладе» между «южнорусской (украинской) и северорусской (великорусской) народностями» Д.И. Дорошенко относил уже к киевскому периоду, когда общность существовала³⁵.

³¹ Там же. С. 521.

³² Цит. по: Там же.

³³ Трубецкой Н. К украинской проблеме. С. 522.

³⁴ Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого. С. 523–524.

³⁵ Там же. С. 525.

Но и она, по его мнению, была хрупкой. С середины XII в. размежевания становятся еще более значительными. Единство же Д.И. Дорошенко видел в том, что «центр государственной и культурной жизни на севере был вначале колонией по отношению к Киеву»³⁶. В критических замечаниях по поводу статьи Н.С. Трубецкого «К украинской проблеме» указывалось и на отличия в формировании «великорусской народности». При этом повторялись, по сути, фрагменты теории М.С. Грушевского о складывании ее преимущественно из «вятичей и новгородцев» с сочетанием «“примеси”... южнорусских колонистов... финского... тюркского элемента». Из этого и проявлялись на последующих этапах, как отмечалось в аргументации профессора, «отчетливые отличия» украинской народности «в области политической жизни, бытового уклада... культуры»³⁷.

К разряду «областных», в понимании Д.И. Дорошенко, они не относились, «между обеими народностями» существовала резкая грань, установившаяся окончательно со времен «татарского погрома». Вследствие этого и иных исторических обстоятельств, как отмечалось в возражениях Н.С. Трубецкому, культура «Руси юго-западной... Украины» и обрела существенные отличия. При формировании же ее продолжалось «общение с Западом», способствовавшее восприятию ренессанса и реформации, стандартов европейского образования³⁸. Вхождение в состав России Д.И. Дорошенко оценивал как «политический симбиоз Украины с Москвией», где воплощалось «тяжелое наследие татарщины», господство «пытки и кнута» и многих других несовершенств азиатских государственных традиций. Всему этому в замечаниях противопоставлялась европейская цивилизованность юго-западных ареалов, находившихся под влиянием Запада³⁹. Доказательства основывались, как видно, так же как и теория М.С. Грушевского, на мифологизации исторического процесса.

В концепции евразийства между тем «наследие татар» не рассматривалось в качестве негативного. Критикуя допол-

³⁶ Цит. по: Там же. С. 525–526.

³⁷ Там же. С. 526.

³⁸ Там же.

³⁹ Цит. по: Там же. С. 527–528.

нявшие ее положения Н.С. Трубецкого, отражавшие реалии восточнославянского единства, Д.И. Дорошенко выдвинул обвинение, что «факты не всегда говорят в пользу... выводов уважаемого автора»⁴⁰. Однако оно применимо, прежде всего, к его возражениям, компилировавшим взгляды М.С. Грушевского. Рецепцией (усвоением) ее являлось и представление о разнице «между культурой Московии и Украины», выходявшей «далеко за пределы литературного языка, музыки и живописи»⁴¹. Российская политика, по Д.И. Дорошенко, способствовала лишь превращению края в «глухую провинцию», так как «Украина постепенно урезается в своих политических правах»⁴². Однако такие же явления централизации были характерны и для Европы.

В соответствии с теорией М.С. Грушевского, «мазепенство» Д.И. Дорошенко тоже воспринимал как стремление украинцев к независимости⁴³, хотя в исторической памяти значительной части народа данное явление отразилось как предательство. Что же касается исполнения повинностей, ни одно из государственных образований без них обойтись не может. Устройство тех же укрепленных линий вызывалось необходимостью защиты от набегов, наносивших урон всему восточнославянскому обществу. Тяготы же возлагались преимущественно на великорусское население. Д.И. Дорошенко, судя по всему, эти факты были неизвестны или он сознательно их игнорировал. В составе же евразийской континентальной империи восточнославянское сообщество, в том числе и малороссы, получали огромные преимущества для развития. Обеспечивалась и защита для сохранности их субэтничности.

Д.И. Дорошенко понимал, что отмежевание украинцев «в области культуры от всего русского» будет носить искусственный характер. Достигнуть этого «совершенно невозможно», так как разъединение, по его словам, сделает проблематичным «узы общности происхождения, религии, векового сожителства». По признанию Д.И. Дорошенко, «они всегда будут давать

⁴⁰ Там же. С. 524.

⁴¹ Там же. С. 529.

⁴² Там же. С. 531.

⁴³ Там же. С. 532.

себя чувствовать»⁴⁴. Прав, безусловно, профессор и в том, что «слишком много общих уз соединяет на культурном поле украинцев и русских»⁴⁵. Взгляды его, как показывает анализ, являлись разновидностью национализма, который можно с полным основанием отнести к сравнительно умеренной вариации. Однако именно она и была реализована при поддержке большевистского режима. По сохранившимся же источникам между тем невозможно выявить наличие «нации малороссийской»⁴⁶ вплоть до начала преобразований советской эпохи.

Критические же замечания Н.С. Трубецкой не оставил без внимания. В ответе Д.И. Дорошенко он отметил, что для «евразийцев “азиатская степь” есть тоже “цивилизованный мир”»⁴⁷. С утверждением о существовании различий «между обеими редакциями (западной и восточной) русской культуры» он согласился. Но вариации обладают, по уточнению Н.С. Трубецкого, свойствами «как притяжения, так и отталкивания»⁴⁸. Украинский же анархизм подпитывается, по его разъяснению, ретроспективными ассоциациями с «государством польским, от которого... приходилось обороняться»⁴⁹. Этнополитическое объединение для великорусов явилось «национальным делом». Поэтому отношение к централизации в восточнославянской среде имело некоторые отличия. Тем не менее сильное государство «большого стиля» с твердой властью производило, заметил Н.С. Трубецкой, и на малороссов «сильное впечатление» и воздействовало на них «заразительно». Поэтому и их выдающиеся представители, напомнил он, принимали в его строительстве «самое активное участие»⁵⁰.

И в XVII в. взаимные притяжения двух субэтничностей с культурными различиями «превозмогли» отталкивания вследствие того, что «существовало сознание общерусского единства и

⁴⁴ Там же. 539.

⁴⁵ Там же. С. 541.

⁴⁶ Там же. С. 531.

⁴⁷ Цит. по: Трубецкой Н.С. Ответ Д.И. Дорошенко /// В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 547.

⁴⁸ Там же. С. 548.

⁴⁹ Там же. С. 549.

⁵⁰ Там же.

общности национальных задач»⁵¹. По представлению Н.С. Трубецкого, «под одним именем» объединились «две максимально близкие друг другу культуры». Дальнейшим ходом развития создавался их «общий контекст»⁵². С наступлением же советской эпохи, заметил Н.С. Трубецкой, «украинское правительство в согласии с крайними украинскими националистами принуждает украинцев забыть, что они не только украинцы, но и русские». Он классифицировал это как «насилие над природой», так как самосознание их включает «в себе оба элемента – общерусский и специфический – украинский»⁵³. Не существует, по заключению Н.С. Трубецкого, и «русского вне украинского... ибо русская нация» обрела в прошлом единство «в своих индивидуациях – великорусской, украинской, белорусской и т.д.»⁵⁴.

Даже в сегментированном при реализации советской модели национального обустройства варианте восточнославянское сообщество сохраняло единство. Его представители продолжали утверждать, что они «такие же русские». Двойственное самосознание вследствие идеологического воздействия, основанного на смещенных исторических кодах, не исчезло. Национализм на массовом уровне не воспринимался. В сочетании с положениями большевистской программы его в умеренном варианте, как можно заметить по содержанию полемики между Д.И. Дорошенко и Н.С. Трубецким, поддерживала лишь часть интеллигенции. Вместе с тем и такие ее представители не допускали вероятности отделения Украины от России.

Сторонники «буржуазного национализма» (Винниченко, Грушевский, Петлюра и др.) неоднократно в 20-е гг. XX в. становились персонажами сатирических произведений. М.С. Грушевский изображался, в частности, в спектаклях с бородой, «как у пушкинского Черномора», которую по сценарию «девушки-галичанки»... в «мазепинках» должны были разматывать, тащить, что символизировало запутанную им историю Украины⁵⁵. Аналогия по смыслу сводилась к тому, что в его теории отсутс-

⁵¹ Там же. С. 550.

⁵² Там же. С. 556–557.

⁵³ Там же. С. 559.

⁵⁴ Там же. С. 562–563.

⁵⁵ Смолич Ю. Указ. соч. С. 73–74.

твовала научная обоснованность, подтвержденность фактами. Сатирический стиль в отношении сторонников национализма отражался в 20-е гг. XX в. и в романах. Соответствующие сюжеты в них также основывались на образе «Грушевского-Черномора». Примечательно, что авторами являлись украинские писатели. Высмеивать М.С. Грушевского они продолжали, по свидетельству известного литературного деятеля того периода Ю. Смолича, даже тогда, когда он «репатриировался из эмиграции, “признал” Советскую власть, был прощен и работал в Академии наук УССР»⁵⁶.

Однако, как можно судить, отрицалась украинской интеллигенцией его фальсификация истории Руси киевского периода, отображенная в отрыве от Московского государства. Что же касается обозначенных границ, то они воспринимались по описаниям М.С. Грушевского и сомнению не подвергались. «Национальная романтика», получившая распространение до революции, таким образом, подпитывала явление «петлюровщины» и в начале советской эпохи⁵⁷. Другая более значительная часть населения «малороссийских губерний» не восприняла националистические идеи. Как и по всей стране, она склонилась в конце концов к социалистическому выбору, что указывает на солидарное функционирование на том этапе всего восточнославянского сообщества. Проявлялись в этом и общегражданские связи.

Но если ранее «украинское... связывалось с селом»⁵⁸, в условиях революционной трансформации тенденция формирования общерусского единства подменяется вариацией «национального проекта»⁵⁹, предпосылки для которого не являлись преобладающими в предшествующий период. Анализ вместе с тем показывает, что перевод внутренних этнических различий в сегментированные варианты с применением соответствующих теорий возможен. Насаждение же представлений о существовавшем якобы в Российской империи «национальном гнете» порождало у какой-то части «первого послеоктябрьского поко-

⁵⁶ Там же. С. 74–75.

⁵⁷ Там же. С. 394.

⁵⁸ Там же. С. 348.

⁵⁹ Там же. С. 348–349.

ления» стремление к утверждению украинской идентичности⁶⁰, формирование которой являлось одной из тенденций, но не итогом развития.

§ 2. Насаждение идентичности

Появление после 1917 г. восточнославянских общностей, организованных в «национальные» государственные образования с отрывом от общерусского контента, стало возможным вследствие внедрения представлений, основанных на заимствованиях из опыта стран Запада. Оценивая результаты политики большевиков, Г.В. Вернадский, один из авторов концепции евразийства, констатировал следующее: «Независимо от социально-экономической программы вождей Советской революции, их программа по национальному вопросу сумела задеть такие струны в душе народов Евразии, которые их притягивали к Москве, а не отталкивали от нее»⁶¹. Но сохранение целостности страны произошло в значительной мере отнюдь не благодаря проводившейся на ее основе политике, содержавшей на ранних стадиях потенциал разрушения.

Результаты ее, о которых пишет Г.В. Вернадский, опирались на сложившийся общегражданский синтез. Российское государственное сообщество в условиях революции и гражданской войны проявляло именно такую разновидность солидарного взаимодействия, претерпев раскол не по национальному, а по «классовому», как было принято говорить в то время, критерию. Предоставленной декретами и декларациями советской власти возможностью отделения⁶² воспользовались лишь немногие окраины. Среди них были Польша и Финляндия. Во всех остальных случаях предполагавшегося отделения не произошло. Идея интернационализма даже при осуществлении советских преобразований воспринималась как фактор, который позволит сохранить сформировавшееся в российских границах

⁶⁰ Там же. С. 98.

⁶¹ В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2-х ч. Ч. 2. М., 1994. С. 198.

⁶² Декреты Октябрьской революции. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. М., 1933. Т. 1; Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920.

государственное пространство, населенное различными народами. Восточнославянское сообщество в тех условиях в тяге к единству не являлось исключением. Правящая элита между тем преобразования соотносила с перспективами мировой революции.

Еще на завершающих стадиях гражданской войны руководство Советской России возлагало надежды на то, что «появление новых национальных республик» будет воздействовать заражающим «духом» на «соседние страны»⁶³. Успех намечавшихся преобразований увязывался «с нарастающей пролетарской революцией в странах Европы»⁶⁴. В этой связи И.В. Сталин поделился, в частности, таким представлением о развитии событий: «Большевизм из “чисто русского продукта” превращается в грозную международную силу, расшатывающую самые основы мирового империализма»⁶⁵. Преимуществами советской модели переустройства государства даже при отсутствии возможности опереться на подготовленный административный аппарат И.В. Сталин называл наличие опытных агитаторов, умеющих «зажечь сердца трудящихся освободительным огнем»⁶⁶. Несбыточные, казалось бы, замыслы при поддержке нового режима, руководствовавшегося уже иными представлениями по проблеме границ, оказались в значительной мере осуществленными.

В 1919 г. впервые появился и «договор» о разграничениях «между УССР и РСФСР»⁶⁷. По сути это было составленное и принятое в духе революционных перемен постановление, основывавшееся на противоречивой, оторванной от отечественных реалий большевистской доктрине. В соответствии с ней Украина была преобразована в национальное государственное образо-

⁶³ Цит. по: Сталин И.В. Два лагеря // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 234.

⁶⁴ Там же. С. 232.

⁶⁵ Цит. по: Сталин И.В. За два года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947. С. 243.

⁶⁶ Сталин И.В. Два лагеря. С. 232.

⁶⁷ Борисенок Е. «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно» // Российский исторический журнал «Родина». 2014. № 11. С. 111.

вание. В нее оказались включенными и те регионы, в которых преобладало русское по самосознанию население. Губернии Слобожанщины и Новороссии оказались переданными Украине. Притязания националистов, выдвигавшиеся в условиях революции и гражданской войны, были в значительной мере при поддержке утвердившегося режима удовлетворены.

Временное правительство с учетом мнения специалистов справедливым считало включение в пределы проектировавшейся украинской автономии только Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской губерний, в которых малороссийское население действительно имело преобладание. Наличие исторически сформировавшихся различий в восточнославянской идентичности на левобережье и правобережье не учитывалось. Проявилась вместе с тем пагубность представлений о «едином народе», существовавших в имперский период. Без поправки на субэтническую специфику Слобожанщина и была тогда в административном отношении отнесена к Малороссии, что само по себе способствовало восприятию пространства. Единства в нем между тем не существовало. На Слобожанщине развивались процессы этнополитической трансформации, во многом имевшие сходство с Новороссией.

Однако попытки сделать ставку на данные отечественной исторической науки и филологии предпринимались и в тех непростых условиях. Для этого создавалась «Подготовительная по национальным делам комиссия». В ее составе существовал и «Малорусский отдел». К работе комиссии подключены были ученые из Академии наук и бывших императорских университетов. Производился сбор материалов и научных разработок по «малорусскому вопросу». В конце гражданской войны выпускались специальные сборники статей. Внимание по-прежнему обращалось и на языковые аспекты⁶⁸. По названиям и содержанию публикаций заметно, что от сложившихся ранее представлений ученые на том этапе не отказались. Понятие «украинцы» употреблялось преимущественно в публицистике

⁶⁸ См. например: Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях. (Пособие к лекциям по истории русского языка) // Труды подготовительной по национальным делам комиссии. Малорусский отдел. Вып. I. Сборник статей по малорусскому вопросу. Одесса, 1919.

и пропаганде отдельных политических группировок.

При проведении преобразований в начале 20-х гг. XX в. из-за отсутствия знаний об особенностях этнической эволюции была произведена сегментация восточнославянского сообщества. В качестве критерия стала применяться выделенная В.И. Лениным необходимость государственного сплочения в отдельные республики «территорий с населением, говорящим на одном языке»⁶⁹. Провозглашалось его тождество с национальностью⁷⁰. Выделение восточнославянских республик производилось именно по языковому признаку, который В.И. Лениным в соответствии с существовавшими в то время представлениями считался определяющим⁷¹. Самосознание как важнейшая составляющая исторической кодификации при этом вообще не учитывалась. По таким же меркам производилось разделение страны «на автономные и самоуправляющиеся территориальные единицы»⁷².

Националистическая альтернатива, не имевшая достаточной для утверждения массовой поддержки по ходу противостояния в условиях гражданской войны, оказалась реализованной. Составляющие исторической кодификации (язык и самосознание) идеологическому воздействию стали подвергаться с отрывом от существовавших реалий в восточнославянской среде. Об этом свидетельствует, в частности, то, что введение «украинского языка» в официальную переписку даже в среде населения бывших «малороссийских губерний» вызвало недовольство, находившее выражение в неорганизованных протестах⁷³. Насаждавшаяся модель обустройства «одна нация – одно государство» основывалась между тем на копировании зарубежного опыта.

На нем основывалась и большевистская доктрина. Приоритет в ней при разрешении так называемого «национального вопроса», которого в Российской империи в западноевропейс-

⁶⁹ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258.

⁷⁰ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 147.

⁷¹ Ленин В.И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии латышского края // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209.

⁷² Ленин В.И. С.Г. Шаумяну. 19 мая 1914 г. // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 291.

⁷³ Волконский А.М. Указ. соч. С. 34.

ком варианте не существовало, отдавался дифференцирующей тенденции. Складывавшееся до 1917 г. согражданство подверглось разделению искусственно установленными границами. Определение их не опиралось на объективные данные, получение которых было возможно лишь по результатам референдумов в соответствии с правом на самоопределение. Провозглашая «добровольный союз трудовых классов национальностей России», советское руководство не учитывало исходя из своих представлений эту необходимость, ответив сразу же «безоговорочным признанием полной независимости образовавшихся советских республик»⁷⁴, причем в границах, декларировавшихся сепаратистскими режимами.

Выдвигавшееся по ходу событий обвинение тем, кто тогда находился у власти, в «новой попытке расчленить Россию»⁷⁵ имело, как видно, обоснованность. Проводившаяся политика с массовыми настроениями на сохранение целостности государства имела лишь частичное совпадение. В принимавшихся декларациях при образовании «советских республик» именно под давлением объективных обстоятельств сразу же заявлялось «об установлении федеративной связи с Российской Советской Республикой»⁷⁶. Проявление этой тенденции наблюдалось и в восточнославянском сообществе.

Разделение его имело вместе с тем свои особенности. Производилось оно с учетом распространенности говоров (наречий), «национальная принадлежность» которых определялась произвольно. На имевшиеся в отечественной исторической науке наработки устанавливавшиеся внутри восточнославянского сообщества границы не опирались. Новороссийское наречие было ошибочно причислено к специфическому ответвлению украинского языка, а содержащиеся в нем русские языковые компоненты стали по незнанию относить на счет «русизмов».

Однако, несмотря на наступившие перемены, население в южных местностях продолжало разговаривать привычным способом. Лингвистические особенности новороссийского

⁷⁴ Сталин И.В. Политика правительства по национальному вопросу. С. 227.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 228.

наречия оставались исходя из сложившихся представлений не признанными. В ходе переписи 1920 г., проведенной с завершением наиболее крупных финальных эпизодов гражданской войны⁷⁷ и вследствие этого весьма неполной и неточной, население, говорившее на новороссийском наречии, было записано совершенно искусственно как украинское, что учитывалось при установлении пределов соответствующей «национальной» границы и административно-территориального деления при образовании СССР в 1922 г. Значительная часть Новороссии оказалась в составе Украины.

Попадало в него и Таганрожье. Влияние на это решение оказал, на мой взгляд, не только учет национального состава населения, в который могли попасть тогда и те, кто использовал в общении новороссийское наречие. Критерий определения принадлежности по разговорному языку при проведении переписей в начале советской эпохи сохранялся. Между казачьим и крестьянским населением Таганрогского округа существовали давние противоречия из-за земли, обострившиеся в условиях революционного кризиса. Для их разрешения высказывалось намерение выкупить юртовые наделы. Крестьянское население предлагало объединиться с Ростовским округом, где казачество также составляло меньшинство (всего две станицы), и образовать отдельную губернию или как и ранее присоединиться к Екатеринославской⁷⁸. На момент выдвижения пожелания вероятность вхождения в состав Украины даже не предполагалась.

До 1887 г. Ростовский и Таганрогский округа находились в составе Екатеринославской губернии и отошли к Донской области вследствие территориальных преобразований всего 30 лет назад⁷⁹. Они являлись частью Новороссии. Проведение национальных границ там, где они никогда не существовали, никто не ожидал. В наметившемся в 1917 г. противостоянии с казачеством на Юге России Временное правительство склонялось больше к поддержке крестьянского населения. Рассматривалась возможность, например, за счет его земель

⁷⁷ ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР).Ф. 296. Оп. 1. Д. 283. Л. 123-об.

⁷⁸ Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России (после свержения самодержавия). Ростов н/Д, 2003. С. 203–204.

⁷⁹ Там же. С. 218.

создать административное образование, разъединяющее пространственно донских и кубанских казаков⁸⁰. Однако вскоре, благодаря инициативе с мест, Таганрожье было вновь возвращено России, от которой тем не менее «в порядке обмена» по требованию украинской стороны были отторгнуты гораздо более значительные территории, естественно, также без опроса мнения тех, интересы кого этот раздел непосредственно затрагивал⁸¹.

При образовании СССР в 1922 г. Украине соответственно отошла и немалая часть Курской, Воронежской губерний и Области Войска Донского, также издавна являвшаяся территорией России. При административном переустройстве страны в 20-е гг. XX в., когда, собственно говоря, и было сконструировано украинское государство в «национальных границах», идеи М.С. Грушевского оказались востребованными. Войдя в высшие структуры управления, он смог оказать и непосредственное влияние на принимавшиеся решения. Колонизация же южных пространств носила смешанный восточнославянский характер и на какие-либо потоки в действительности не делилась.

На основе записи национальности у какой-то части проживавших в бывших зонах смешанной восточнославянской колонизации, отошедших к Украине, наметилась перегруппировка самосознания, так как объективные исторические знания на этот счет, играющие не последнюю роль в его становлении, отсутствовали, а существовавший пробел заполнялся в соответствии с утвердившейся эпохой искаженными представлениями в понимании данной реальности. По этой же причине после ряда акций протеста против включения в состав Украины закрепилось и новое восприятие пространства. При сохранении бывшего государственного единства это, видимо, не имело особого значения, чем, собственно говоря, и объясняется принятие произошедших изменений.

Несмотря на включение в границы Украины Слобожанщины и Новороссии в 20-е гг. XX в., население этих частей жителями

⁸⁰ Там же. С. 205–206.

⁸¹ Борисенко Е. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1920-е гг. // Российский исторический журнал «Родина». 1999. № 8. С. 111–115.

Правобережья воспринималось по-особому. В нем выделялись отличия⁸². Придание же национальных очертаний искусственно созданной республике потребовало от советского руководства немалых усилий. Достижению этой цели и была подчинена политика так называемой украинизации. Заинтересованность в ней проявляла Польша и находившиеся на стадии формирования националистические группировки. Украинизация опиралась на решения XII съезда РКП(б) 1923 г., предусматривавшие «коренизацию» партийного, государственного аппарата, а также установление преобладания национального начала в сфере культуры. При этом ставка делалась на предпочтительность местных языков в системе образования и при обеспечении функционирования управленческих структур⁸³. Специфика вошедших в состав Украины регионов не учитывалась.

Недовольство же по поводу проводившейся политики в восточных и южных субъектах республики выражало не только население, но и члены РКП(б). Протесты в разных формах носили массовый характер. В одной из записок, переданных президиуму собрания партактива в 1926 г., в частности говорилось: «Для вас... должно быть ясным, что подавляющее большинство населения в Одессе» и связанных с ней как центром административных районов «составляют русские и евреи». В конце обращения ставился тревожный вопрос: «Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией, и к чему это поведет?»⁸⁴. Но мнение простых людей и даже членов партии в этом случае игнорировалось. Политика украинизации опиралась на одну из разновидностей национализма, которого придерживалось и высшее руководство республики. Имела она нацеленность, как и «коренизация» по стране в целом, на мировую революцию, проект необходимо было сделать привлекательным для других народов. Интернационализм также рассматривался в связи с ее перспективами.

Не случайно пропаганда мировой революции проводилась в сочетании с политикой «коренизации». Но и она не помогала.

⁸² См. подробнее: Смолич Ю. Указ. соч. С. 9–10.

⁸³ Борисенко Е. «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно». С. 111.

⁸⁴ Цит. по: Там же.

Население выражало лишь недоумение: «Зачем учить украинский язык и украинизироваться, когда после международной революции это ненужное будет». Но «коренизация», как считало руководство страны того периода, должна была способствовать ее приближению. Она предназначалась отнюдь не только для восстановления справедливости, нарушавшейся якобы, по сложившемуся в среде большевистской элиты мнению, в имперский период. Между тем на украинский язык в массовом порядке, несмотря на протесты, переводились школы и периодическая печать⁸⁵, что было только наруку тем, кто под прикрытием интернационализма насаждал националистическую, по сути, модель обустройства, в том числе на территориях, имевших смешанную восточнославянскую заселенность.

Русская культура и соответствующее ей самосознание являлись вместе с тем итогом исторической кодификации и для проживавших на ней болгар, греков, евреев, сербов и других народов. Новороссийское измерение выражалось и в сохранении их самобытности. Протесты против украинизации вследствие этого носили всеобщий характер. Русскоязычное население, включенное в состав национальной республики, даже в период советской модернизации продолжало называть ее «петлюровской идеей». В 20-е гг. XX в. партийные деятели, занимавшиеся украинизацией, с раздражением отмечали устойчивую «русифицированность»... Харькова, Донбасса, Днепропетровска, Одессы» и других областей юго-востока Украины. Проверяющие относили это насчет недостатков в работе на местах. Для исправления ситуации принимались жесткие меры. По итогам проверок неоднократно производилось расширение «коренизации» аппарата управления⁸⁶. Политика украинизации продолжалась.

Протестные настроения против нее между тем наблюдались даже в бывших малороссийских губерниях. На Полтавщине, например, вплоть до конца 20-х гг. XX в. сохранялся, как можно судить в том числе по частной переписке, «большой спрос на

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

опытных учителей русского языка»⁸⁷. Обучать на нем своих детей стремились и состоятельные крестьяне. При этом в развитии русской грамотности предпочтение отдавалось «старому правописанию». Труд учителей хорошо оплачивался⁸⁸. Это был своеобразный ответ населения Полтавской губернии на принудительное введение «украинской школы»⁸⁹. По частной переписке, безусловно, невозможно судить о массовости явления. Но востребованность учителей русского языка и высокий уровень их оплаты весьма показательны в этом отношении. В среде же населения юго-восточных областей невосприятие украинизации принимало еще более широкие размеры.

По этим и другим показателям даже в конце 20-х гг. XX в. представители белой эмиграции, знакомясь с результатами переписей, продолжали называть украинских сепаратистов «политической сектой»⁹⁰. Такое определение употреблял, например, В.В. Шульгин, являвшийся выходцем из Малороссии и знакомый с особенностями края. Однако эти представления являлись своего рода отголоском того, что было на самом деле в условиях революции и гражданской войны. Политика украинизации к концу 20-х гг. XX в. при мощном идеологическом воздействии давала уже результаты. Между тем в юго-восточных областях они практически отсутствовали, что проясняло объективную реальность, с которой необходимо было считаться. Несмотря на очевидные провалы и стихийное сопротивление населения проводившейся политике, высшее руководство продолжало добиваться достижения намеченного.

Даже при отсутствии спроса выпуск периодических изданий на украинском языке в юго-восточных областях к 1932 г. был доведен до 87,5%. Примерно такой же показатель наблюдался и в сфере образования. Протесты населения тем не менее в ряде случаев позволяли сохранить русские школы. Политика украинизации из-за отсутствия поддержки в массах носила поверхностный характер. В 1932 г., как только был объявлен курс на борьбу с национализмом, ее результаты сразу же сошли

⁸⁷ Царинный А. Указ. соч. С. 133.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Репников А. Василий Шульгин и «украинский вопрос». С. 153.

«на нет». Распространенность употребления русского языка оказалась прежней. На него сразу же переведенной оказалась система образования, делопроизводство в различных сферах, периодическая печать и литературные издания. Обновляется и состав партийного аппарата вплоть до низовых организаций. Влияние центра вследствие этих перемен в республике усиливается⁹¹.

Поводом к такому повороту послужили возникшие у руководства страны подозрения, что именно «националистические элементы», проникшие на разные уровни в структуры управления вследствие проводившейся политики украинизации, поспособствовали срыву хлебозаготовок. Такие представления основывались на точке зрения И.В. Сталина. Однако находившаяся у власти элита в самой республике политику украинизации не прекратила. Возглавлявший в тот период ЦК КП(б)У С. Косиор на ноябрьском пленуме 1933 г. подтвердил неизменность курса, провозглашенного на XII съезде. В его заявлении говорилось, что борьба с «националистическими элементами» не означает его отмену. В 1935 г. ЦК КП(б)У приняло постановление «Об украинизации в областях», в котором местное руководство юго-восточных субъектов подверглось критике⁹².

Вынесено было и очередное предупреждение о недостатках в работе на данном направлении. На вид ставилась недопустимость использования русского языка даже в общении. Обращалось внимание на отсутствие «систематического нажима и контроля» в проведении политики украинизации. После постановления она получает новую динамику. Однако проверяющие продолжали констатировать, что на русском языке представители власти продолжают говорить «с посетителями... между собой... на заседаниях, собраниях, совещаниях и т.п.»⁹³. Такие «недостатки» выявлялись в Одесской, Николаевской и других областях. К ним относили и телефонные разговоры на русском языке. Исключенным он оказался лишь из официальной переписки. В этой связи в 1935 г. было принято одно из специаль-

⁹¹ Борисенко Е. Указ. соч. С. 111–112.

⁹² Там же. С. 112.

⁹³ Цит. по: Там же. С. 113.

ных постановлений ЦК КП(б)У о дополнительном выдвижении на различные руководящие должности «украинских кадров». По численности же сверху спускались весьма внушительные разнарядки⁹⁴.

Выдвижению «украинских кадров» не менее пристальное внимание уделялось и в последующие годы. На заседаниях ЦК КП(б)У регулярно рассматривались итоги чисток в проблемных областях. Расстановка на руководящих постах «большевистских кадров» из украинцев находилась, таким образом, под жестким контролем. Принимавшиеся меры не оставались без последствий. Если к середине 30-х гг. XX в. наблюдалось резкое снижение объемов украинизации, то после принятых постановлений ЦК КП(б)У наметился некоторый подъем. В 1937 г. даже ЦК ВКП(б) вынуждено было выступить с осуждением этой политики. В нем указывалось и на игнорирование «русской печати на Украине»⁹⁵. Вследствие исправления курса использование русского языка стало восстанавливаться⁹⁶.

Оценивая перемены, Д.И. Дорошенко вынужден был с сожалением констатировать отсутствие в них предполагавшихся результатов. По его наблюдению «большинство квалифицированной интеллигенции», даже несмотря на то, что советская власть заставляет ее «говорить, писать, преподавать, печатать по-украински», не сочувствует политике украинизации и продолжает верить в «прежние общерусские идеалы»⁹⁷. В этом как раз и проявлялась историческая кодификация, связанная с ней тенденция национального сплочения всего восточнославянского сообщества. Политика украинизации опиралась на отвергавшиеся ее ходом состояния, пережиточность которых осознавалась немалой частью населения, включенного в проект украинского государства. Благодаря сохранению единства с Россией протесты не принимали более острых форм и ограничивались неприятием, имевшим массовый характер.

Но, несмотря ни на что, политика украинизации продол-

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 114.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Цит. по: Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого. С. 537.

жалась⁹⁸. Проводилась она с Первой мировой войны в среде восточнославянского населения и за рубежом. Вопреки ожиданиям организаторов, последствия украинизации в Польше в 20–30-е гг. XX в. также оказывались не столь значительными. Официальная же политика в этой стране имела в тот промежуток времени иную направленность. После отхода к Польше по рижскому договору «русских территорий» на них с 1921 г. предпринимались весьма жесткие усилия по изменению кода восточнославянской идентичности. Православные храмы, способствовавшие ее сохранению на протяжении многих веков, подвергались разрушению. Остававшиеся нетронутыми должны были проводить службы не на церковнославянском, а на польском языке. Все русские школы были закрыты⁹⁹.

Однако итог полонизации восточнославянского населения также не оправдал в полной мере ожиданий. Относительные же успехи политики украинизации, судя по всему, являлись в том числе реакцией восточнославянского населения на попытки ее осуществления. При проведении переписи в 1931 г. часть населения Галиции (более 1 млн. чел.) причислила себя к «русским»¹⁰⁰. Отсутствие соответствующей пропаганды и давления со стороны националистов могли сделать этот показатель еще более значительным. Однако при анализе результатов следует учитывать и то, что немалая часть населения Галиции свою идентичность воспринимала формально. Определившегося национального самосознания у нее к тому времени не сложилось. Неточность статистики, включенной в материалы переписи 1931 г., предопределялась и фальсификацией их с целью повышения численности поляков. Приблизительные же подсчеты показывают, что доля восточнославянского населения в Галиции достигала 60–65%¹⁰¹.

Не только у него, но и у других этнических групп наблюдалась невосприимчивость к любой национальной идеологии. Исключением не являлись и западные славяне, в том числе и поляки, имевшие «галицийское» происхождение. В общей

⁹⁸ Борисенок Е. Указ. соч. С. 114.

⁹⁹ Деникина М.А. Указ. соч. С. 16.

¹⁰⁰ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 36.

¹⁰¹ Федевич К.К. Указ. соч. С. 3.

численности населения края они составляли 22–26%. Между тем в 20–30-е гг. XX в. процесс украинизации в той или иной степени затрагивал и эти этнические группы. Насаждавшуюся идентичность в ряде случаев воспринимали и поляки, особенно при смешанных браках. Это являлось показателем усиления этнического поля у данной разновидности восточных славян в условиях обретения украинского национального вектора. Между тем в тот период при опросах жители Галиции все еще продолжали испытывать затруднения при необходимости назвать родной язык и национальность. Им было безразлично, какую идентичность и вероисповедание им припишут¹⁰².

В этом крае восточнославянские (русинские) и польские села обладали своим особым диалектом, имевшем за счет заимствований, наряду с различиями, и признаки сходства. Но отождествление «русин, русский» в тот промежуток времени в Галиции имело еще распространение. Такая идентификация сохранялась преимущественно в сельской местности, а в городах наблюдалось ее вытеснение. Соответствующую пропаганду проводили и представители католического духовенства. Прихожан они призывали считать себя «не русинами, а украинцами»¹⁰³. Приверженцы насаждавшейся национальной идентичности производили при сохранении текстов даже в традиционных для населения песнях замену сочетаний «Русь, русин» на названия «Украина, украинец»¹⁰⁴.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, осознание принадлежности к русскому народу в среде восточного славянства в Польше в 20–30-е гг. XX в. еще сохранялось. Существовало там тогда и «москвофильское движение». К нему принадлежала немалая часть греко-католического духовенства и русинской интеллигенции. При возникавших затруднениях «москвофильское движение» пытались использовать польские власти, когда это было необходимо для противодействия перераставшей ожидания украинизации края. Но оно постепенно ослабевало¹⁰⁵. Отсутствие устойчивого самосознания являлось одной из

¹⁰² Там же. С. 3–4.

¹⁰³ Там же. С. 4–5.

¹⁰⁴ Там же. С. 5.

¹⁰⁵ Там же. С. 7.

важнейших предпосылок в восприятии населением украинской идентичности.

Именно поэтому националистические группировки в Галиции могли вовлекать в свое движение какую-то часть населения. По подсчетам специалистов, численность сторонников «украинства» в 30-е гг. XX в. достигала уже 200–300 тыс. Они составляли всего 10% от всего восточнославянского населения края, но это меньшинство опиралось на мифологизированные идеалы национальной исключительности и действовало активно¹⁰⁶. Такая практика имела опробированность в европейских странах и при определенных обстоятельствах оказывалась привлекательной для масс.

По поводу поддержки «москвофильства» в среде восточнославянского населения Галиции профессор Д.И. Дорошенко утверждал, что она наблюдалась у меньшинства. Изложенная же статистика показывает обратное. Но на приписках как раз и утверждался украинский национализм. В меньшинстве в тот период, как проявляют сведения статистики, были именно его сторонники. По мнению Д.И. Дорошенко, «москвофильство... уродовало национальное самосознание... украинцев», способствовало ослаблению «сопротивляемости полонизму»¹⁰⁷. Между тем свою разъединяющую роль для восточнославянского сообщества он уже сыграл на предшествующем этапе.

Польские власти действительно в украинском национализме видели угрозу и поддерживали как противовес «москвофильство» для ее ослабления. Приверженцы его вряд ли представляли «собой наиболее податливый элемент» для изменения идентичности, как считал Д.И. Дорошенко. Свою точку зрения, несмотря на заявление о наличии «множества примеров», фактами с опорой на достоверные источники он так и не подкрепил. Без каких-либо оговорок к украинцам между тем отнесены, в том числе буковинские и угорские русины¹⁰⁸. Самосознание же, подпитывавшее «москвофильство», являлось отражением исторической кодификации восточнославян-

¹⁰⁶ Там же. С. 9–10.

¹⁰⁷ Цит. по: Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого. С. 543–544.

¹⁰⁸ Там же.

ской этничности, насаждавшееся же украинство выступало в качестве в значительной мере привносимой альтернативы. Предпосылки для такого смещения, безусловно, тоже существовали. В их формировании польское влияние в прошлом сыграло исключительную роль¹⁰⁹.

Одним из факторов этнического надлома являлось нищенское существование, способствовавшее восприятию и насаждавшейся украинской идентичности. На копировании опыта «одна нация – одно государство», исключавшего иные варианты объединения, основывалась и политика по ее насаждению, проводившаяся в тот же промежуток времени в СССР. Однако под прикрытием интернационализма она обретала свою специфику. Националистическое начало в ней было менее выражено. Изменение же самосознания на украинскую идентичность и в восточнославянских поветах Польши не обретало всеобщности.

Оказывавшееся такое же воздействие в СССР под прикрытием иной идеологии давало не те результаты, на которые рассчитывали. Встречавшиеся затруднения проясняли неадекватность предпринимавшихся воздействий сложившимся разновидностям исторической кодификации в восточнославянской этнической среде. Однако мировой и отечественный опыт позволяет сделать вывод и о том, что этнические особенности при определенных условиях оказываются подверженными национальной организации с утверждением соответствующих государственных проектов.

¹⁰⁹ Там же. С. 544.

§ 3. Новороссийское измерение

Украинизация в 20–30-е гг. XX в. проводилась и на Юге России¹¹⁰. В данном случае краевые власти старались воплотить на практике указания сверху. Так же, как и на Украине, эта политика затрагивала сферу образования, прежде всего, школьное звено, средние специальные учебные заведения (техникумы), структуры управления. Подготовка «национальных кадров» предусматривалась и в различных региональных вузах. На украинском языке было налажено издание газет и иной периодики¹¹¹. Однако политика, так же, как и на территории бывшей Новороссии, населением не принималась и наталкивалась на существенные препятствия. До 1926 г. она так и не дала каких-либо результатов. Власти на местах сообщали, объясняя неудачи, об отсутствии «желания» подвергаться украинизации. Возникавшие препятствия относили и на наличие «значительной русифицированности»¹¹², достигнутой якобы в имперский период.

В вышестоящие инстанции поступала информация о протестах «против ведения... просветительской работы на украинском языке». По отчетам, таким образом, прослеживалось несоответствие в восприятии действительности руководством страны и органами управления на местах. В них отмечалось, что население на Юге России «утратило чистоту... языка и бытовые особенности украинской народности». От привычного образа жизни сформировавшейся в имперский период восточнославянской субэтничности оно, несмотря на оказывавшееся давление, не отказывалось. Отношение к украинизации в ее среде было сугубо отрицательным¹¹³.

При проведении Всесоюзной переписи 1926 г. был получен тем не менее и на Юге России (РСФСР) высокий процент украинского населения. После этого не имевшая ранее успеха

¹¹⁰ См. подробнее: Акопян В.З. К вопросу осуществления политики украинизации в неказачьем регионе Юга России (на примере Ставрополя) // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 21.

¹¹¹ Там же. С. 22.

¹¹² Там же. С. 23.

¹¹³ Там же. С. 23–24.

политика стала проводиться еще более напористо. Придано было ей и политическое значение. Появились утверждения, что украинизация на Юге России «значительно ускорит советизацию станицы»¹¹⁴. По учреждениям, ответственным за проведение политики на местах, были разосланы «календарные планы». Районы с преобладавшим якобы «украинским населением» намечалось привести в национальное соответствие в кратчайшие сроки¹¹⁵. Предлагалось удалять за их пределы, как кулацкие элементы, тех, кто проявляет склонность к так называемому «русофильству». Намечалось ввести «украинский театр, кинофильмы с украинскими надписями (озвучивания тогда еще не применялось – В.М.), украинские радиогазеты»¹¹⁶.

Однако все эти планы на Юге России оказались не выполненными. Сроки окончания украинизации постоянно переносились¹¹⁷. Ситуация, как сообщалось вышестоящим инстанциям в отчетах, «с мертвой точки не сдвинулась»¹¹⁸. Это являлось показателем наличия иной восточнославянской идентичности, историческая кодификация которой основывались на специфическом говоре (новороссийском наречии) и общерусском самосознании. Знающих украинский язык в районах между тем не находили. Для исправления положения при Окружном комитете ВКП(б) создавалась специальная комиссия. Она как раз и должна была заниматься вопросами украинизации¹¹⁹. Название же «комиссия» указывает на временный характер данного подразделения. Украинизацию, судя по всему, намеревались завершить.

Однако после всех принимавшихся мер признания о невыполнимости директив следовали одно за другим. После проверок выносились определения о «недооценке политического значения украинизации». В рассылавшихся на места предписаниях указывалось, что «перевод всей работы в районах... на родной язык... является могучим средством...

¹¹⁴ Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1929. № 6.

¹¹⁵ Акопян В.З. Указ. соч. С. 26–27.

¹¹⁶ Цит. по: Там же. С. 27.

¹¹⁷ Там же. С. 27–28.

¹¹⁸ Там же. С. 26.

¹¹⁹ Там же. С. 26–27.

вовлечения трудящихся... в социалистическое строительство в станице»¹²⁰. Политика украинизации, таким образом, увязывалась не только с решением «национального вопроса». Ей придавалось и классовое содержание, сводившееся в тех условиях к потребностям коллективизации. Только с 1932 г. политика украинизации на Юге России признается противоречащей «культурным интересам населения»¹²¹.

О ее прекращении сообщалось в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». В 1933 г. из Краевого отдела народного образования на места направляется циркуляр, в котором излагалось требование «немедленно приостановить дальнейшую украинизацию»¹²². В нем также обращалось внимание руководителей на необходимость перевести на русский язык «делопроизводство, работу... курсов, издания газет, листовок и пр.»¹²³. В обоснованиях преобладания украинского населения на Юге России между тем до сих пор привлекаются данные Всесоюзной переписи 1926 г., которые позволяют при обработке неизменно получать «подтверждения» по регионам, где происходила когда-то смешанная восточнославянская колонизация, и по Северо-Западному Кавказу, разумеется, тоже. Это подтверждают своими расчетами не только представители научной общественности Украины, но и российские ученые, занимавшиеся разработкой этнодемографических особенностей южной периферии [63]¹²⁴.

Так, А.Г. Дружинин, касаясь численности в ее пределах «украинской диаспоры», особо выделяет существенный разноречивый цифровой показателей. Ему удалось установить, что в 1897 г. на выделяемом сейчас в южный регион России пространстве, на немалую часть которого, добавим, распространяется и геополитический проект «от Карпат до Кавказских гор», она

¹²⁰ Цит. по: Там же. С. 26.

¹²¹ Там же. С. 28.

¹²² Цит. по: Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Чернопицкий П.Г. Об одной особенности этнического состава населения Кубани и Дона в 1920-е гг. // Гуманитарная мысль Юга России в XX в. Тезисы межрегиональной науч. конф., ст-ца Тамань 19–22 сентября 2000г. Краснодар, 2000. С. 91–93.

составляла «1271 тыс., по переписи 1926 г. – 3107 тыс.», а в 1959 г. – всего 170 тыс.¹²⁵ И здесь действительно есть над чем задуматься. Резкий скачок за сравнительно короткий период, с 1897 по 1926 гг., численности «украинского населения», а затем такое же резкое сокращение за равный, по сути, промежуток времени к 1959 г. нуждаются в объяснении. Возможность для этого, несмотря на кажущуюся загадочность приведенных демографических сведений, несомненно, существует.

Дело в том, что результаты, получаемые на основе этих переписей, не сопоставимы при определении национальной принадлежности, и их сравнительный анализ не дает объективных показателей, адекватно отражающих соответствующую ситуацию. Проводились они по совершенно разным методикам. По решению Петербургского международного статистического конгресса 1874 г. определение национальности было признано возможным «по разговорному языку». Два других обсуждавшихся варианта – «по этнологическим признакам и родному языку» – в конечном итоге были отвергнуты¹²⁶.

Впоследствии в выработанную методику внесли уточнения, и за критерий установления национальной принадлежности был взят «родной язык», за который нередко принимался разговорный, так как жесткой разделительной грани между ними в подавляющем большинстве случаев не существует. Особой же дифференциации для нетипичных встречавшихся отклонений регламентирующими предписаниями не предусматривалось. Такими подходами как раз и руководствовались при проведении переписи населения в Российской империи 1897 г., а также при организации всех переписей в 20-е гг. XX в. (1920, 1923 и 1926 гг.)¹²⁷, что обуславливалось, как видно, все тем же состоянием научных знаний. По их данным исследователи и получают «абсолютное большинство украинцев» на бывшем юге Российской империи¹²⁸.

¹²⁵ Дружинин А.Г. Южно-российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 79.

¹²⁶ Шпрингер Р. Указ. соч. С.Х.

¹²⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.У. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1928. С. 52–54; Кабузан В.М. Указ. соч. С. 34, 128, 174; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 135.

¹²⁸ Борисенок Е. «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются

Перепись 1939 г. имела иную наполняемость раздела о национальной принадлежности¹²⁹. К тому времени было признано, что критерием ее определения должен быть не разговорный или родной язык, а самосознание. При сборе сведений задавался вопрос: «К какой национальности вы себя относите?», тогда как в 1926 г. спрашивали о родном языке или при возникновении заминки при получении информации счетчики по своему усмотрению учету подвергали разговорный. Немалая часть населения в южных ареалах, использовавшая в общении новороссийское наречие, была занесена в статистику в качестве «украинской». Между тем своим родным языком она считала русский и даже по этому показателю не подпадала под такую идентичность. К «украинцам» только на Кубани по итогам переписи 1926 г. было отнесено, по имеющимся подсчетам, 32% населения¹³⁰.

Сокращение же их доли в 30-е гг. XX в. объясняется отнюдь не ассимиляционными процессами, как полагают некоторые авторы. При проведении украинизации в жестких формах на Юге России они должны были бы принимать иную направленность. На изменения статистики в этом отношении никакого влияния не оказывали «репрессии и голод»¹³¹. Национальной избирательности они не имели. Тем не менее «голод и репрессии», безусловно, влияли на сокращение общей численности населения как по отдельным регионам¹³², так и по всей стране. Жертвы и психологические надломы везде оказывались одинаковыми. Но за исключением сокращения численности населения, они нигде не приводили к смене идентичности. Результаты переписи 1939 г., несмотря на все ее недостатки, порожденные своеобразием этапа развития страны, дали резкое повышение процента русских, проявив устойчивые последствия специфики формирования восточнославянского этнического поля в южных ареалах.

делом украинизации недостаточно». С. 111.

¹²⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 14; Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: История проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 4–12.

¹³⁰ Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. С. 110.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. С. 109.

В ряде же местностей русский компонент имел еще более существенное преобладание в колонизации и в становлении казачества. Таким образом, отмеченное наблюдение В.И. Даля, проведенное в середине XIX в. в зонах смешанного восточнославянского заселения южных окраин Российской империи, вновь подтвердилось. Вместе с тем это показывает, что наиболее подверженной изменениям составляющей исторической кодификации выступает самосознание, язык имеет к ним относительную устойчивость. Однако встречаются случаи, когда язык в силу тех или иных обстоятельств утрачивается, а самосознание остается. При этом не исчезает и прежняя этнонациональная идентификация. Если изменяется самосознание, то происходит смена кода в целом и переход вследствие этого индивидов, отдельных групп и даже сообществ в сферу функционирования других этнонациональных реалий.

При переходе восточнославянского населения в 1939 г. из Польши в состав Украинской ССР незавершенность переходного состояния этнической эволюции была проигнорирована. Населению навязывается только признававшаяся идентичность. Так же, как и в «национальной советской республике», оно становится «украинским». Игнорирование вариаций этнонациональной эволюции в восточнославянском сообществе породило колебания в статистике и при сборе сведений о населении в пределах бывшей Новороссии, а затем в подсчетах при ее изучении. Отсутствие в прошлом объективных и разноплановых исследований на этот счет дает повод теперь некоторым современным украинским авторам соответствующей концептуальной ориентации выражать с вполне понятным подтекстом, сужающим еще больше границы России, недоумение, что перепись 1926 г. выявила две трети украинцев в составе проживавших на Кубани, при переписи же 1939 г. «украинцами могли назвать себя здесь только недавние приезжие из Украины»¹³³.

И это при том, что в 20–30-е гг. XX в. и в этой части страны проводилась принудительная украинизация, так же, как и в пределах бывшей Новороссии, включенных в пространство

¹³³ Кульчицкий С. Курс – украинизация // Российский исторический журнал «Родина». 1999. № 8. С. 110.

образованной после 1917 г. «национальной республики», тогда как русификация, особенно в области культуры, носила естественный характер и искусственно никогда не насаждалась, тем более в тот промежуток времени, когда правящим режимом все русское подвергалось вытеснению¹³⁴. Несмотря на целенаправленную идеологическую обработку, инициаторы компании столкнулись с массовым отказом родителей отдавать детей в школы с украинским языком обучения¹³⁵.

Но в доказательствах наличия «геноцида» сторонники такой интерпретации уменьшения доли украинцев на Юге России повторяют по сути один и тот же тезис: «разными методами, в том числе террором и голодом 1932–1933 гг., кубанцам было предложено считать себя русскими»¹³⁶. Между тем уменьшение доли украинцев в составе населения различных южных регионов вызывалось особенностями методик сбора сведений о национальной принадлежности при проведении переписей. В 30-е гг. XX в. при определении идентичности во внимание при организации опросов принималось самосознание. При таком подходе «удельный вес» русских возрос по всей стране. На Кубани он, в частности, составил 86,5%, в то время как численность украинцев сократилась на 89,2%. Данный результат был получен уже при проведении переписи 1937 г.¹³⁷ И это при том, что в сборе сведений по другим направлениям были выявлены недостатки и ее организаторы подверглись репрессиям.

Перепись 1939 г. с учетом предшествующего опыта была проведена уже на ином уровне, и ее итоги заслуживают доверия. По ним действительно можно проследить сокращение населения в СССР. Но это никак не было связано с проводившейся национальной политикой. Объективные данные по различным срезам реальности можно получить только по переписям 1926 и 1939 гг. При определении же результатов национальной сегментации в среде восточнославянского населения сделать это невозможно. Сокращение общих демографических показателей в стране в указанный промежуток времени вызывалось

¹³⁴ Вдовин А.И. Указ. соч. С. 97–129.

¹³⁵ Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 92.

¹³⁶ Кульчицкий С. Указ. соч. С. 110.

¹³⁷ Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Указ. соч. С. 109.

многими факторами, среди которых особо следует выделить индустриализацию, коллективизацию, раскулачивание, массовый голод 1932–1933 гг., репрессии и т.д. С 1926 по 1939 гг. убыль населения в СССР действительно сопоставима с демографической катастрофой. Касалась она всех, не имела национальной избирательности, и русские несли такие же потери. По утверждению некоторых ученых, они пострадали даже больше¹³⁸.

Поскольку трагические последствия массового голода 1932–1933 гг. используются широко для формирования националистических настроений на Украине, их анализ нуждается в дополнительных пояснениях. Сокращение численности населения и в этой республике включают в классификацию преднамеренного «геноцида». Уменьшение же доли украинцев в 30-е гг. XX в. наблюдалось между тем в пределах бывшей Новороссии, что подтверждало сложившуюся ранее этнонациональную специфику южных ареалов в имперский период. Освещение «голодомора» в зарубежной историографии стало производиться с 70-х гг. XX в. И это факт, безусловно, положительный, так как для научного осмысления не должно существовать запретной тематики. Но в зарубежной историографии при отсутствии в тот период аналогичных разработок в отечественной использовались преимущественно односторонние подборки статистических сведений. Систематизации же их предпринимались лишь в отношении Украины¹³⁹.

На основе формирования за счет этого чувства обиды предполагалась перегруппировка самосознания. Отображение трагических событий с такой направленностью предусматривалось, в частности, «гарвардским спецпроектом»¹⁴⁰. Использовались для этого нередко и прямые фальсификации, имевшие антироссийское содержание¹⁴¹. Утверждения о спланированном характере голода 1932–1933 гг. в украинской историографии

¹³⁸ См. подробнее: Вдовин А.И. Русские в XX в. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.

¹³⁹ См. подробнее: Голодомор / Составитель Д. Ванюков. М., 2011. С. 3–10.

¹⁴⁰ Ткаченко Г.С. Миф о «голодоморе» – изобретение манипуляторов сознанием // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008. С. 409.

¹⁴¹ Голодомор / Составитель Д. Ванюков. С. 3–10.

возобладали с начала 90-х гг. XX в. Трагедия в ней увязывается с национальной политикой ВКП(б) и сталинского режима. На этом и основывается миф о «геноциде»¹⁴². Целенаправленно в один из периодов постсоветской эпохи его обоснованием занималась комиссия историков при Кабинете министров Украины во главе с С. Кульчицким¹⁴³, созданная для обеспечения введения в оборот как можно большего количества информации о негативных последствиях вхождения в состав Российской империи и СССР.

Результаты ее деятельности не имели ничего общего с наукой, главным критерием которой является стремление к объективности. Формирование представлений о преднамеренном «геноциде для уничтожения украинцев», чтобы «на их место заселить русских»¹⁴⁴, тем не менее способствовало культивированию националистических настроений. Однако массовый голод, как можно судить по источникам, в 1932–1933 гг. охватил многие регионы страны и являлся общей трагедией¹⁴⁵. Помимо Украины, он распространялся на центральные и южные районы России, Урал, Сибирь, Казахстан, Киргизию и т.д.¹⁴⁶ В подтверждение его проведения на Юге России для уменьшения доли украинцев в составе населения используются подсчеты, произведенные при сопоставлении данных переписей 1926 и 1939 гг. Между тем сравнения из-за различий в методиках опросов не могут дать объективной информации. Полученные же итоги не отражают реальность.

Объяснение случившемуся специализирующиеся по теме ученые находят в отдаленной мести населению тех ареалов страны, в которых в период гражданской войны преобладали контрреволюционные настроения¹⁴⁷. Появилась версия и о влиянии на сложившуюся ситуацию с продовольствием в 1932–1933 гг.

¹⁴² Слободян Л.А. Проблема голода 1932–1933 годов на Украине в украинской и российской историографиях 1991–2013 годов // Славяноведение. 2014. № 5. С. 83–84.

¹⁴³ Козлов Ю. «Галичина – не Украина, галицкие националисты – не украинцы» // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008. С. 386.

¹⁴⁴ Ткаченко Г.С. Указ. соч. С. 415.

¹⁴⁵ Голодомор / Составитель Д. Ванюков. С. 10.

¹⁴⁶ Там же. С. 4.

¹⁴⁷ Там же. С. 5–9.

массового забоя скота, в том числе использовавшегося для сельскохозяйственных работ. Но утверждения об истреблении по национальному признаку фактами не подтверждаются. В среде русского населения в период массового голода жертв было значительно больше. Пострадали и другие народы. Выделение же «украинского голодомора» из общей трагедии является надуманным. Используется оно и для обоснования притязаний на «утраченные вследствие геноцида» территории, осваивавшиеся якобы преимущественно украинцами.

Реальность же на разных этапах проявляла иное. В пределах бывшей Новороссии, включенных при проведении преобразований в советскую эпоху в состав «украинского государства», отмечалось отсутствие соответствующего установленным границам «национального сознания». Все попытки его «восстановления», в том числе при проведении политики украинизации, заканчивались провалом¹⁴⁸. Предпринимали их и украинские националисты в период Великой Отечественной войны. В одном из сел под Таганрогом посланец бандеровцев столкнулся с неприятием местным населением его пропаганды¹⁴⁹.

Руководству он тем не менее сообщил, что «все жители говорили на чистом украинском и сохранили украинские нравы и обычаи», но когда к ним следовали обращения «как к украинцам», собеседники без колебаний «утверждали, что украинцы живут к западу», подтверждая тем самым даже при таких обстоятельствах свою принадлежность к русскому народу. Убедить их в обратном, по свидетельству бандеровского репортера, так и не удавалось. На все доводы о единстве с украинцами, присутствующие на пропагандистских мероприятиях отвечали: «Да, они наши братья», но, как зафиксировано в отчете, «все же упорно отрицали, что и сами они – украинцы»¹⁵⁰.

Идеологическую обработку населения в период Великой Отечественной войны националисты пытались проводить и на Кубани. Составлялись, в частности, листовки с напоминанием, что этот край осваивался запорожскими казаками¹⁵¹, хотя при

¹⁴⁸ Армстронг Д. Указ. соч. С. 291.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С. 191–192.

¹⁵¹ Там же. С.324.

переселении их было не более 25 тыс. Да и считали они себя, как уже отмечалось, русскими. На Кубани происходили типичные для южных ареалов страны процессы. Распространенный здесь говор являлся таким же диалектом, региональная специфика которого имела сходство с новороссийским наречием. Отложившиеся в нем малороссийские (украинские) компоненты не являлись показателем национальной идентичности. Обращения бандеровских идеологов на Кубани не встретили понимания. Восточнославянское население здесь, так же как и в других частях Новороссии, устойчиво отождествляет себя только с русским народом.

Национальная политика, определившаяся в СССР в 20–30-е гг. XX в., проводилась и на последующих этапах. Интернационализм являлся ее немаловажным дополнением. Пропаганда его между тем имела наибольшее совпадение с российской исторической кодификацией и давала положительные результаты. Прежние подходы применялись и при включении в состав государства Карпатской Руси. Идентичность населения учитывалась при этом, так же как и в Новороссии, не по итогам самоопределения, а по признававшемуся руководством страны перечню наций. Совпадение он имел, так или иначе, с программными установками украинских националистов. Советский проект преобразований способствовал их воплощению.

Решение по Закарпатья было принято на очередной сессии «Верховного Совета УССР» в 1944 г. Провозглашение края «советским» преподносилось как состоявшееся «воссоединение украинских земель». В целях пропаганды с позиций теории В.И. Ленина подвергался осмыслению и «национальный вопрос», в понимание которого включался ретроспективный опыт стран Западной Европы, формировавшийся в условиях унификации этнических различий. Не пользовавшееся в народе поддержкой заявленное ранее в качестве проекта «Закарпатское украинское государство» во внимание не принималось. Попытки создания его носили сугубо искусственный характер и не опирались, как и в других случаях, на волеизъявление населения¹⁵².

¹⁵² Смолич Ю. Указ. соч. С. 400–404.

Сторонников «украинизации» в пределах Карпатской Руси презрительно называли «самостийниками»¹⁵³. Выезжавшие в край из Киева представители интеллигенции в действительности при идеологической обработке общественного мнения сталкивались с тем, что в каждом селе «быт иной, иной даже местный говор»¹⁵⁴. Несмотря на это, они не ставили под сомнение убежденность о существовании в Прикарпатье «украинской нации», которая наконец-то воссоединяется с другой частью, организованной в государство по «советскому образцу». Во встречающихся в массовом порядке несоответствиях таким намерениям усматривалась «реакционная сущность»¹⁵⁵.

Представители же украинской делегации (писатели, журналисты и др.), прибывшие для знакомства с ситуацией в Прикарпатье и пропаганды необходимости объединения сталкивались и в тот период с мощной ориентацией на Россию. Их возмущало то, что «среди... интеллигенции» здесь «сохранялись значительные... круги», придерживавшиеся «москвофильских» настроений¹⁵⁶. Еще большее недоумение у посланников Киева вызывали особенности культуры. С «возмущением» они узнавали, что в кругах местной интеллигенции «демонстративно не признавали украинского языка, говорили на ужасном... “язычи”, и именовали себя не украинцами, а “руськими”»¹⁵⁷.

Противоположное мнение и в этом случае навязывалось искусственно. Между тем карпатские русины и тогда осознавали себя, как подтверждено в том числе современными исследованиями, «отдельным восточнославянским народом»¹⁵⁸. Тем самым в отношении их, так же как и населения Новороссии, была нарушена историческая справедливость. Под прикрытием «интернационализма» проводившейся политикой насаждалась, по сути, националистическая модель¹⁵⁹, основывавшаяся на копировании опыта формирования государств в Западной

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 402.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. С. 402–403.

¹⁵⁸ Крылов А.Б. Выживет ли Русь под Карпатами? // Южнороссийское обозрение. Вып. 53. Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 31.

¹⁵⁹ Смолич Ю. Указ. соч. С. 485.

Европе. Представители украинской интеллигенции на протяжении многих лет критиковали политику в Российской империи, выставляя в качестве доказательства «запрет языка», которого на самом деле не было.

Игнорирование фактов позволяло и по другим ее направлениям выстраивать версию о «национальном гнете». Включенное в республику никогда не принадлежавшее ей пространство стало восприниматься как подвергшееся «русификации» и вызывало у представителей украинской интеллигенции раздражение. Для исправления положения в культурной сфере украинизация насаждалась и во второй половине XX в.. Отказывая в правомерности из-за состояния научных знаний в непризнании в качестве самостоятельного языка «малороссийского наречия», идеологи национальной государственности не замечали реальность существования «новороссийского наречия», а русинское «язычие», также являвшееся уникальным достоянием прошлого, называли «ужасным». В Российской империи, политика которой в советскую эпоху подвергалась резкой критике, различия между «малороссами» и «русинами» признавались официально, равно как и наличие у них особой восточнославянской этничности¹⁶⁰.

В составленных в 60–70-е гг. XX в. воспоминаниях писатель Ю. Смолич по поводу «воссоединения» с Западной Украиной, в частности, отметил, что оно «уничтожило проклятую вековую искусственную границу, прошло через все испытания... и утвердило перед всем миром целостность и нераздельность украинской нации»¹⁶¹. В данной оценке присутствовал, прежде всего, настрой интеллигенции, а не отражение объективной реальности. Различия все-таки существовали и при тех или иных обстоятельствах находили проявление. Однако идеологами делалось все для их устранения. Искусственность границ самой «национальной республики» игнорировалась.

Воспринимались они как «естественные», и самобытность идентичности населения Новороссии и Карпатской Руси не признавалась. Эти пространства, несмотря на несоответствия

¹⁶⁰ Суляк С.Г. Указ. соч. С. 14.

¹⁶¹ Смолич Ю. Указ. соч. С. 529.

насаждавшемуся национальному проекту, также рассматривались с позиций «целостности и нераздельности». Право на самоопределение для тех, кто проживал на этих территориях, исключалось даже в сфере культуры. Насаждение украинского языка принудительными мерами объяснялось необходимостью преодоления последствий русификации. Сложившиеся в советский период представления исторической кодификации в восточнославянской среде не соответствовали. Подмена понятий при этом, так же как и в теории М.С. Грушевского, играла решающую роль.

Даже без упоминания его авторства именно она использовалась в преобразованиях, связанных с конструированием украинского национального государства. Понятия же должны опираться на более или менее достоверную реконструкцию реальности. В отношении Новороссии соответствуют ей, на мой взгляд, именно заключения В.И. Даля, масштабный многолетний труд которого признавался и признается до сих пор замечательным «по полноте и точности» описания. Исследования других выдающихся представителей отечественной лингвистики того периода также подтверждали результаты его наблюдений¹⁶² и, в частности, в том, что сложившийся на основе двух родственных восточнославянских языковых комплексов диалект на Юге России ни украинский, ни русский, он общий.

О том, насколько авторитетны были эти подтверждения, можно судить хотя бы по тому, что при проведении полевых экспедиций выявлялись даже оттенки говоров не только в пределах губерний, областей, но и отдельных районов. Историческое их изучение неизменно подтверждало вывод о существовании в прошлом единой основы, вобравшей своеобразие лишь под воздействием тех или иных обстоятельств в последующей эволюции¹⁶³. Однако в зонах смешанной восточнославянской колонизации следует принимать во внимание все же не осо-

¹⁶² См. подробнее: Даль В.И. О наречиях русского языка. СПб., 1852; Он же. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863; Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1849; Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858; Потебня А.А. Заметки о малорусском языке. Воронеж, 1876.

¹⁶³ Россия. Энциклопедический словарь (Б/и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. 1898). С. 569–581.

бенности говора, соединяющего разные языковые компоненты, показывающие происхождение миграционных потоков, а стадильность самосознания. При их формировании даже в XVIII–XIX вв., как свидетельствуют факты, преобладающей выступала признававшаяся в той или иной степени принадлежность к общерусскому сообществу.

До перемен советской эпохи частью Новороссии являлся и Крым. Эта связь подкреплялась существовавшей длительное время административной подчиненностью. В пределах полуострова происходили в имперский период типичные для всего региона этнодемографические процессы. Образованная в составе России Крымская АССР, так или иначе имела смешанный состав населения. Она не воплощала субъектность какой-либо одной этнической общности. В 1945 г. Крымская АССР преобразуется указом Верховного Совета СССР в область¹⁶⁴. Изменение статуса вызывалось депортацией крымских татар, что во всех отношениях являлось мерой несправедливой. За отдельных представителей, вставших на путь предательства при немецкой оккупации, весь народ ответственности нести не может.

В послевоенный период доля русского населения в Крыму несколько возросла. Последующая передача области Украине не учитывала исторически сложившиеся реальности в имперскую и советскую эпохи. Опрос населения по этому поводу не проводился. В 1954 г. происходит передача Крымской области в состав Украины. В документах по этому поводу констатировалось, что при принятии решения учитывали «общность экономики, территориальную близость... тесные хозяйственные и культурные связи»¹⁶⁵. Между тем с Россией они были гораздо выше. Мнение населения и в этом случае было проигнорировано. Передача Крыма преподносилась как «подарок украинскому народу» по случаю 300-летнего юбилея Переяславской Рады, положившей начало объединению.

При проведении пропаганды о добровольности акта передачи территории со стороны русского народа заявлялось, что она

¹⁶⁴ История Крыма в документах 1944–1954 гг. // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 322.

¹⁶⁵ Там же. С. 321–323.

стала возможна «только в социалистической стране». Однако это было далеко не так: большинство населения полуострова было против. Н.С. Хрущев, несмотря на это, продавил через высшие органы власти соответствующие постановления, в качестве обоснования ссылаясь лишь на то, что Украина «в прошлом настрадалась». То обстоятельство, что к России это имело отношение в неменьшей степени, во внимание не принималось. С включением Крыма в состав Украины этнокультурное пространство Новороссии подверглось дополнительному изменению в соответствии с теорией М.С. Грушевского. Несмотря на это, прежняя историческая кодификация самосознания населения продолжала сохраняться и при отсутствии государственной поддержки. Воспроизводилась же она в контакте поколений.

Распространенность прежней идентичности вследствие проводившейся политики и сопутствовавшей ей пропаганды постепенно сужалась. Отмеченная же особенность последствий этнонациональной восточнославянской эволюции до 1917 г. устойчиво проявилась еще раз при проведении переписи 1959 г., которую специалисты признают «самой благоприятной» из всех переписей в стране в XX в.¹⁶⁶ Это нашло выражение при отклонениях от установившейся методики в опросах населения, допускавшихся в ходе сбора сведений, скорей всего, не в результате ошибок на местах из-за организационных упущений, а по разнарядке свыше. Перепись осуществлялась в двух вариантах, в которых так или иначе просматривается преднамеренность.

Так, на сопредельных с Украиной территориях, которые по существовавшему, судя по всему, замыслу вслед за Крымом должны были быть переданы в ее состав, национальная принадлежность устанавливалась по разговорному языку, в то время как все остальное население идентифицировалось по самосознанию. В результате такого двойственного подхода даже самые близкие родственники, жившие в соседних селах, оказались записанными, если во внимание принимался разго-

¹⁶⁶ Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: История проведения, оценка достоверности. В кн.: Всесоюзная перепись населения 1939г.: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 4–12.

ворный язык, — украинцами, если самосознание — русскими. После этого в начале 60-х гг. XX в. часть территории Ростовской области была передана без учета мнения населения и вновь с нарушениями принципа исторической справедливости «братской соседней республике». Такая участь постигла, в частности, Новоазовский район¹⁶⁷.

Отклонения при сборе сведений допускались лишь в тех населенных пунктах, которые впоследствии отошли к Украине. Результаты переписи 1959 г. в этом случае также не учитывали важнейший показатель исторической кодификации, связанный с самосознанием. Для населения, не мыслившего себя вне России, они оказались разрушительными. Такие последствия обычно наступают, когда «государственная бюрократия» определяет нужную ей «номенклатуру»¹⁶⁸. Граница же устанавливалась официально без выявления идентичности. Объективные же результаты могли быть получены только при опросе населения в ходе референдума. Но в планы руководства это не входило.

В связи с передачей Крыма в пространство Украины оказались включенными не только присоединенные ранее в соответствии с революционной целесообразностью Слобожанщина, Донбасс и другие районы Новороссии, но и «Таврическая степь»¹⁶⁹. Правомерность таких изменений получала обоснование в различных вариантах творчества националь-

¹⁶⁷ Информация получена, когда автор отработывал по распределению в 1978–1980 гг. в Ново-Бессергеновской средней школе в Неклиновском районе Ростовской области. Она также подтвердилась при чтении лекций по линии общества «Знание» в других пограничных с Украиной селах в 1990–1991 гг. Старожилы рассказывали, что перед передачей Новоазовского района за одну ночь перед приездом Н.С. Хрущева в Таганрог была проложена при задействовании большого количества техники и рабочих асфальтированная дорога. По ней он проехал всего один раз вдоль побережья залива. По случаю прибытия «первого секретаря ЦК КПСС» был устроен банкет с участием местного руководства, на котором оно и было оповещено о принятом решении. Возражений каких-либо не последовало. Население же на следующий день по радио узнало о передаче района Украине. На несправедливость данного волюнтаристского решения, основывавшегося на произволе, автору жаловались в 1991 г. перед распадом СССР жители, приезжавшие из Новоазовского района к родственникам. При чтении лекций задавали тревожные вопросы: «Что будет с нами? Мы же принадлежали когда-то России, мы русские...». При поездках на Украину в постсоветскую эпоху автору приходилось сталкиваться с железнодорожниками, работавшими еще в 50-е гг. XX в., которые утверждали, что «в Иловaysке начинается Россия».

¹⁶⁸ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. С. 122, 180.

¹⁶⁹ Смолич Ю. Указ. соч. С. 190.

ной интеллигенции. Территории с «русским перевесом» стали рассматриваться как «неотъемлемые» части Украины наряду с «карпатской Верховиной», Подольем, Полтавщиной¹⁷⁰ и другими исторически принадлежавшими ей местностями с ярко выраженной восточнославянской этнической спецификой.

Идеологические стереотипы советской поры продолжают сказываться и на современных представлениях. В полемике со мной в 2001 г. ростовский филолог Б.Н. Проценко, например, признавая наличие в смешанных диалектах в ряде местностей на Юге России двойственных компонентов, относит, несмотря на это, всю языковую разновидность к «украинской», игнорируя даже факт сложившегося устойчивого русского самосознания. Называя вывод В.И. Даля об особом «новороссийском наречии» ошибочным, он расходится с ним лишь в национальном отождествлении смешанного говора, содержащего вместе с тем, по его же утверждению, русский словарный пласт.

Ссылки Б.Н. Проценко на казаков-некрасовцев, сохранивших свои этнокультурные особенности в иноэтнической среде, также служат подтверждением не в пользу «наличия украинского языка» на Юге России¹⁷¹. При изучении этой этнокультурной общности зафиксировано, что казаки-некрасовцы действительно сохраняли язык и русское самосознание в инородной среде в пределах Турции и впоследствии Румынии, но утрачивали со временем этническую особость, попадая в пределы воздействия восточнославянского этнического поля¹⁷². А это еще один довод в системе приведенных доказательств. Этничность же подвержена влияниям геополитических и цивилизационных условий. Тот же факт, что само население южных ареалов, в том числе на Кубани, свой диалект украинским не считает, Б.Н. Проценко отнес к «недостатку языковой

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ См. подробнее: Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор!»? Полевые заметки по поводу одного из современных геополитических проектов. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 144. М., 2001. С. 14.

¹⁷² Сень Д.В. О реэмиграции некрасовских казаков из Турции в СССР в 20-е гг. XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 4. С. 3–9.

культуры»¹⁷³. Такой же «недостаток», видимо, принимали в расчет, когда после включения в состав СССР карпатских русинов записывали украинцами.

Единство же восточного славянства, существовавшее до 1917 г., подтверждается и другими исследованиями. Так, И.Х. Тхамокова, изучавшая особенности этой этнической группы на Северном Кавказе, отмечает, что тогда «под этнонимом русские... понимали... также украинцев и белорусов»¹⁷⁴. При опросах украинских переселенцев в Кабардино-Балкарии на исходе XX в. она выявила такую же реальность. Опросы показали, что все они «считают себя русскими», и вследствие этого «невозможно рассматривать историю и культуру русского населения в отрыве от украинского»¹⁷⁵. Поэтому, по заключению И.Х. Тхамоковой, «определить численность каждого из этих народов в отдельности... не удается»¹⁷⁶.

На Северный Кавказ и в советский период переселялось «множество украинцев», становившихся частью местного восточнославянского населения¹⁷⁷. Как и в имперский период, они, так или иначе, включались в процесс общероссийской консолидации. Эпицентром формирования собственно украинского самосознания выступали, как видно, территории традиционного расселения. Но и в них, несмотря ни на что, продолжала сохраняться на протяжении всего XX в., вплоть до распада СССР, самоидентификация «мы украинцы, мы русские». Последняя, однако, была уже менее выражена. Между тем в среде украинцев и после провозглашения независимости сепаратизм представлял, по выражению наблюдавшего не один год параметры данного явления ученого Н.И. Ульянова, не иначе как «комплекс настроений, созданных пропагандой», весьма ограниченных и потому потребовавших немалых усилий, направленных на обоснование «существенных» отличий украинцев от русских¹⁷⁸.

Несмотря на проводившуюся политику в советский период,

¹⁷³ См. подробнее: Матвеев В.А. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁷⁴ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 41.

¹⁷⁵ Там же. С. 3.

¹⁷⁶ Там же. С. 41.

¹⁷⁷ Шаульская В. Грозненская черешня, или мечтательная повесть о счастье. С. 14.

¹⁷⁸ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1997. С. 76.

к моменту провозглашения независимости Украина не представляла собой государства с устоявшимся национальным единством. Для значительной части украинцев, например, И. Мазепа, изменивший России перед Полтавской битвой в 1709 г. и переметнувшийся на сторону шведов, в постсоветскую эпоху продолжал оставаться предателем. Его изображения на денежных знаках воспринимались как издевательство над здравым смыслом, для какой-то части населения этой республики он выступал в качестве «героя и борца за идею национальной независимости». Соответственно под таким же углом зрения, «предательства и целесообразности отдаления от Москвы», рассматривались действия тех политиков, которые стремились сделать Украину членом Евросоюза и НАТО.

В среде простого народа вместе с тем устойчиво сохранялась надежда на то, что разъединение с Россией носит временный характер. Единой оставалась, несмотря на предпринимавшиеся попытки раскола, и православная церковь, нравственные позиции которой в этом отношении остаются пока не оцененными по достоинству. Выражая настроения верующих, священники этой конфессии по всей Украине, в том числе и в западных областях, продолжали и после разъединения в 1991 г. нести службу, как и прежде, на русском и украинском языках, провозглашая перед началом молитв здравицы в честь патриарха «всея Руси». Так что с разделением восточнославянского сообщества «гоголевская» Украина не исчезла. Сохранялось и ее тяготение к России.

До сих пор даже те, кто этого не хотел бы, вынуждены признавать, что есть «традиционные регионы» на ее востоке и юге, где «компактно проживают» русские¹⁷⁹, точнее «целые области с русским перевесом», с перемешанным населением, в составе которого не существует «нетерпимости между украинцами и русскими», а смешанные браки никто «смешанными» не считает и поэтому затруднительно «выбрать... национальность из двух»¹⁸⁰. Распространенность такая же, как и на Украине,

¹⁷⁹ Удовенко Г.И. Народный Рух Украины в борьбе за власть // Независимая газета. 1999. 18 июня. С. 6.

¹⁸⁰ Солженицын А. Как нам обустроить Россию. С. 12.

особенность функционирования восточнославянской этнической среды, несмотря на национальную сегментацию, имеет и в России¹⁸¹.

Современные трагические события на Юго-Востоке предопределяются тем, что по ходу радикальных перемен 1917–1920 гг. внедренными оказались националистические мифы, позволившие разделить восточнославянское сообщество. Отсутствие объективных исторических знаний имело при этом немало важное значение. Вследствие этого в состав Украины было включено и население Новороссии, у которого существовала иная идентичность. Из-за особенностей этнополитических трансформаций в восточнославянской среде в этом ареале она обрела общерусский характер. Право на возможность самоопределения в этом случае не предоставлялось.

¹⁸¹ См. подробнее: Виноградов П.Б. «Два чувства дивно близки нам...». (Материалы к истории семьи Виноградовых из города Козлова Тамбовской губернии). Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. Тверь, 2001. С. 19.

Заключение

Предпринятый аналитический разбор позволяет сделать несколько имеющих принципиальное значение итоговых обобщений. Российское сообщество народов, не представляя целостной этнонациональной системы, проявляло себя на разных исторических этапах как государственное и цивилизационное образование. Евразийское сообщество в значительной мере совпадало с российским, но имело и такие исключения, где преобладающей являлась относительная цивилизационная взаимосвязанность. Сложившиеся же общегражданские связи представляли в менее устойчивом виде и оказывались подверженными распаду. При отборе критериев функционирования евразийского и российского сообществ нельзя руководствоваться тенденциями узкого национализма.

Попытки отойти от этой реальности или ее игнорировать, как проявляли различные события прошлого, были обречены на неудачу. Для общегражданского российского сообщества, в отличие от утвердившейся практики других стран, определяющее значение имело притяжение не какого-то отдельно взятого этнического поля, а поля государственного. Идея национальных государств, заимствованная большевиками, не могла служить в качестве основы при решении проблем обустройства в России. Такой подход основывался на западноевропейских мерках, подходивших, например, для Британской или Австро-Венгерской империй, так как обеспечивал их народам возможность достижения независимости, к которой они непреклонно стремились.

О масштабах воздействия на этнополитические процессы в российских условиях объединительной тенденции, какие бы ей не давались терминологические определения, можно судить хотя бы по тому, что в 1922 г., как заметил, руководствуясь распространенным заключением «все империи развалились», итальянский историк Дж. Боффа, бывшие окраины Российской империи подтверждали в подавляющем большинстве случаев стремление войти в состав воссоздающегося государства на правах автономий¹. Толчок же этому процессу дало объедине-

¹ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой

ние «трех славянских народов»².

Предусматривавший «автономизацию» проект И.В. Сталина являлся более реалистичным, так как отвечал в наибольшей степени существовавшим возможностям сохранения интеграции на российской основе³. Вариант В.И. Ленина всецело исходил из неизбежности мировой революции и предполагал более аморфное государственное образование с постепенным включением в него всех зарубежных стран после утверждения в них «советского строя»⁴. Укрепление евразийства в силу этого произошло лишь после 1917 г., в том числе в определенной степени в связи с реализацией идеи интернационализма, предполагавшей внешнюю солидарность. Приписывалась ей классовая основа. Успех этой реализации вызывался между тем наложением на существовавший уже внутри страны общегражданский полиэтнонациональный синтез.

Именно благодаря этому как раз и удалось в тех условиях сохранить целостность складывавшегося на протяжении многих веков геополитического и цивилизационного пространства. Позитивный потенциал евразийства в этом отношении несомненен, и его возможности сохраняются. Однако это явление нельзя идеализировать. При формировании представлений о евразийстве в 20–30-е гг. XX в. и на современном этапе развития научных знаний критическое восприятие его отсутствовало. Разнообразие современных интерпретаций явления отражает незавершенность переходных состояний интеграционного процесса, что как раз и порождает непонимание закономерности их наличия и разброс мнений при попытках классификаций⁵.

В ряде случаев прослеживается идеализация «национального государства» в противоположность империям⁶, которые

войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. Пер. с итал. М., 1990. С. 180–181, 185–186.

² Карр Э. Указ. соч. С. 211.

³ Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. С. 26.

⁴ Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 437–534.

⁵ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 82–105.

⁶ Марчуков А.Н. «Империя» и «национальное государство» как векторы политической модернизации современной России. Автореф. дисс. канд. политических наук. М., 2009.

между тем являлись разновидностью универсалистских образований. К таким проектам относятся в том числе конфедерации и федерации, которые являются не менее эффективными моделями. Руководствуясь устоявшимися теоретическими представлениями, исследователи стремятся выявить определившиеся результаты. Вариации при формировании российского универсалистского синтеза при этом игнорируются. Опыт же отечественного имперского обустройства евразийского пространства являлся успешным. Встречавшиеся недостатки были вполне устранимы. Сохранялась до 1917 г. самобытность субэтнических и в восточнославянском сообществе. В имперский период происходила его естественная трансформация в нацию. Вместе с тем Россия признавалась родиной многими другими входившими в ее состав народами.

Основанный на советском проекте вариант государственного переустройства, укрепивший со временем тенденцию складывавшегося аморфного евразийского синтеза, видоизменил геополитический баланс и направленность связанного с ним континентального взаимодействия. Из-за этого сформировавшиеся общегражданские связи постепенно переводились на иной уровень сплочения, что создавало предпосылки для их последующего разрыва. Допущено было смещение исторических кодов и в сторону западноевропейских реалий со сложившимися идеалами национальных государств. Вывод о том, что «марксистской доктриной» предложен и большевистским режимом осуществлен «вариант этнического национализма», появившийся в современной науке⁷, соответствует действительности. Заимствовался опыт и колониальных империй, в которых устанавливались тоже более или менее прочные цивилизационные контакты, но при явной подавляющей роли культурных ценностей метрополий.

В колониальных империях отсутствовало государственное общегражданское взаимодействие, наблюдавшееся в России. Но и для нее была провозглашена необходимость права наций на самоопределение вплоть до отделения даже в тех регионах, где был смешанный состав населения. К ним относился и юг

⁷ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 34.

Российской империи. Вместо политического единства государства с сочетанием элементов унитарности и российского универсализма в программе большевиков были предложены более слабые федеративные связи. Разграничение автономных областей предусматривалось по национальному признаку.

Между тем на весьма обширной российской иноэтнической периферии сложились консолидированные общности, важнейшей составляющей которых являлся интеграционный вектор. На его основе происходило и цивилизационное совмещение различных этнических компонентов. В этих контактных зонах прошлого оправданным оказывался принцип равенства всех народов с обязательным сохранением объединяющей универсалистской первоосновы. Ее не удалось вытеснить из сформировавшегося в имперский период регионального новороссийского контекста даже при помощи специальных мер, опиравшихся на мощнейшую идеологическую обработку населения. Нарушение сложившегося цивилизационного равновесия приводит к разрушительным последствиям.

В отечественных реалиях прослеживались, таким образом, две наиболее оформившиеся вариации исторической кодификации: евразийская и российская. Отрицание в развитии российской государственности до 1917 г., наряду с евразийством, наличия еще одной тенденции сужает восприятие реальности. Отмеченные тенденции – это не взаимоисключающие противоположности, а имеющие отличия направленности формирования континентального взаимодействия. Они имели геополитическое (свои пространственные параметры) и цивилизационное (становление своего рода культурной общности) измерение. Существование евразийской и российской взаимодополняющих составляющих в интеграционном процессе подтверждают, например, неоднозначные альтернативы, отчетливо проявившиеся при восстановлении былого единства державы после революционных потрясений 1917 г.

В них прослеживалась как более прочная и устойчивая континентальная российская государственная сплоченность, так и не сложившаяся в нее в полной мере евразийская взаи-

моувязанность⁸. Если в евразийской кодификации определяющую роль играли цивилизационные факторы, то российское сплочение являлось, прежде всего, государственным. Оно основывалось на постепенной интеграции не только восточного славянства, но и иноэтнического населения окраин в единую гражданскую общность и превращении его со всеми сложностями и противоречиями в ее составляющую.

Из-за незнания России и специфики формирования ее окраинной периферии после 1917 г. было допущено смещение кодов этнонационального развития. Вследствие этого сдвиг произошел и в сторону евразийства, являвшегося до указанного рубежа лишь одной из тенденций в становлении российского государства, но отнюдь не преобладавшей. Укрепление евразийства произошло, на мой взгляд, лишь после 1917 г., в том числе в определенной степени в связи с реализацией идеи «интернационализма», предполагавшей внешнюю солидарность на классовой основе. Однако успех этой реализации вызывался, как показывает непредвзятое осмысление фактов, наложением на существовавший уже внутри страны общегражданский полиэтнический синтез.

Именно благодаря этому как раз и удалось в тех условиях сохранить целостность складывавшегося на протяжении многих веков геополитического и цивилизационного пространства. Позитивный потенциал евразийства в этом отношении несомненен, и его возможности до сих пор сохраняются. Однако это явление нельзя идеализировать, как это делалось в момент формирования представлений о нем в 20–30-е гг. XX в. и на современном этапе развития научных знаний. Оно видоизменило складывавшийся государственный баланс и направленность связанного с ним континентального взаимодействия. Из-за этого ранее сложившиеся связи постепенно переводились на иной уровень сплочения, что создавало предпосылки для их последующего разрыва. Вместе с тем было допущено смещение и в сторону западноевропейских реалий со сложившимися

⁸ Матвеев В.А. Итоги российской политики на Северном Кавказе к 1917 г. (Классификация изменений) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11 / под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Ктиторова. М.; Армавир, 2006. С. 19, 26–27.

идеалами национальных государств.

Заимствовался также опыт колониальных империй, в которых устанавливались тоже более или менее прочные цивилизационные контакты, но при явной подавляющей роли культурно-религиозных ценностей метрополий. В колониальных империях, кроме того, отсутствовало континентальное геополитическое взаимодействие и общегражданское государственное совмещение, происходившее в России. Незнание ее особенностей, обнаружившееся в начале XX в., вызывалось не в последнюю очередь состоянием разработанности знаний о ней, ситуацией в исторической науке, которая не смогла к тому переломному моменту дать ответы на запросы эпохи. Оно было присуще в тех условиях всем, кто претендовал на ее переустройство.

Одной же вариации исторической кодификации в восточнославянском сообществе не сложилось. Различия их имели субэтнический характер. Но для всего восточнославянского сообщества существовал обобщенный код, предопределенный всем ходом предшествующего развития. До 1917 г. он обретал национальные свойства и имел общерусское значение. Разделение восточнославянского сообщества опиралось на весьма слабые предпосылки, которые изживались даже в советскую эпоху. Проводившаяся политика способствовала лишь замедлению консолидации, но не смогла изменить объективную реальность солидарного взаимодействия как одного народа, сегментированного по национальному признаку восточнославянского этнического сообщества. Современные события на Юго-Востоке со всей наглядностью проясняют, что возможность хотя бы частичного восстановления его государственного единства на общероссийской основе пока сохраняется.

Библиография

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва)

- Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1.
Ф. 400. Главный штаб. Оп. 3, 19.
Ф. 970. Военно-походная канцелярия Е. И. В. при императорской квартире. Оп. 3.
Ф. 1300. Штаб Кавказского военного округа. Оп. 1, 9.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

- Ф. 1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Наркомнац РСФСР. Оп. 1.

ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР, г. Москва)

- Ф. 296. Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР Наркомата просвещения РСФСР (Комнац). Оп. 1.

Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург)

- Ф. 1276. Совет министров. Оп. 19.
Ф. 1284. Департамент общих дел. Оп. 241.

Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ, г. Тбилиси)

- Ф. 13-с. Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 29.
Ф. 17. Канцелярия Тбилисского губернатора. 1860–1917 гг. Оп. 2.
Ф. 2081. Закавказский комиссариат. 1917–1918 гг. Оп. 1.

Нормативные акты и докладная документация

- Документы и материалы 3-го Всероссийского съезда «Союза 17 октября». Москва, 4–8 октября 1909 г. // Партия «Союз 17 октября». М., 2000.

Полный свод законов Российской империи: В 2-х кн. / Под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1. Т. 1. СПб., 1911.

Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991.

Сборники документов

В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2-х ч. Ч. 1. М., 1994.

В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2-х ч. Ч. 2. М., 1994.

Голодомор / Составитель Д. Ванюков. М., 2011.

Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах. (Под ред. М.Н. Покровского). М.:Л., 1930.

Декреты Октябрьской революции. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. М., 1933. Т. 1.

История Крыма в документах 1944–1954 гг. // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006.

Красный Архив. 1928. № 5 (30).

Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920.

Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX вв. Ростов н/Д, 1992.

Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация // Док. и матер. М., 1959.

Философское и литературное наследие

Автобиография. (Письмо Т.Г. Шевченко к редактору журнала «Народное чтение») // В кн.: Шевченко Т. Дневник. М., 1954.

Былины / Сост., автор предисл. и вводн. текст В.И. Калугин. М., 1986.

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1975.

Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1980.

Даль В. Полунощник. (Уральское предание) // Даль В. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки. СПб., 2009.

Дюма А. Кавказ. Пер. с фр. Тбилиси, 1988.

Из писем Т.Н. Грановского // В кн.: Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М., 1975.

Ильин И.А. О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь, 1991.

Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1973.

Слово о полку Игореве. Переводы С. Шервинского и Г. Шторма. М.-Л., 1934.

Слово о полку Игореве. Пер. Н. Заболоцкого // В кн.: Древнерусская литература / Сост., предисл. и коммент. М.П. Одесского. М., 2001.

Франко И. Две конституции // Франко И. Избранные сочинения. Пер. с укр. Т. IV. Рассказы и повести. Драмы. М., 1950.

Франко И. Захар Беркут. Картина общественной жизни Карпатской Руси в XIII веке // В кн.: Франко И. Избранные сочинения. Пер. с укр. Т. IV. Рассказы и повести. Драмы. М., 1950.

Франко И. Патриотические порывы // В кн.: Франко И. Стихотворения и поэмы. Рассказы. Борислав смеется. Пер. с укр. М., 1971.

Франко И. Русско-украинский театр. (Исторические очерки) // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Пер. с укр. М., 1990.

Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Чехов А.П. Остров Сахалин. М., 2004.

Шевченко Т. Дневник (с 12 июня 1857 по 13 июля 1858 года) // В кн.: Шевченко Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М., 1977.

Шевченко Т. Кобзарь. Пер. с укр. ОГИЗ. Гослитиздат. М., 1947.

Шевченко Т. Стихотворения и поэмы. 1847–1861 // В кн.: Шевченко Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 1977.

Теоретическая публицистика

Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.

Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Приложение. М., 2002.

Грушевский М. Украинцы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Грушевский М.С. Кто такие украинцы и чего они хотят. (Б/и 1917 г.). Киев, 1991. (Пер. автора).

Дорошенко Д.И. «К украинской проблеме». По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого // В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007.

Жданов Ю.А. Государство-континент // Стратегия национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе: Сб. матер. целевого семинара. Октябрь 1994 г. Ростов н/Д, 1995.

Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Т. 30.

Ленин В.И. Есть ли путь к справедливому миру? // Полн. собр. соч. Т. 32.

Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. К пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24.

Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26.

Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989.

Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25.

Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В.И. Постановление СНК об ответе Рады Совету Народных Комиссаров // Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии латышского края // Полн. собр. соч. Т. 23.

Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. С.Г. Шаумяну. 19 мая 1914 г. // Полн. собр. соч. Т. 48.

Ленин В.И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. Т. 41.

Ленин В.И. Украина // Полн. собр. соч. Т. 32.

Революция и национальный вопрос. Т. III. К., 1930.

Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.

Солженицын А. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990.

Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 1. М., 2009.

Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 2. М., 2009.

Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994.

Сталин И.В. Выступления на III Всероссийском съезде Советов Р.,С. и К.Д. 10–18 января 1918 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. Записка по прямому проводу Народному секретариату Украинской советской республики // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. К военному положению на Юге // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. О Петроградском фронте // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. Политика правительства по национальному вопросу // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. Речь на съезде финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. Что такое Украинская Рада? // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. За два года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. Два лагеря // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Сталин И.В. Об Украинской Раде. Речь на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4: ноябрь 1917–1920. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М., 1947.

Трубецкой Н. К украинской проблеме // В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М., 1995.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. (Антология мысли). М., 2007.

Трубецкой Н.С. Ответ Д.И. Дорошенко /// В кн.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2007.

Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. М., 1994. Ч. II.

Франко И. Две унии. (Картинка из истории Руси конца XVI столетия) // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Из писем. Е.К. Тригубову // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Из писем. М.П. Драгоманову. Львов, канун 20 марта 1885 // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Из писем. Элизе Ожешко. Львов, 31 марта 1886 // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Искренность тона и искренность убеждений // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Украинский театр // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Эмиграционные агенты в Галиции // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Франко И. Эмиграция галицких крестьян // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 10. Статьи, письма. Пер. с укр. М., 1959.

Чернышевский Н.Г. Из № 2 «Современника». Январь 1857. «Богдан Хмельницкий» Костомарова // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. М., 1948.

Чернышевский Н.Г. Из № 6 «Современника». Труды комиссии, высочайше учрежденной при императорском университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа. Том третий. Киев. 1855 // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. М., 1948.

Чернышевский Н.Г. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Уложения Сокольничья Пути и проч.», издал Петр Бартенев. Москва. 1856 // В кн.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. IV. Статьи и рецензии 1856–1857. М., 1948.

Шпрингер Р. Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии): Пер. с нем. СПб., 1909.

Мемуарные и иные археографические свидетельства

Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 2008.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1940.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. II. ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1940.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013.

Виноградов П.Б. «Два чувства дивно близки нам...». (Материалы к истории семьи Виноградовых из города Козлова Тамбовской губернии). Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. Тверь, 2001.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991.

Воспоминания о Бакунине Адольфа Рейхеля // Приложение в кн.: Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. Дозволено цензурою. Г. Казань, 18 ноября 1905 года. Казань, 1906.

Воспоминания о Тарасе Шевченко. К., 1988.

Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. 1. (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992.

Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. 2. (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992.

Голубинцев А.В. Казачья Вандея. М., 2014.

Голушко Н.М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

Голушко Н.М. Моя украинская семья // В кн.: Голушко Н.М. КГБ Украины. Последний председатель. В 2-х т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

Гучков А.И. Воспоминания председателя Государственной думы и Военного министра Временного правительства. М., 1993.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3-х т. Т. 1. (Б/и. Париж, 1921–1922). Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М., 2003.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3-х т. Т. 2. (Б/и. Париж, 1922). Борьба генерала Корнилова. Т. 3. (Б/и. Берлин, 1924). Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. (Б/и.: Париж, 1921). М., 1991.

Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 книгах. Книга 3. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. М., 2003.

Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М., 2005.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. Пер. с сербо-хорватского. М., 1992.

Керенский А.Ф. Потерянная Россия. М., 2007.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары: Пер. с англ. М., 1993.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991.

Мельгунов С.П. «Золотой немецкий ключ» к большевист-

ской революции // В кн.: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. М., 2014.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.

Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 8.

Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 9.

Смолич Ю. Рассказ о непокое. Страницы воспоминаний об украинской литературной жизни минувших лет. М., 1971.

Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Шаульская В. Грозненская черешня, или мечтательная повесть о счастье. Сценарий простой жизни. М., 2004.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

Справочные издания

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1928.

Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Т. 1: А–З. М., 1989.

Даль В.И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989.

Даль В.И. О наречиях русского языка. СПб., 1852.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863.

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. (Составители: Александров Г.Ф., Галактионов М.Р., Кружков В.С., Митин М.Б., Мочалов В.Д., Поспелов П.Н.). Госполитиздат. М., 1952.

Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903.

Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). Л., 1991.

Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

Толковый словарь живаго великорускаго языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 4: Р–V. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. СПб., М., 1882.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 3. П–Р. Издание т-ва Вольф. СПб.–М., 1907.

Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т 3: Т–Я. Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М., 1995.

Периодические издания

Газеты:

Киевская мысль. 1917. 27 июля.

Терский край. 1917. 11 окт.

Журналы:

Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1929. № 6.

Марр Н.Я. Непочатый источник истории Кавказского мира. (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан, 24 дек. – 12 янв.). // Известия Академии наук. (Бюллетень Академии наук). 1917. Петроград, 1917.

ЛИТЕРАТУРА

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.

Агафонов А.И. Область войска Донского и Приазовье в до-реформенный период. Издательство Ростовского университета. Ростов н/Д, 1986.

Акопян В.З. К вопросу о деятельности подразделений Наркомнаца по делам национальных меньшинств на Юге России // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 12–13 декабря 2014 г. Пятигорск, 2014.

Акопян В.З. К вопросу осуществления политики украинизации в неказачьем регионе Юга России (на примере Ставрополья) // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014.

Аксенова Е.П. Т.Г. Шевченко и национальный подъем украинского народа во взглядах А.Н. Пыпина // Славяноведение. 2014. № 6.

Армстронг Д. Украинский национализм. Факты и исследования. Пер. с англ. М., 2008.

Байдалова Е.В. «Лицом к лицу лица не увидать»? Исследования жизни и творчества Т.Г. Шевченко в постсоветской Украине и за ее пределами // Славяноведение. 2014. № 6.

Баранов А.В. Методы исследования пограничных сообществ в исторической географии (на материалах Юга России) // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26 – 27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014.

Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. Пер. с англ. М., 2002.

Богаевский П.М. Присоединение Малороссии к Московскому царству // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Бондаренко Д. Временное правительство и Украинская Центральная Рада: федерализация или распад государства? // Россия. XXI в. 1999. № 5.

Бондаренко Д., Крестовская Н. Украинский вопрос в Государственной Думе (1906–1917 гг.) // Россия. XXI век. 2001. № 6.

Борзова Е.С. История образования Холмской губернии // Славяноведение. 2014. № 5.

Борисенок Е. «Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно» // Российский исторический журнал «Родина». 2014. № 11.

Борисенок Е. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1920-е гг. // Российский исторический журнал «Родина». 1999. № 8.

Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. Пер. с итал. М., 1990.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

Будилович А. О единстве русского народа // Русский вестник. 1993. № 12.

Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.

Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах // Свободное слово Карпатской Руси. 1971. № 7–8 (151–152).

Ванюков Д.А. Курильские острова. М., 2011.

Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011.

Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. М., 1995.

Вдовин А.И. Русские в XX в. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.

Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001.

Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001.

Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне. Ростов н/Д, 1992.

Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.

Виноградов В.Б. О формировании новой концепции всемирной истории // Российский исторический журнал. 1996. № 1.

Волконский А.М. Историческая правда и украинофильская пропаганда // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Голиков А.Г. В канун Октября: Нарастание общенационального кризиса. М., 1977.

Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. Армавир, 2001.

Голованова С.А. Этничность и сословность как универсальные категории характеристики казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010.

Грицков В.В. Из истории Сборника Русского исторического общества // Сборник Русского исторического общества. № 1 (149). М., 1999.

Гронковский К. Предисловие // В кн.: Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. Дозволено цензурою. Г. Казань, 18 ноября 1905 года. Казань, 1906.

Гронский А.Д. Попытка конструирования белорусской национальной героики в начале XX в. // Южнороссийское обозрение. Вып. 53. Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009.

Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. К., 1990.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. 5-е изд. М., 2012.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994.

Гусев Ю.П. Йожеф Этвеш и Николай Гоголь // Славяноведение. 2014. № 6.

Дейч А.Л. Тарас Шевченко (Биографический очерк) // Шевченко Т. Кобзарь. Пер. с укр. ОГИЗ. Гослитиздат. М., 1947.

Десярев А.К. Украинский национализм: «галичанство» против русскости // Южнороссийское обозрение. Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д, 2007.

Державин Н.С. Происхождение русского народа – великорусского, украинского, белорусского. М., 1944.

Добродомов И.Г. Антон Семенович Будилевич (1846–1908) // Русский язык в школе. 1996. № 2.

Дружинин А.Г. Южно-российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.

Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 3. М., 1996.

Ерасов Б.С. Этническое – национальное – цивилизационное в пространстве Евразии // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. М., 1995.

Ерусалимский А. Бисмарк как дипломат (вступительная статья) // В кн.: Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Т. I. ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1940.

Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: История проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992.

Задорожнюк Э.Г. Тарас Григорьевич Шевченко и идея славянского единения // Славяноведение. 2014. № 6.

Зазулин Н.В. Вооруженное подавление бандеровского бандитизма // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008.

Заславский Д. М.П. Драгоманов. (К истории украинского национализма). Издательство политкаторжан. Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. Историко-революционная библиотека. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. № 8 (XCVII). М., 1934.

Заявление участников международной научной конференции «340 лет Переяславской Рады» // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. 2. Донецк, 1994.

Иваньо И.В., Шинкарук В.И. Философское наследие Григория

- Сковороды // В. кн.: Сковорода Г. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1973.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (больше-
виков). Краткий курс. Под ред. ЦК ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б)
1938 год. ОГИЗ. Госполитиздат. М., 1945.
- История Ставропольской митрополии. Очерк. Ставрополь,
2012.
- Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Чис-
ленность и этнический состав. М., 1992.
- Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв.
Этностатистическое исследование. СПб., 1996.
- Калашников М., Бунтовский С. Независимая Украина. Крах
проекта. М., 2009.
- Калугин В.И. Мир былинного эпоса // Былины / Сост., автор
предисл. и вводн. текст В.И. Калугин. М., 1986.
- Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Больше-
вистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. М., 1990.
- Катков Г.М. Февральская революция. Пер. с англ. М., 2006.
- Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. I. (Ч. 1).
М., 1987.
- Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. Курс русской истории.
Часть 1. М., 1956.
- Ковалевский П.И. История Малороссии. С.-Петербург, 1912.
- Ковалевский П.И. Психология русской нации. Воспитание
молодежи. Александр III – царь-националист. М., 2005.
- Коваленко В. Крымский вопрос и московская пропаганда // *Российский исторический журнал «Родина»*. 1995. № 3–4.
- Ковалинский М.И. Жизнь Григория Сковороды. Написанная
1794 года в древнем вкусе // В кн.: Сковорода Г. Сочинения.
В 2 т. Т. 2. М., 1973.
- Козлов А.И. Каменистыми тропами... Исторический очерк.
Ростов н/Д, 2008.
- Козлов А.И. Хроника трагедии Харлампия Ермакова (или
документальный эпилог «Тихого Дона»). По материалам ФСБ // *Казачий сборник*. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002.
- Козлов В. Проблема этнического самосознания и ее место в
теории этноса // *Советская этнография*. 1990. № 5.
- Козлов Ю. «Галичина – не Украина, галицкие националисты

– не украинцы» // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008.

Козлов Ю.К. Предисловие // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008.

Кондрашов Н.А. Славянские языки. М., 1956.

Коренько В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

Корнилов Д.В. Дух Переяславской Рады и общественно-политическая мысль Украины конца XIX–XX вв. // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. 2. Донецк, 1994.

Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002.

Костомаров Н.И. Задачи украинофильства // Вестник Европы. Т. II. 1882.

Костомаров Н.И. Из истории Центральной и Южной Руси // Костомаров Н.И. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. М., 2010.

Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989.

Крыжановский С., Турганов В. Иван Франко (1856–1916) // В кн.: Франко И. Стихотворения и поэмы. Рассказы. Борислав смеется. Пер. с укр. М., 1971.

Крылов А.Б. Выживет ли Русь под Карпатами? // Южно-российское обозрение. Вып. 53. Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009.

Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

Куликова Э.Г. Региональные языковые контакты в аспекте культуры речи // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). Ростов н/Д, 2000.

Кульчицкий С. Курс – украинизация // Российский исторический журнал «Родина». 1999. № 8.

Лакер У. Черная сотня. Пер. с англ. М., 1994.

Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этнические и культурно-бытовые процессы

на Кавказе. М., 1978.

Лескинен М.В. Славянское единство: от лингвокультурной классификации к политической мифологизации // Славяноведение. 2013. № 6.

Линниченко И. Малорусский вопрос и автономия Малороссии // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Лихолат А.В. Национализм – враг трудящихся: Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986.

Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. Пер. с англ. М., 2002.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.

Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 1. М., 1994.

Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях. (Пособие к лекциям по истории русского языка) // Труды подготовительной по национальным делам комиссии. Малорусский отдел. Вып. I. Сборник статей по малорусскому вопросу. Одесса, 1919.

Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб., 2002.

Марчуков А.В. «Не было, нет и быть не может». Проблемы национально-культурного развития русинов Галиции и Закарпаття в освещении украинской историографии // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность. Сб. науч. ст. по матер. конф. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. Новочеркасск, 2010.

Марчуков А.Н. «Империя» и «национальное государство» как векторы политической модернизации современной России. Автореф. дисс. канд. политических наук. М., 2009.

Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор!»? Poleмические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов. Российская Академия наук. Институт этнологии

и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 144. М., 2001.

Матвеев В.А. Итоги российской политики на Северном Кавказе к 1917 г. (Классификация изменений) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11 / под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Ктиторова. М.; Армавир, 2006.

Матвеев В.А. Международная научная конференция «340 лет Переяславской Раде» (Украина, г. Донецк, март 1994). (Сообщение) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 1–2. Матвеев В.А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев. 1995. № 1.

Матвеев В.А. Отечество не только русских... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1.

Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2012.

Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.): историография, источники, методология. Монография. Ростов н/Д, 2012.

Матвеев В.А. С чего начинать возрождение? Российское казачество: опыт этнонацнологической идентификации феномена и современные перспективы // Проблемы казачьего возрождения. Сборник науч. ст. Ч. 1. Отв. ред. А.И. Козлов. Ростов н/Д, 1996.

Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2003. № 3–4.

Матвеев О.В. «Кому суворовская лавра венок сплела...». Граф И.Ф. Паскевич-Эриванский в народной памяти // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2002.

Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской менталь-

ности. Краснодар, 2005.

Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е – 50-е годы XIX века: история повседневности // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008.

Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003.

Матишов Г.Г. Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Издательство ЮНЦ РАН. Ростов н/Д, 2014.

Мирошниченко П.Я. Эволюция украинского национализма и взаимоотношения Украины с Россией // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. 2. Донецк, 1994.

Митухина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк М.П. Драгоманова. Дозволено цензурою. Г. Казань, 18 ноября 1905 года. Казань, 1906.

Омакаева Э.У. Калмыцкое казачество как культурно-исторический феномен // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010.

Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981.

Основы политологии. Курс лекций. (Под ред. В.П. Пугачева). М., 1992.

Острась Э.С. Социально-экономические последствия антифеодально-освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. I. Донецк, 1994.

Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006.

Пархоменко М. Иван Франко // В кн.: Франко И. Сочинения. В 10 т. Т. 1. Пер. с укр. М., 1956. С. XXII.

П-нь А.Н. [Пыпин А.Н.]. Рецензия на книгу «Записки о Южной Руси». Издал Кулиш. Два тома. СПб. 1856–1857 // Современник. 1857. № 5. Отд. III.

Поликарпов В.С. Новые виды оружия и технологии войн // Научная мысль Кавказа. 1997. № 2.

Потебня А.А. Заметки о малорусском языке. Воронеж, 1876.

Примечание ред. к статье: Матвеев В.А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев. 1995. № 1.

Птицын А.Н. Переселенцы из славянских земель Австро-Венгрии на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX веков // Мир славян Северного Кавказа / ГНТУ «Кубанский казачий хор», Центр славянских исследований Кубанского госуниверситета. Вып. 5. Краснодар, 2009.

Пукиш В.С. О словацких переселенцах на Кавказе // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008.

Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982.

Пыпин А. Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) // В кн.: Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Ранние статьи. 1831–1833. М., 2009.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891.

Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! // Славянская нива. 2002. № 1–2.

Радзиевский А. Как и Бог наш – триедин русский народ! // Славянская нива. 2003. № 1–2.

Радзиевский А.И. Сохранение духовно-культурного единства и выход из экономического кризиса Украины и России // Диалог украинской и русской культур в Украине. Материалы IV Международной научно-практической конференции (9–10 декабря 1999 г., г. Киев). Киев, 2000.

Ревин И.А. Влияние малороссийского (украинского) населения на социокультурное развитие донского региона (XVIII – первая половина XIX вв.) // Южнороссийское обозрение. Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д, 2007.

Репников А. Василий Шульгин и «украинский вопрос» // Россия XXI. 2015. № 1.

Романовский Ю.Д. Украинский сепаратизм и Германия // Украинский сепаратизм в России. Идеология национально-го раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии

М.Б. Смолина. М., 1998.

Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа) / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 1999.

Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. М., 1896.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд. М., 2014.

Савенко А.И. К вопросу о самоопределении населения Южной России // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Сень Д.В. О реэмиграции некрасовских казаков из Турции в СССР в 20-е гг. XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 4.

Сень Д.В. Османская империя и крымское ханство во второй половине XVII в. – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014.

Сергеев В.Н. Донская республика (1917–1918). Ростов н/Д, 2005.

Серебрякова З.А. Региональные советы национальных районов (март 1917 – март 1918). М., 1984.

Славинский М. Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Слободян Л.А. Проблема голода 1932–1933 годов на Украине в украинской и российской историографиях 1991–2013 годов // Славяноведение. 2014. № 5.

Смолин М.Б. Укратиофильство в России. Идеология раскола // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Сокурено В.Г. Демократические учения о государстве и праве на Украине во второй половине XIX века. (М. Драгоманов,

С. Подолинский, С. Терлецкий). Издательство Львовского университета. Львов, 1966.

Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь // История. 1947. № 7.

Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1849.

Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность. Сб. науч. ст. по матер. конф. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. Новочеркасск, 2010.

Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001.

Тикиджьян Р.Г. Проблемы трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв. // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014.

Тикиджьян Р.Г. Рассказывание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. статей. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010.

Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 2007.

Тишков В. Новые подходы в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5.

Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Ткаченко Г.С. Дмитрий Донцов – основатель украинского фашизма // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008.

Ткаченко Г.С. Миф о «голодоморе» – изобретение манипуляторов сознанием // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008.

Ткаченко Г.С. Фашизм и русофобия – основа идеологии украинского национализма // Бандеризация Украины – главная угроза для России / Автор-составитель Ю.К. Козлов. М., 2008.

Толочко П. Киевская Русь. К., 1996. (Пер. с укр. автора).

Трубачев О.Н. Как рождаются мифы (еще раз о терминах «великая», «малая» и «белая Русь») // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. I. Донецк, 1994.

Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России (после свержения самодержавия). Ростов н/Д, 2003.

Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000.

Удовенко Г.И. Народный Рух Украины в борьбе за власть // Независимая газета. 1999. 18 июня.

Украина в XX столетии. Киев, 1997. С. 48. (Пер. с укр. автора).

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. М., 1998.

Ульянов Н.И. Происхождение Украинского сепаратизма. М., 1997.

Федевич К.К. Украинцы и не только. (Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920–1930-е годы) // Славяноведение. 2014. № 5.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М., 2007.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. 2-е изд. Элиста, 1991.

Чернопицкий П.Г. Об одной особенности этнического состава населения Кубани и Дона в 1920-е гг. // Гуманитарная мысль Юга России в XX в. Тезисы межрегиональной науч. конф., ст-ца Тамань 19–22 сентября 2000 г. Краснодар, 2000.

Чернявский В.В. Генезис концепции украинского пограничья и ее влияние на становлении идеологии «европейского выбора»

// Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014.

Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.

Широкопад А.Б. Тайная история Украины. М., 2008.

Широкопад А.Б. Утерянные земли России. М., 2007.

Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.

Щавлинский Н.Б. Белорусский национальный комиссариат в Одессе: предпосылки создания и деятельности в 1918 году // Славяноведение. 2014. № 1.

Щеголев С. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. 1. (Б/и. Екатеринодар, 1910). Краснодар, 1992.

Юсова Н. Проблема генезиса концепции древнерусской народности в современной украинской историографии // Южнороссийское обозрение. Вып. 40. Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д, 2007.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. К., 1990.

Содержание

Введение	3
-----------------------	---

Глава I

Единая Русь «разметнулась на полсвета»

§ 1. Века разобщения	34
§ 2. Восстановление единства	48
§ 3. «От Карпат и до Камчатки»	61

Глава II

Особенности этнической консолидации

§ 1. Преломление в казачестве	84
§ 2. Языковые аспекты	106
§ 3. Не учитывавшиеся процессы	126

Глава III

Различия в восприятии действительности

§ 1. Малороссийская специфика	145
§ 2. Восточнославянский федерализм	155
§ 3. Оформление мифологии	168

Глава IV

Соотношение тенденций в 1917–1920 гг.

§ 1. Украинский сепаратизм	182
§ 2. Реалии самоопределения	203
§ 3. Националистическая вандея	221

Глава V

Установление национальных границ

§ 1. Классификация итогов	235
§ 2. Насаждение идентичности	252
§ 3. Новороссийское измерение	268

Заключение	289
-------------------------	-----

Библиография	295
---------------------------	-----

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Матвеев Владимир Александрович

**Украинский кризис 2014 г.:
ретроспективное измерение**

Монография

Печатается в авторской редакции

Дизайн и верстка Н.Н. Абраменко

Корректурa

*Е.В. Беловолова, Е.С. Давыдова,
О.В. Кашина*

Отпечатано в типографии ООО «Омега-Принт».
г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 3.
Печать офсетная. Гарнитура HeliosC.
Усл. печ. л. 18,7. Уч.-изд. л. 14,6.
Заказ № 287 от 16.04.2015 г.
Подписано в печать 22.05.2015.
Тираж 500.